

6

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
С С С Р

1974

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Прокурор Володарского района Астраханской области младший советник юстиции Е. И. Попов вместе с инспектором Марфинской инспекции рыбоохраны А. В. Хапугиным просматривают протоколы о задержании браконьеров, проверяя соблюдение социалистической законности.

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница: следователь Григорьев и его товарищи (продолжение фоторепортажа смотрите на 1—3 стр. вкладки).

Фото В. ЗИМИНА.

6	ИЮНЬ
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА	
(42)	1974 год

В НОМЕРЕ

	Стр.
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:	
М. Кириченко. Верховный государственный орган Союза ССР	3
Л. Лесницкая. Обжалование судебных решений	12
Беседы о товарищеских судах	
В. Кригер. Меры общественного воздействия	19
Новое в законодательстве Об ответственности за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ	26
Об усилении ответственности за загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря	26
Лариса Куликова. Доверие. Очерк	28
А. Ефимьев. Наказуемая небрежность. Судебный очерк	37
Раздумья писателя С. Михалков. Закон и литература	48
Книжная хроника	54, 74
Информация	55, 94
СОБЕСЕДНИК	56

Представляем юридические журналы «Радянське право» 73

Владимир Виноградов. Два допроса. Рассказ 75

Следователь Григорьев и его товарищи 96

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ 97

Опыт друзей
ГДР: закон о молодежи 110

Марчин Дор. Подарки из Франции. Повесть. (Окончание) 115

ИМЕНЕМ САТИРЫ 138

◀ Четвертая страница обложки: на киностудии «Мосфильм» закончена картина «Два дня тревоги». В основу сценария Ю. Рогова и В. Сойкина положен рассказ А. Глебова «Правдоха» — о молодом сельском корреспонденте, активно борющемся за социалистическое преобразование деревни. Режиссер-постановщик А. Сургин. Оператор-постановщик Р. Веселер.

Главный редактор С. А. ВЫСОЦКИЙ

Редакционная коллегия: Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАНОВ, М. П. МАЛЯРОВ, Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ, П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора), А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА

Корректоры Т. И. НИЗАМОВА, А. В. ЕЛИЗАРОВА

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, «Собеседник» 271-10-24, писем и консультаций 271-11-20, информации 271-08-63.

Сдано в набор 29/III-74 г. Подписано в печать 7/V-74 г. А08667. Формат 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,14. Заказ 1188. Тираж 3 020 000 экз. (1-й завод — 1 500 000 экз.). Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валуевая, 28.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. КИРИЧЕНКО,
профессор,
доктор юридических наук

ВЕРХОВНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН СОЮЗА ССР

16 ИЮНЯ — ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Каждые четыре года трудящиеся нашей Родины в обстановке высокой политической активности приходят к избирательным урнам, чтобы отдать свои голоса за кандидатов в депутаты, избираемых в высший представительный орган государственной власти — Верховный Совет СССР. Выборы в СССР всегда превращаются во всенародный праздник, в демонстрацию нерушимого единства и сплоченности советского народа вокруг Коммунистической партии — авангарда советского народа в его борьбе за успешное выполнение планов коммунистического строительства. Выборы в Верховный Совет СССР каждый раз являются новым свидетельством непреодолимой силы и прочности советского общественного строя, неопровержимым доказательством жизнеспособности всенародной социалистической демократии.

ВЫСШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН НАРОДА

В. И. Ленин, теоретически обосновывая принципы построения и деятельности советских высших органов государственной власти, которые должны заменить дискредитировавший себя буржуазный парламентаризм, писал, что «выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения... Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии... без парламентаризма можем и должны».

Вся более чем полувековая история становления и развития советской системы представительных органов строилась в соответствии с этими ленинскими указаниями.

Именно Советы, рожденные революционной инициативой трудящихся масс нашей страны, стали представительными органами советского народа. Основные черты и особенности советской представительной системы состоят в том, что государственные органы, ее олицетворяющие, избираются народом и ответственны перед ним. Избиратели контролируют деятельность своих избранников, которые обязаны отчитываться перед ними во всей своей деятельности и в деятельности соответствующего представительного органа. Избиратели вправе отзывать своих депутатов, если они не оправдали оказанного им доверия. Всю систему представительных органов Советского государства по действующей Конституции СССР возглавляет Верховный Совет СССР. Именно поэтому он по праву считается высшим представительным органом советского народа. Огромный авторитет Верховного Совета среди населения, подлинно демократический характер советской избирательной системы, высокая степень политической сознательности граждан каждый раз обеспечивают почти стопроцентное участие в выборах избирателей и единодушное голосование за кандидатов исторически сложившегося блока коммунистов и беспартийных.

Вот результаты голосования во время выборов в Верховный Совет СССР восьмого созыва (14 июня 1970 года). Из общего числа избирателей 153.237.112 в голосовании приняло участие 153.172.213 человек. При этом за кандидатов в депутаты Совета Союза и Совета Национальностей соответственно подано 99,74 процента и 99,79 процента голосов избирателей.

Эти данные яркое доказательство того, что выборы в СССР — это подлинно всенародные выборы, а избранные депутаты — представители всего народа. Ни в одном буржуазном государстве, политические деятели которых шумят бесконечно о демократизме своих парламентских выборов, никогда в истории не бывало столь высокой активности избирателей и никогда ни один представитель той или иной буржуазной партии или блока партий не получал такого высокого процента голосов при баллотировании в парламент или на президентских выборах.

Антидемократическая, антинародная сущность буржуазных избирательных систем приводит к тому, что в парламентах, как правило, оказывается подавляющее большинство представителей реакционных буржуазных партий, верных слуг и поборников эксплуататорского строя.

Совершенно иное положение в социальном составе депутатов Верховного Совета СССР.

Из 1517 депутатов Верховного Совета СССР восьмого созыва рабочих — 481 человек, колхозников — 282 человека. Следовательно, рабочие и колхозники составляют более 50 процентов депутатов. В числе депутатов 73 руководителя предприятий и специалиста различных отраслей народного хозяйства; 217 руководящих работников Советов и советских учреждений; 241 работник партийных органов; 146 деятелей науки, культуры, искусства, просвещения, здравоохранения, печати и общественных организаций; 57 — военнослужащих. В числе депутатов — 463 женщины. Это значительно больше, чем во всех парламентах европейских буржуазных государств, вместе взятых. Молодежь до 30 лет представлена 281 депутатом; беспартийных депутатов — 421 человек. Эти данные свидетельствуют о том, что в Верховном Совете СССР представлены все слои советского общества, люди всех основных отраслей государственной и общественной деятельности.

ВЫСШИЙ ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В Конституции сказано, что вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся и что высшим органом государственной власти Союза ССР является Верховный Совет СССР.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, определяя сущность Советской власти и роль Советов в социалистическом государстве, особо подчеркивал, что Советы как массовые организации трудящихся классов являются постоянной и

единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата.

В развитие этой ленинской мысли в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии сказано: «Основой социалистического государства и наиболее полным воплощением его демократического характера служат у нас, как известно, органы народной власти — Советы депутатов трудящихся... Сегодня это — более 2 миллионов депутатов. Они управляют делами всего нашего общенародного государства снизу доверху».

Будучи высшим органом государственной власти, Верховный Совет рассматривает и решает все наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики Советского государства, вопросы, касающиеся дальнейшего укрепления экономической и военной мощи нашей социалистической державы, обеспечения неуклонного подъема благосостояния советских людей. Верховный Совет формирует всю систему высших общесоюзных государственных органов. Он избирает Президиум Верховного Совета СССР, образует правительство — Совет Министров, избирает Верховный Суд и назначает Генерального Прокурора, которые во всей своей деятельности ответственны перед Верховным Советом и подотчетны ему. Верховный Совет образует, реорганизует и упраздняет министерства, государственные комитеты и иные приравненные к ним ведомства СССР, а также назначает (утверждает) и освобождает от должности их руководителей.

Верховный Совет как высший орган государственной власти осуществляет все права, присвоенные Союзу ССР согласно Конституции СССР, за исключением лишь тех, которые в силу Конституции отнесены к компетенции подотчетных ему органов: Президиума Верховного Совета, Совета Министров, министерств и иных ведомств СССР. Это положение вовсе не означает, что Верховный Совет не может в порядке верховного контроля рассмотреть любой вопрос, отнесенный к ведению подчиненных ему органов.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии особо подчеркнуто, что за последние годы усилился контроль со стороны Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик за работой министерств и ведомств, за положением дел на основных участках хозяйственного и культурного строительства.

Постоянные комиссии обеих палат Верховного Совета СССР согласно Положению о них контролируют деятельность министерств и ведомств СССР, других общесоюзных организаций, а также республиканских и местных государственных органов по проведению в жизнь Конституции СССР, общесоюзных законов, содействуют го-

сударственным организациям и депутатам Верховного Совета в их работе по выполнению решений Верховного Совета и его Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР в период между сессиями осуществляет контроль за деятельностью правительства, министерств и ведомств СССР.

Принимаемые Верховным Советом СССР законы и другие решения обязательны на всей территории страны и подлежат точному и неуклонному исполнению всеми без исключения учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПСС В ПОСТРОЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В связи с тем, что Союз ССР является многонациональным и по своему внутреннему устройству федеративным государством, его верховные государственные органы всегда строились таким образом, чтобы в их структуре и во всей их деятельности учитывались не только общие интересы всего советского народа, но и специфические интересы социалистических наций. Именно поэтому Верховный Совет СССР построен по двухпалатному принципу. Он состоит из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Совет Союза избирается гражданами по норме: от 300 тысяч населения — один депутат. Совет Национальностей избирается гражданами по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа. В составе депутатов Верховного Совета СССР восьмого созыва, избранного 14 июня 1970 года, представители 62 национальностей.

Исходя из федеративного характера нашего государства, законы, принятые Верховным Советом, публикуются на языках всех союзных республик.

Верховный Совет, формируя подотчетные ему высшие государственные органы Союза ССР, обеспечивает представительство в них всех союзных республик. Речь идет о Президиуме Верховного Совета СССР, в состав которого избираются представители всех пятнадцати союзных республик в качестве заместителей Председателя Президиума. При образовании правительства СССР в его состав включаются Председатели Советов Министров всех союзных респуб-

лик по должности. Также по должности входят председатели Верховных судов союзных республик в состав Верховного Суда СССР. Представители республик избираются также в состав постоянных комиссий обеих палат Верховного Совета.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ — ВЫСШИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Конституция СССР содержит ряд важных исходных положений, касающихся законодательной деятельности Верховного Совета СССР. В ней, в частности, сказано, что законодательная власть в общесоюзном масштабе осуществляется исключительно Верховным Советом, что обеим палатам Верховного Совета в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива, а закон считается утвержденным только при условии, если он принят обеими палатами простым большинством голосов каждой палаты.

В общем комплексе мероприятий, направленных на повышение роли Советов депутатов трудящихся и усиление их влияния на все сферы хозяйственного, культурного и государственного строительства, КПСС за последние годы особое внимание уделяет дальнейшему совершенствованию советского законодательства.

Напомним, что еще в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии было обращено внимание Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик на необходимость усиления работы по развитию советского законодательства, проверке исполнения законов, вынесения на рассмотрение сессий более широкого круга вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Расширению этой деятельности верховных органов власти Союза ССР и союзных республик в немалой степени должно содействовать повышение активности и увеличение числа постоянных комиссий как вспомогательных органов Верховных Советов, определение их правового статуса, особенно в части подготовки различных законопроектов для последующего внесения их на рассмотрение Верховного Совета.

В речи перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 12 июня 1970 года Л. И. Брежнев, подчеркивая огромное значение четко отработанного законодательства для правильного развития общественного организма, особо отметил, что работу по совершенствованию советского законодательства надо продолжать, чтобы оно не отставало от жизни, чтобы наши законы, оставаясь

прочными, стабильными, в то же время правильно и точно отражали происходящие в обществе процессы.

Столь большое внимание Коммунистической партии к совершенствованию советского законодательства оказало благотворное воздействие на всю практическую деятельность верховных представительных учреждений Союза ССР и союзных республик.

Для иллюстрации назовем только некоторые акты, принятые Верховным Советом после XXIII съезда КПСС.

В октябре 1967 года приняты Закон о всеобщей воинской обязанности и Положение о постоянных комиссиях Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В июне 1968 года — Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, а в декабре 1968 года — Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В 1969 году принят ряд других законодательных актов и в их числе Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении.

В июле 1970 года приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, а в декабре — Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В соответствии с предложением, содержащимся в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, о необходимости принять особый закон, регулирующий права и обязанности депутатов, Верховный Совет СССР 20 сентября 1972 года принял Закон о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР.

В июле 1973 года Верховный Совет СССР утвердил Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании.

Следует особо подчеркнуть, что в последние годы стало традицией публиковать наиболее важные общесоюзные законопроекты в печати для их всестороннего обсуждения советской общественностью. Факты свидетельствуют о том, что после публикации указанных законопроектов в верховные органы власти поступают тысячи писем с замечаниями и дополнениями к законопроектам, которые тщательно изучаются и затем учитываются при окончательном редактировании соответствующих проектов законов. Именно таким путем сам народ непосредственно участвует в обсуждении и принятии законодательных актов.

Большую роль в предварительной подготовке и обсуждении общесоюзных законопроектов играют постоянные комиссии палат, которые согласно Положению о них призваны способствовать непре-

рывной и эффективной работе Верховного Совета как высшего представительного и законодательного органа государственной власти.

Кроме непосредственного рассмотрения законопроектов Верховный Совет утверждает своими законами различные указы Президиума Верховного Совета, которыми вносятся те или иные изменения или дополнения в действующее законодательство.

Огромная законотворческая деятельность Верховного Совета ведется непрерывно. Предстоит принять новую Конституцию СССР, а также ряд основополагающих законодательных актов, призванных регулировать общественные отношения в различных сферах государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства в условиях развитого социалистического общества.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР В БОРЬБЕ ЗА МИР

Последовательная и настойчивая борьба Советского государства за установление прочного мира обусловлена самой природой социалистического общественного и государственного строя, где нет классов и политических партий, заинтересованных в войне. Советские люди заняты мирным созидательным трудом во имя торжества самого справедливого и самого светлого общества на земле — коммунизма, утверждающего мир и дружбу между народами.

Не случайно именно В. И. Ленин, вождь первого в истории социалистического государства, выдвинул и теоретически обосновал идею мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Ленинская идея мирного сосуществования для Коммунистической партии нашей страны и социалистического государства всегда служила надежным оружием в наших взаимоотношениях с капиталистическим миром. В современных условиях она приобрела особую актуальность и получила дальнейшее развитие и обоснование в программных документах КПСС.

В стенах Большого Кремлевского дворца, на сессиях Верховного Совета СССР всегда звучит голос разума, призывающий все государства и правительства к международному сотрудничеству, к мирному разрешению всех спорных вопросов.

Придавая особое значение сохранению и упрочению мира, Верховный Совет СССР 12 марта 1951 года принял Закон о защите мира. В нем сказано: «Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь высокими принципами советской миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира

и дружественных отношений между народами, признает, что совесть и правосознание народов, перенесших на протяжении жизни одного поколения бедствия двух мировых войн, не могут мириться с безнаказанностью ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны и солидаризируется с призывом Второго Всемирного конгресса сторонников мира, выразившего волю всего передового человечества в отношении запрещения и осуждения преступной военной пропаганды».

9 февраля 1955 года Верховным Советом СССР принята Декларация, призвавшая парламенты всех государств к установлению непосредственных связей и к обмену парламентскими делегациями в целях развития дружественных отношений и сотрудничества между народами.

Стремясь к большему взаимопониманию между различными государствами и их парламентами, Верховный Совет СССР в своей Декларации заявил, что он будет искренне приветствовать любые шаги со стороны парламентов других стран, направленные на упрочение мира между народами, и призвал к установлению непосредственных связей между парламентами, включая обмен парламентскими делегациями, выступления парламентских делегаций одной страны в парламенте другой страны. Декларация Верховного Совета СССР была встречена весьма положительно парламентскими кругами большинства стран мира.

Обмен парламентскими делегациями — одно из звеньев в общей системе мероприятий, проводимых нашим государством в целях достижения лучшего взаимопонимания между народами, ослабления международной напряженности и укрепления всеобщего мира.

Большая работа в этом же направлении проводится Парламентской группой СССР, которая объединяет депутатов Верховного Совета СССР и входит в Межпарламентский Союз, представляющий собой своеобразную международную организацию парламентских деятелей различных стран мира.

Парламентская группа ведет активную работу в Межпарламентском Союзе. Она разъясняет миролюбивую внешнюю политику нашей страны на межпарламентских конференциях и встречах, через органы печати Межпарламентского Союза, путем личного общения с представителями зарубежных парламентов.

На сессиях Верховного Совета рассматриваются вопросы внешней политики, борьбы за мир, за разоружение, ослабление международной напряженности, принимаются решения, осуждающие агрессивные действия врагов мира и демократии.

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Суд первой инстанции рассмотрел уголовное или гражданское дело, вынес приговор или решение. Кто-либо из участвующих в деле лиц считает приговор или решение неправильным. Можно ли в таком случае подать жалобу? Да, можно. И если подается жалоба, вышестоящий суд (суд второй инстанции) обязан проверить законность и обоснованность приговора или решения. Возникает так называемое кассационное производство.

Основные правила рассмотрения дел в кассационном порядке изложены в статье Г. Батунова «Вторая инстанция», опубликованной в № 12 журнала «Человек и закон» за 1972 год. Причем речь там шла главным образом об уголовных делах. Теперь же мы расскажем об особенностях кассационного рассмотрения гражданских дел.

Кассационная жалоба на решение суда может быть подана сторонами (истцом, ответчиком), а также другими лицами, участвовавшими в деле. К ним, в частности, относятся так называемые третьи лица, которые либо вступают в уже начатый процесс и заявляют самостоятельные требования на предмет спора, либо участвуют в деле на стороне истца или ответчика, будучи заинтересованными в том или ином разрешении спора сторон. Суд рассматривает, например, спор о разделе имущества между супругами. Проживающие вместе с супругами родители мужа или жены иногда вступают в процесс, заявляя, что часть имущества (телевизор, стиральная машина и другое) куплена ими лично, в связи с чем эти вещи не подлежат разделу и должны быть признаны их собственностью. В данном случае вступившие в процесс родители участвуют в деле в качестве третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования, и обладают всеми правами стороны, в том числе и правом на кассационное обжалование решения суда. Можно привести другой пример вступле-

ния в процесс третьих лиц. Предъявлен иск о взыскании алиментов на ребенка. При этом выясняется, что ответчик уже платит алименты на ребенка от первого брака. Бывшая жена ответчика, получающая алименты на ребенка, вступает в процесс в качестве третьего лица, поскольку решение суда может повлечь за собой снижение размера алиментов, взыскиваемых на ее ребенка. И в этом случае третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований по существу спора, но не согласное с решением суда, может его обжаловать в кассационном порядке. Лицами, участвующими в деле и, следовательно, имеющими право подать кассационную жалобу, являются также органы государственного управления, профсоюзы, государственные, кооперативные и общественные организации, когда они предъявляют иски в защиту прав и интересов других лиц либо дают свое заключение по делу, выполняя возложенные на них обязанности. Например, органы опеки и попечительства дают заключения по делам, затрагивающим интересы детей (споры о лишении родительских прав, отмене усыновления и так далее); жилищно-коммунальные органы — по спорам о выселении, обмене либо перепланировке жилой площади. В этих заключениях анализируются обстоятельства дела и высказывается мнение соответствующего органа о правах и обязанностях сторон.

Прокурор имеет право принести кассационный протест на решение суда по гражданскому делу независимо от того, участвовал ли он в данном деле. Адвокат вправе подать жалобу, если имеет на это полномочия от своего клиента.

Закон устанавливает десятидневный срок для обжалования решения (лишь в Грузинской ССР законодательством предусмотрен четырнадцатидневный срок на обжалование судебных решений). Течение этого срока начинается на следующий день после вынесения решения. Однако иногда суд из-за сложности дела оглашает первоначально лишь свой итоговый вывод, то есть резолютивную часть решения, откладывая составление его полного текста (с анализом доказательств, изложением всех доводов) не более чем на три дня. В таких случаях кассационный срок исчисляется со дня, следующего за днем, когда выносится решение в окончательной форме.

А если срок пропущен? Тогда, как правило, кассационная жалоба не рассматривается и возвращается подавшему ее лицу. Но если срок пропущен по уважительной причине, можно просить о его восстановлении. Уважительными причинами являются, в частности, болезнь, пребывание в командировке, несвоевременное изготовление протокола судебного заседания, несвоевременное направление копии решения стороне, не присутствовавшей в судебном заседании.

Мытищинский городской народный суд Московской области вынес решение о разделе имущества бывших супругов Р. Истец в судебном заседании участия не принимал, так как жил в Магаданской области и просил рассмотреть дело в его отсутствие. О решении узнал через пятнадцать дней после его вынесения. Обратился с просьбой восстановить пропущенный срок. Суд просьбу удовлетворил, поскольку копия решения была отправлена гражданину Р. не в течение трех дней со дня его вынесения, как того требует закон, а лишь на восьмой день.

Кассационная жалоба адресуется в вышестоящий суд (суд второй инстанции). Подается же она обычно в тот суд, который вынес решение, то есть в суд первой инстанции. Это целесообразно, так как суд, принявший решение, получив жалобу, должен направить ее копии лицам, участвующим в деле, известить их о времени и месте рассмотрения жалобы, переслать дело в кассационную инстанцию. Однако если жалоба подана непосредственно в суд второй инстанции, это не является препятствием для ее рассмотрения. Жалобу можно передать лично судье либо направить по почте.

Закон не предвзывает каких-либо особых требований к форме и содержанию кассационной жалобы. Практически составить ее может любой грамотный человек. В жалобе необходимо указать, в какой суд она адресуется, какой суд вынес решение. Но главное — изложение мотивов, по которым сторона считает решение неправильным. Мотивы могут быть самыми различными: невыяснение каких-либо существенных обстоятельств, неверная оценка доказательств либо их отсутствие, нарушение закона. Как и всякое заявление, направляемое в государственный орган, кассационная жалоба должна быть подписана тем, кто ее подает. К ней могут быть приложены письменные материалы, подтверждающие доводы автора: тексты договоров, выписки из документов и тому подобное.

При подаче жалобы уплачивается государственная пошлина, исчисляемая со спорной по жалобе суммы. Размер ее обычно невелик и составляет половину ставки, установленной для подачи заявления в суд первой инстанции. Например, при оспаривании суммы до 20 рублей размер пошлины составляет 20 копеек; от 20 и до 50 рублей — 30 копеек; от 50 и до 500 рублей — 1 процент; от 500 рублей и выше — 3 процента.

По некоторым делам (о взыскании заработной платы, алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем, а также смертью кормильца, о расторжении брака) истцы освобождаются от уплаты государственной пошлины при подаче кассационной жалобы. Кроме того, суд, учитывая имущественное положение гражданина, вправе

освободить его от уплаты пошлины по любому делу или уменьшить ее размер.

Задача вышестоящего суда — не разрешение дела по существу, а проверка правильности решения. Поэтому методы работы кассационной инстанции отличаются от методов деятельности суда первой инстанции. Вышестоящий суд, рассматривая кассационную жалобу, не проводит повторного разбирательства дела с вызовом свидетелей, экспертов. Он исследует лишь письменные материалы, заслушивает объяснения истца, ответчика, их представителей, прокурора (если он участвует в деле) и на этой основе делает свой вывод. Если появляется необходимость исследовать дополнительные доказательства, проверить новые факты, решение обязательно отменяется и дело передается в суд первой инстанции для нового рассмотрения по существу.

Проверка правильности осуществления правосудия судом первой инстанции в условиях, характерных для деятельности суда второй инстанции, требует от судей умения быстро ориентироваться зачастую в весьма сложных материалах рассмотренного дела, глубокого знания законодательства, судебной практики. А это означает, что члены суда должны обладать профессиональными юридическими знаниями. Поэтому кассационная инстанция разбирает дела в составе трех постоянных членов суда.

Все лица, участвующие в деле, извещаются повесткой о дне рассмотрения жалобы. Порядок извещения по-разному регулируется законодательством союзных республик. Например, в Российской Федерации, Таджикской ССР, если кассационной инстанцией является Верховный суд АССР, краевой, областной, городской суд, суд автономной области или национального округа, участвующие в деле лица извещаются народным судьей. В тех же случаях, когда жалоба рассматривается в Верховном суде республики, извещение посылается самим Верховным судом. На Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане и в ряде других союзных республик извещать о кассационном слушании дела во всех случаях обязан судья, принявший жалобу. Если у суда нет сведений о вручении повесток либо есть данные о том, что их вручили несвоевременно, слушание дела откладывается. Неявка же кого-либо из лиц, своевременно извещенных, как правило, не препятствует рассмотрению жалобы.

Кассационная инстанция проверяет правильность решения не только по имеющимся в деле материалам, но и на основании материалов, дополнительно представленных в вышестоящий суд сторонами и другими участвующими в деле лицами.

Суд второй инстанции обязан проверить дело как в обжалован-

ной, так и в необжалованной части, а также в отношении всех лиц. Например, если по делу было несколько ответчиков, а жалобу подал лишь один из них, кассационная инстанция обязательно проверяет правильность решения в отношении всех ответчиков, в том числе и тех, которые не обращались с жалобой.

Таким образом, проверка носит всесторонний характер. Решение суда первой инстанции может быть отменено не только из-за тех нарушений, на которые указано в жалобе, но и вследствие упущений, обнаруженных самой кассационной инстанцией. Так, Видновский городской народный суд Московской области рассмотрел дело о разделе жилой площади между бывшими супругами О. Своим решением суд выделил истцу — гражданину О. комнату размером 8 квадратных метров, а его бывшей жене с ребенком — 15 квадратных метров. В кассационной жалобе гражданка О. просила решение отменить, так как, по ее словам, размер комнат в действительности другой: 9,4 и 13,8 квадратного метра, а истец имеет право лишь на 7,7 квадратного метра жилой площади. Московский областной суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, отменил решение и указал, что нужно выяснить фактический размер комнат. Кроме того, областной суд обратил внимание на упущения, о которых ничего не говорилось в жалобе. Из материалов дела было видно, что комнаты являются смежно-изолированными. В случае удовлетворения иска планировка квартиры изменится: поскольку дверной проем, соединяющий обе комнаты, должен быть заделан. Согласно же законодательству такое переустройство квартиры возможно лишь с согласия наймодателя и с разрешения исполкома местного Совета депутатов трудящихся. Эти обстоятельства народный суд также должен был учесть.

И в кассационной инстанции участники процесса обладают широкими правами. Они могут заявлять отвод составу суда, знакомиться с материалами дела, заявлять различные ходатайства, вести дело в суде лично или через своих представителей, давать объяснения по жалобе, возражать против доводов жалобы и так далее. Так же, как и в суде первой инстанции, стороны вправе заключить мировое соглашение, а истец — отказаться от иска.

Закон дает право участвующим в деле лицам подать письменные объяснения по кассационной жалобе. Такие объяснения особенно важны в тех случаях, когда гражданин не может лично участвовать в судебном заседании. Они дают кассационной инстанции возможность всесторонне проверить решение суда. Объяснения по кассационной жалобе можно представлять в течение всего срока со дня подачи жалобы до начала слушания дела в суде второй инстанции.

Каковы же полномочия кассационной инстанции?

Если вышестоящий суд не обнаружит ошибок, он оставляет решение без изменений, а жалобу — без удовлетворения.

Иначе поступает вышестоящий суд, когда остаются невыясненными важные обстоятельства, нет достаточных доказательств или выводы суда не соответствуют фактам. Такие нарушения суда первой инстанции сам кассационный суд устранить не может, поскольку на стадии обжалования, как отмечалось выше, осуществляется лишь проверка законности и обоснованности решения, а не повторное исследование и рассмотрение дела по существу. Поэтому в подобных случаях вышестоящий суд отменяет решение и возвращает дело в суд первой инстанции, где оно рассматривается заново.

К супругам Г. был предъявлен иск о признании ордера на жилплощадь недействительным. Г. обратился со встречным требованием, в котором просил не препятствовать ему в обмене занимаемой трехкомнатной квартиры на двухкомнатную. Белгородский областной суд в основном иске отказал, а встречный иск удовлетворил. В кассационном порядке дело рассматривалось Верховным судом РСФСР, который отменил решение суда и дело направил на новое рассмотрение. Верховный суд признал, что решение было вынесено в противоречии с фактическими обстоятельствами дела и требованиями закона. Обращаясь с просьбой предоставить жилую площадь, Г. ввел в заблуждение исполком Белгородского городского Совета депутатов трудящихся, указав, что его семья состоит из пяти человек. Между тем фактически он проживал только с женой, поскольку две его дочери и внучка остались жить в Перми. Суд не учел этих обстоятельств и вынес необоснованное решение.

Существенное нарушение правил процесса также влечет отмену решения. В законе перечислены процессуальные нарушения, из-за которых дело всегда возвращается на новое рассмотрение в суд первой инстанции (например, нарушение тайны совещания судей, вынесение решения в отношении лица, не привлеченного к участию в деле, незаконный состав суда).

Верховным судом Российской Федерации было отменено решение Салехардского городского народного суда. Основанием для отмены послужило то обстоятельство, что председательствующий по делу народный заседатель исполнял обязанности народного судьи без ответственного решения об этом исполкома городского Совета. Тем самым были нарушены требования статьи 32 Закона о судостроительстве РСФСР.

Однако не всегда вышестоящий суд предлагает суду первой инстанции заново рассмотреть дело. Закон дает возможность самой

кассационной инстанции изменить решение либо вынести новое, не передавая дело на повторное рассмотрение, если не требуется сбора или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении закона. В связи со сложностью дела или по другим основаниям вышестоящий суд, отменяя решение, вправе принять дело к своему производству в качестве суда первой инстанции.

При определенных условиях вышестоящий суд может решение отменить, а дело прекратить или оставить иск без рассмотрения.

Балашинский городской народный суд Московской области расторг брак между супругами К. В кассационной жалобе ответчица просила отменить решение, так как она беременна и согласия на возбуждение дела о разводе не давала. К жалобе приложила справку о беременности. Московский областной суд решение отменил и дело прекратил. Почему? Законодательство о браке и семье предусматривает особый порядок возбуждения дела о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка. В этот период муж вправе предъявлять иск о расторжении брака лишь с согласия жены. Городской суд нарушил это правило, охраняющее интересы матери и ребенка. Поэтому вышестоящий суд и прекратил дело.

Если кассационный срок истек и решение не было обжаловано, оно вступает в законную силу, становится обязательным для всех и может быть принудительно исполнено.

Когда подается кассационная жалоба, решение вступает в законную силу после рассмотрения дела вышестоящим судом (если оно не будет отменено).

М Е Р Ы ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В первых двух беседах рассказывалось о задачах, компетенции товарищеских судов, а также о порядке рассмотрения ими дел. Настоящая беседа посвящена мерам общественного воздействия и правилам их применения к виновным. Применение той или иной меры воздействия признается законным только в том случае, если она назначена в точном соответствии с требованием действующего законодательства. В законодательстве содержатся указания на то, какие меры и за какие правонарушения могут быть применены к виновному.

Товарищеские суды используют богатый арсенал средств воздействия. С их помощью они предупреждают проступки на производстве и в быту, устраняют причины и условия, вызвавшие антиобщественное поведение. В широком смысле мерами общественного воздействия следует считать также беседы с правонарушителем, обсуждение его поведения на заседании товарищеского суда, сообщение о проступке в стенной печати и иные формы работы по воспитанию и исправлению правонарушителя.

Обсуждение проступков в товарищеском суде, если оно хорошо организовано,— эффективная мера. Поэтому установлено, что суд может ограничиться публичным рассмотрением дела и не применять мер воздействия, предусмотренных Положениями о товарищеских судах, действующими в союзных республиках.

Расскажем теперь, какие именно предусмотрены меры общественного воздействия, как они применяются на практике.

Эти меры различаются по своему характеру, порядку назначения и способу исполнения. Их можно разделить на три группы.

Первую группу составляют меры, принимаемые самим товарищеским судом и рассчитанные, прежде всего, на моральное воздействие. К ним относятся возложение обязанности принести публичное извинение потерпевшему или коллективу, объявление товарищеского предупреждения, общественного порицания, общественного выговора с опубликованием или без опубликования в печати. Эти меры товарищеский суд вправе применять за любые правонарушения и проступки, рассмотрение которых отнесено к его компетенции.

Указанные меры должны применяться в строгом соответствии с их наименованием в Положениях. Между тем товарищеские суды иногда объявляют «строгие выговоры», выговоры «с занесением в личное дело», «общественные предупреждения», «указания» и «замечания», то есть меры, не предусмотренные Положениями.

Ко второй группе мер общественного воздействия относятся денежный штраф, а также возмещение причиненного неправомерными действиями ущерба. Денежный штраф может быть назначен только за проступок, не связанный с нарушением трудовой дисциплины. Это положение имеет принципиальное значение и должно строго соблюдаться. Однако, как уже отмечалось в первой беседе, иногда товарищеские суды нарушают это требование закона и штрафуют за те или иные нарушения трудовой дисциплины.

Штраф не должен превышать 10 рублей. Но за мелкое хищение государственного или общественного имущества назначается штраф до 30 рублей, а при повторном мелком хищении — до 50 рублей. Между тем на практике иной раз назначают штраф в повышенном размере и за другие правонарушения. Работницу кемеровского завода «Карболит» товарищеский суд оштрафовал на 30 рублей за кражу в бытовом помещении цеха чулок у другой работницы цеха. Поскольку в данном случае совершена кража личных вещей, а не мелкое хищение государственного или общественного имущества, товарищеский суд не мог налагать штраф свыше 10 рублей.

Некоторые члены товарищеских судов считают штраф наиболее эффективной мерой воздействия. С этим, конечно, согласиться нельзя. Как и все другие меры общественного воздействия, штраф достигает целей воспитания и исправления правонарушителя лишь тогда, когда его применение целесообразно с учетом специфических особенностей дела и личности правонарушителя. Сумма штрафа должна соразмеряться не только с характером проступка, но и с уровнем материальной обеспеченности правонарушителя. Именно

при таком подходе товарищеским судам удается добиться желаемого эффекта от применения штрафа в каждом конкретном случае.

Товарищеский суд наряду с применением любой из предусмотренных Положениями мер общественного воздействия может обязать виновного возместить причиненный неправомерными действиями ущерб на сумму не свыше 50 рублей. В этом случае в решении суда определяется размер возмещения за ущерб в денежном выражении и срок уплаты. Или же на виновного возлагается обязанность загладить причиненный вред: в установленный срок, например, вставить разбитые стекла, приобрести имущество взамен уничтоженного и тому подобное.

Меры общественного воздействия, относящиеся к третьей группе, состоят в том, что товарищеский суд выступает лишь инициатором применения администрацией дисциплинарного взыскания (перевода виновного на нижеоплачиваемую работу, понижения в должности, увольнения, направления на неквалифицированные физические работы в той же организации на срок до 15 дней) или применения государственного принуждения народным судом (выселения виновного из квартиры из-за невозможности совместного с ним проживания или хищнического отношения к жилому фонду). Подобные меры состоят из двух частей: морального воздействия, выражающегося в осуждении проступка товарищеским судом, и ходатайства о применении к виновному одной из мер дисциплинарного взыскания или судебного принуждения.

Меры, сочетающие общественное и дисциплинарное воздействие, применяются преимущественно товарищескими судами на предприятиях. Решения же возбудить вопрос о выселении при невозможности совместного проживания или хищническом отношении к жилому фонду чаще выносятся товарищескими судами при жилищно-эксплуатационных конторах и домоуправлениях.

Меры воздействия третьей группы существенно затрагивают трудовые, материальные, жилищные интересы граждан, поэтому их надо рассматривать как исключительные и применять тогда, когда другие меры воздействия в коллективе не дали положительных результатов. Прибегая к этим мерам, необходимо особо тщательно и строго соблюдать Положения о товарищеских судах, а также трудовое и жилищное законодательство.

Товарищеские суды не вправе сами переводить, понижать в должности либо увольнять правонарушителя с работы. Они не могут назначать эти меры без обращения к администрации.

Товарищеский суд ремонтно-строительного цеха Новокемеровского химвкомбината решил перевести одного электросварщика — за на-

рушение общественного порядка — на нижеоплачиваемую работу на 1 месяц. Такое решение незаконно. Оно противоречит Положению о товарищеских судах и трудовому законодательству. Как уже отмечалось, товарищеский суд не наделен правом переводить работника на другую должность, увольнять его, выселять и тому подобное. Принять подобные решения вправе только администрация или народный суд. Товарищеский суд не вправе обращаться к администрации или суду и просить их применить такие меры, которые не предусмотрены Положением. Например, товарищеский суд не вправе ставить вопрос о переводе правонарушителя на нижеоплачиваемую работу или о понижении в должности на срок свыше трех месяцев, о снижении производственного разряда или о лишении премии.

Ставить вопрос об увольнении с работы товарищеский суд может лишь в отношении скомпрометировавших себя правонарушителей, работа которых связана с воспитанием несовершеннолетних и молодежи либо с распоряжением материальными ценностями или их хранением. К таким лицам могут быть отнесены мастера производственного обучения, преподавательский состав учебных заведений, штатные воспитатели культурно-просветительных и спортивных учреждений и так далее. К работникам, связанным с распоряжением материальными ценностями или их хранением, относятся только те лица, которым непосредственно вверены для реализации и хранения какие-либо материальные ценности.

Направлять на неквалифицированные физические работы можно лишь за мелкое хищение государственного или общественного имущества, кражу малоценных предметов личного потребления и быта, мелкую спекуляцию и мелкое хулиганство, побои и легкие телесные повреждения.

Что касается возбуждения вопроса о выселении виновного из занимаемой квартиры из-за невозможности совместного с ним проживания, надо иметь в виду следующее. Пленум Верховного Суда СССР 9 апреля 1965 года в постановлении «О практике передачи судами дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов» разъяснил, что при возбуждении товарищеским судом вопроса о выселении лиц, которые, систематически нарушая правила социалистического общежития, делают невозможным для других проживание с ними в одной квартире или доме, истцом является не товарищеский суд, а лицо, непосредственно заинтересованное в выселении. Оно и обращается с заявлением о выселении в народный суд. Решение же товарищеского суда в этих случаях имеет профилактическое значение.

Товарищеский суд может успешно выполнять свои задачи, если

в основе его деятельности лежат объективность и беспристрастность, если царит атмосфера доброжелательности, чуткого и внимательного отношения к любому члену коллектива, уважения человеческого достоинства. Дать человеку возможность почувствовать свою вину — значит прежде всего правильно оценить совершенный проступок, показать его опасность и вред.

Если в борьбе с правонарушениями и аморальными поступками товарищеский суд широко использует меры общественного воздействия, то для защиты имущественных прав граждан он прибегает к имущественным санкциям. В этих случаях в своем решении он указывает, какие конкретно действия и в какой срок должен совершить ответчик в пользу потерпевшего. При рассмотрении имущественных споров товарищеский суд в зависимости от обстоятельств дела может удовлетворить иск полностью или частично, отказать в нем или прекратить дело за примирением сторон.

Профилактическая работа товарищеских судов включает также организацию воспитания и исправления правонарушителей путем установления общественного контроля за ними.

Выбор воспитательных мер в каждом конкретном случае зависит от особенностей личности правонарушителя. Эти меры должны содержать разумные требования и исходить из задач перевоспитания правонарушителей, а также оказания воспитательного воздействия и на других членов коллектива.

Нередко товарищеские суды в стенной или многотиражной печати публикуют свои решения по рассмотренным делам. Это имеет важное воспитательное значение, так как сам факт публикации — серьезная мера воздействия на нарушителя. Используются и иные формы гласности. Так, в мартеновском цехе № 2 Кузнецкого металлургического комбината мастера, профорги или члены товарищеского суда зачитывают его решения на всех участках и в бригадах.

Иногда товарищеские суды в ходе обсуждения проступка или после вынесения решения предлагают нарушителю дать в письменной форме обещание прекратить антиобщественное поведение.

Одна из действенных форм воспитательной работы — шефство. Для назначения шефа суд может обратиться к соответствующим общественным организациям или коллективу, в котором состоит нарушитель. Шеф контролирует поведение правонарушителя на работе и в быту, ведет с ним индивидуальную воспитательную работу. Шефами, как правило, назначаются авторитетные, уважаемые в коллективе люди, имеющие опыт воспитательной работы. В некоторых случаях товарищеские суды назначают шефов из своего состава.

В наших беседах уже не раз подчеркивалось, что предупреждение проступков и правонарушений возможно не только путем применения мер воздействия, но и главным образом — устранением самой возможности совершения этих проступков. В Положениях прямо предусмотрено, что товарищеские суды сообщают общественным организациям и должностным лицам о вскрытых ими причинах и условиях, способствовавших совершению правонарушений или проступков.

Обстоятельствами, которые способствуют совершению правонарушений, могут быть, например, ненормальные взаимоотношения в коммунальной квартире, конфликты в семье, неправильное поведение потерпевшего, недостатки в деятельности организаций и должностных лиц (плохой контроль за материальными ценностями, проявление бесхозяйственности и бюрократизма, нарушение прав и законных интересов членов коллектива, недостатки в идеологической и воспитательной работе и так далее). Товарищеский суд одного из колхозов при рассмотрении дела о хищении зерноотходов с фермы установил, что правонарушению способствовал плохой учет на ферме. О недостатках в учете кормов товарищеский суд сообщил правлению колхоза.

Эффективность работы товарищеского суда во многом зависит от своевременности исполнения его решений.

Решения товарищеского суда не нуждаются в чем-либо утверждении и поэтому вступают в законную силу сразу же после вынесения. Если они противоречат обстоятельствам дела или действующему законодательству, комитет профсоюза или исполнительный комитет местного Совета депутатов трудящихся может предложить товарищескому суду вторично рассмотреть дело.

Порядок исполнения мер, применяемых товарищеским судом, не одинаков. Решение суда о товарищеском предупреждении, общественном порицании или общественном выговоре исполняется тут же в заседании, когда суд оглашает решение (в некоторых случаях оно публикуется в возможно короткий срок в печати — многотиражке, стенгазете). Решения суда об этих мерах воздействия сохраняют силу в течение года. Если человек, в отношении которого вынесено решение, за это время не совершит нового правонарушения, взыскание считается снятым.

Большое воспитательное значение имеет правило о том, что товарищеский суд может снять взыскание до истечения годичного срока. Ходатайство о досрочном снятии взыскания возбуждается общественной организацией, руководителем предприятия, учреждения, правлением колхоза по заявлению лица, привлекавшегося к ответ-

ственности, а также по инициативе товарищеского суда. Решение о досрочном снятии взыскания доводится до общего сведения.

Решение товарищеского суда о возмещении ущерба, о штрафе или ином имущественном взыскании исполняется в срок, установленный в решении.

В том случае, если нарушитель отказывается добровольно исполнить решение о наложении штрафа, о возмещении ущерба и ином имущественном взыскании, решение товарищеского суда может быть исполнено принудительно. Для этого председатель товарищеского суда должен направить дело народному судье. Проверив представленные материалы и убедившись в законности решения, народный судья выдает исполнительный лист для исполнения решения товарищеского суда судебным исполнителем.

Средства, взысканные с лиц, подвергнутых штрафу, поступают в доход государства. Товарищеский суд, как и администрация предприятий, учреждений и организаций, не вправе использовать суммы взысканного штрафа на какое-либо возмещение убытков от правонарушений, на культурно-просветительные мероприятия или на техническое обслуживание.

Правильно поступают те товарищеские суды, которые после вынесения решения разъясняют заинтересованным лицам порядок его исполнения и обжалования. Положения предоставляют комитетам профсоюзов и исполкомам местных Советов право проверять обоснованность принимаемых товарищескими судами решений. Указанные органы рассматривают и жалобы заинтересованных лиц, и протесты прокурора на решения.

Рассмотрение жалоб — одна из форм руководства деятельностью товарищеских судов и проверки законности их решений. На профсоюзные и советские органы возложены и многие другие ответственные задачи по руководству товарищескими судами. К ним относятся организация и проведение отчетов и выборов товарищеских судов; правовое обучение их составов; оказание товарищеским судам повседневной помощи и осуществление контроля за ними; изучение, обобщение практики и распространение опыта работы; координация деятельности товарищеских судов и других организаций общественности, а также обеспечение их связи с государственными органами, ведущими борьбу с преступностью и иными правонарушениями.

**НОВОЕ
В законодательстве****ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ НОШЕНИЕ,
ХРАНЕНИЕ, ПРИОБРЕТЕНИЕ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТ
ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕВЫХ ПРИПАСОВ
И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ**

Для повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с применением огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, Президиум Верховного Совета СССР 11 февраля 1974 года принял Указ. Этим Указом установлено, что ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

Предусмотрено также, что лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности.

**ОБ УСИЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ МОРЯ ВЕЩЕСТВАМИ,
ВРЕДНЫМИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ
ИЛИ ДЛЯ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ МОРЯ**

В целях усиления борьбы с загрязнением внутренних морских и территориальных вод СССР и открытого моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, Президиум Верховного Совета СССР 26 февраля 1974 года издал Указ.

Указом установлено, что загрязнение внутренних морских и территориальных вод

СССР вследствие незаконного сброса в этих водах с судов и других плавучих средств либо непринятия необходимых мер к предотвращению потерь ими веществ, вредных для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо смесей, содержащих такие вещества свыше установленных норм, наказывается лишением свободы на срок до двух

лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до 10 000 рублей. Такие же меры наказания применяются и за загрязнение вод открытого моря вследствие сброса с советских судов и других плавучих средств или непринятия необходимых мер к предотвращению потерь ими указанных веществ либо смесей в нарушение международных соглашений, в которых участвует СССР.

Вышеназванные действия, причинившие существенный вред здоровью людей или живым ресурсам моря, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или штрафом до 20 000 рублей.

Указ предусматривает также, что несообщение капитаном судна или другого плавучего средства администрации ближайшего советского порта сведений о готовящемся или произведенном вследствие крайней необходимости сбросе с этого судна или другого плавучего средства либо предотвратимых потерях ими

в пределах внутренних морских или территориальных вод СССР веществ, вредных для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо смесей, содержащих такие вещества свыше установленных норм, наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до 500 рублей.

Капитан либо другие лица командного состава судна или другого плавучего средства, виновные в невыполнении предусмотренных действующим законодательством обязанностей по регистрации в судовых документах операций с веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо смесями, содержащими такие вещества свыше установленных норм, во внесении в судовые документы неверных записей об этих операциях или в незаконном отказе предъявить такие документы соответствующим должностным лицам, подвергаются штрафу, налагаемому в административном порядке в размере до 100 рублей.

ПРАВОВОЙ
УНИВЕРСИТЕТ

О Ч Е Р К

Они могли много раз встретиться — ведь нет ничего необычного в том, что знакомятся два земляка...

Но это знакомство случилось не совсем в обычном, точнее — в не принятом месте для обыкновенных знакомств: подсудимому Валерию Ковальчуку и народному заседателю Григорию Игнатьевичу Биденко довелось «познакомиться» в судебном заседании Петропавловского городского народного суда.

— Подсудимый, назовите дату вашего рождения, — это вопрос суда.

— Четвертое мая 1955 года, — отвечает Ковальчук.

...Май пятьдесят пятого. Теперь это время в истории нашей страны называют «второй целинной весной». Отмечен тот год не только лишь золотом небывалых хлебов... Вместе с первыми урожаями, возвращенными в бесплодных до этого казахстанских степях, прочно обосновавшиеся там новоселы принимали и своих первенцев, дружно рождающихся в тысячах счастливых целинных семей. Как все младенцы во все времена, издав первый крик, Валерий Ковальчук тогда еще не ведал и не знал, в какое достойное удивления время ему суждено было стать человеком.

В тот год Биденко исполнилось уже сорок пять. Тифом и голодом отметила детство его поколения гражданская война... Держать

кирку и лопату, смело и дерзко мечтать научил Днепрогэс. Волю к победе закалил длинный путь — в пол-Европы, по которой прошел он в годы Великой Отечественной...

Память все сохранила: и минуты, и годы. И боль. И радость. И уже в зрелом возрасте довелось ему стать и свидетелем и участником складывающейся истории целины. И все то, что не мог еще тогда понимать, осознавать подрастающий Валерий Ковальчук, лучшими страницами жизни осталось в памяти его земляка.

В эту пору Биденко был назначен на новую должность: начальником Петропавловской конторы гордорстроя. Надо было строить дороги. Много хороших крепких дорог, по которым в любую погоду непрерывным потоком можно будет транспортировать зерно.

Это была почетная и трудная работа. И, пожалуй, непросто теперь уже решить: чего было больше — трудностей либо почета... Достижения измерялись в то, первое, время иногда километрами, а случалось — и каждым метром дорог. Не хватало механизмов, не хватало машин. Гранит дробили вручную и возили из каменоломни в основном на лошадях. Городские магистрали мостили булыжником лишь с помощью рук. И все же не раз и не два получали дорожники переходящее Красное знамя и почетом таким гордились по праву.

Об асфальте в Петропавловске Казахском тогда еще только мечтали. Не было асфальтосмесителей, не было возможности привезти их издалека, не представлялось вероятным изготовить на месте, силами городских, в то время немногочисленных, предприятий.

Таковы были сложности в работе конторы гордорстроя. Впрочем, их немало было и в работе других городских и областных организаций. Облторгу, например, не удавалось в те первые целинные годы удовлетворить подскочивший вдруг спрос на детские коляски... Потому и не каждому младенцу из второго поколения целинников довелось покачаться на мягких рессорах, приглушающих тряску новеньких булыжных мостовых областного центра.

Прошло немало времени, прежде чем завод имени Куйбышева, не устояв перед натиском конторы гордорстроя, сделал первый асфальтосмеситель. «Дорожили мы тогда каждым килограммом асфальта,— вспоминает Биденко.— И мостили им только тротуары».

...Раньше всех городских пешеходов преимущество асфальтовых дорожек оценили, конечно, мальчишки: что за радость гонять по ним, сломя голову, на велосипедах!

Вскоре слава заядлого гонщика пришла и к Валерию Ковальчу-

ку. Правда, слава была не спортивная, а своя, так сказать, «дворовая», но его она до поры до времени удовлетворяла. Он гордился своим велосипедом точно так же, как когда-то его мать — новой детской рессорной коляской... И забросил все то, что его волновало, если можно так сказать, в «довелосипедное» время. Год за годом гонял он сначала по тротуарам, потом по асфальтовым дорогам, мечтая теперь уже не о дворовой, а об уличной славе. А тем временем одноклассники обгоняли его в учебе. Наконец педсовет постановил: оставить Валерия на второй год в восьмом классе.

Мама плакала: старшенький, а такой неудачный. Отец задал крепкую порку. А потом, как и водится, долго-долго судили-рядили. И старшенький обещал исправиться. И все шло бы своим чередом, не случись вдруг событие, столкнувшее Ковальчука с привычной дорожки, по которой до этого беспечно катилась его мальчишеская жизнь...

— А ты, Валерка, оказывается, тру-у-с... Вот кто ты! Понял? Трус! — Так сказал ему младший брат.

— Я? Я трус? Да? — только и смог выкрикнуть он, обожженный этими брошенными в лицо ему словами и — еще больше — кривыми, презрительными усмешками двух своих дружков, теперь молчаливо выжидающих конца «представления».

Самым ужасным было то, что он растерялся. Всего минуту назад, когда ребята сказали, что неподалеку, в сарае, на котором «всего лишь один замочек», стоит чей-то новый мопед, он отрицательно покачал головой... Всего секунду назад в ответ на вкрадчиво-подстрекательское: «А может быть, его увести, а?» — он зло и четко ответил: «Да ты что, сдурел?»

И вдруг — от кого? От десятилетнего салаги слышать прямо в лицо: «Понял? Трус!»

Побледнев так, что это стало заметно даже в темноте, Валерка хрипло прошипел:

— Пошли! Я тебе покажу, кто трус!

И они молча, тесной кучкой вышли на улицу из привычной дворовой темноты. И он размашисто зашагал впереди, ни разу не оглянувшись и даже не зная, идут ли за ним, зная только, что теперь для него назад пути нет...

Григория Игнатьевича Биденко избрали народным заседателем незадолго до того, как к уголовной ответственности по части 2 статьи 132 Уголовного кодекса Казахской ССР был привлечен его юный земляк Валерий Ковальчук.

В ту пору Биденко уж вышел на пенсию, но вскоре поняв, что не может без дела, решил пойти мастером на спецавтобазу при горисполкоме, теперь получив в свое ведение опять городские дороги, в придачу к которым солидную технику: снегоочистительные, снегопогрузочные, поливомоечные машины, мусоровозы, бульдозеры на гусеничном ходу, тракторы «Беларусь»... И вся эта сила была предназначена для одного хорошего и нужного дела — поддержания улиц родного их города в чистоте.

...С волнением ждал старый мастер предстоящего разговора с одним из самых опытных народных судей — Валентиной Ивановной Галныкиной. Не раз он встречал ее фамилию в списках членов горкома партии, голосовал за ее кандидатуру на выборах в городской Совет депутатов трудящихся...

Теперь им предстояло вместе участвовать в судебных процессах, и, чувствуя свою юридическую неподготовленность, Григорий Игнатьевич испытывал не только волнение, но и некоторую робость.

Галныкина, подробно расспросив о работе, о жизни, ободряюще сказала ему, что знания вновь избранным народным заседателям всегда помогают приобрести опытные юристы. А суду потребуются жизненный опыт народных заседателей.

— Какой уж там опыт,— сказал Биденко.— Просто строил дороги, а теперь вот слежу за их чистотой...

— Будем вместе помогать строить новые жизненные дороги тем, кто сбился с пути,— улыбнулась Валентина Ивановна.— Что же касается чистоты...— Она задумалась ненадолго.— Будет еще одно хорошее дело для вас. Действительно для вас! Не только по аналогии. Есть у нас в совете народных заседателей такая секция — по контролю за поведением условно осужденных... Но, впрочем, торопить вас не стану. Об этом вам надо серьезно подумать самому.

В тот день Биденко возвратился домой со стопкой юридической литературы.

С усердием прилежного ученика он посещал все лекции и беседы, организуемые для народных заседателей в суде.

Прошло еще немало дней, прежде чем он был вызван участвовать в судебных заседаниях...

Десятки людей, повергнувших сами себя в пучины страданий и позора; десятки судеб, изломанных, искромсанных пьянством, алчностью, безрассудством, эгоизмом, тунеядством, прошли за две недели работы в суде перед ним.

Он любил жизнь. И знал ей истинную цену. И потому проникся важностью, необходимостью всей многогранной, всей напряженной и устремленной в будущее работы суда.

— Подсудимый, когда было совершено преступление? — спрашивает судья.

— Был месяц май,— отвечает Валерий Ковальчук и, сам не сознавая почему, смотрит не на женщину-судью, а на сидящего справа от нее белоголового человека, чей взгляд тоже в упор устремлен на него.

Он потом вспомнит, где уже видел много-много раз этого высокого прямого старика: конечно же, на улице, ведь он давно примелькался всем петропавловским мальчишкам!

Они гоняли на велосипедах по драгоценным когда-то, едва успевающим остыть первым асфальтовым дорожкам, а по его указаниям залечивались, ремонтировались тротуарные раны...

Они швыряли на середину улицы окурки, придав им скорость шикарным и точным щелчком, а он, идя по этой улице, писал в своем блокноте, куда направить рано утром поливомоечные машины...

— Был месяц май,— еле слышно, словно в забытии, повторяет ответ на вопрос судьи Валерий Ковальчук и опускает голову под взглядом своего поседевшего земляка.

«Май — это месяц нашей Победы над лютым врагом... Время, когда сеют хлеба... Это пора надежд...— думает в эти мгновенья народный заседатель Биденко, все пристальнее и пристальнее вглядываясь в лицо стоящего перед судом паренька.— Как, почему оказался он здесь, этот мальчишка, рожденный в прекрасное время, чтобы так же прекрасно трудиться и жить?»

Как?.. Почему?.. Во всем этом долго и тщательно предстоит разбираться суду.

Здесь попросят припомнить все-все до мельчайших подробностей... Ничто не должно ускользнуть от внимания судей: при определении меры наказания будет учитываться каждая деталь...

— Скажите, Ковальчук, не страшно было воровать? Ну, если откровенно, вы по характеру не трус? — спрашивает Григорий Игнатьевич подсудимого.

Солнечный свет не может скрасить вдруг проступившей на лице подсудимого белизны:

— Если бы был трусом... Если бы был... На такое дело тогда бы не пошел!

Быстрый вопрос того же судьи:

— Значит, вы не хотели показаться трусом перед кем-то из своих товарищей! Перед кем?

Минута паузы. Вторая. Третья... Все ниже опускается голова Ковальчука:

— Мне сказал, что я трус, мой младший брат. И я решил... Я хотел доказать...

Усталые, с посеревшими лицами уходят в совещательную комнату судьи. Галныкина распахивает окно.

Солнце бодрит краски осени на увядающей листве. Люди спешат по делам, переговариваясь о чем-то своем, спокойно проходят мимо здания суда... И этот будничныи ритм, эта обычная занятость людей, это неведение ими того, что происходит сейчас в суде, еще сильнее обостряют беспокойство народного заседателя Биденко о подсудимом Ковальчуке, о его дальнейшей судьбе. И вне всякой связи, казалось бы, вдруг вспоминается первый день знакомства с судьей...

Какие тонкие психологические нити объединяют события двух этих дней: знакомство народного заседателя с народным судьей и сам процесс по делу Ковальчука? Что в этом общего? И как объединить все это в стройный доказательный ряд?

...Тогда, при их первом разговоре, Галныкина сказала, что не станет торопить его с ответом: он сам должен многое понять и решить — в какой секции будет работать. Не только по обязанности, но и по душе.

Задумавшись, он вздрагивает от внезапно наступившей вдруг тишины: это Галныкина закрыла окно.

Там — город в суматохе ежедневных будничных дел... Здесь — суд: в его буднях определяются дальнейшие судьбы людей...

Он принял решение — и по обязанности, и по душе. Об этом он скажет Валентине Ивановне Галныкиной после вынесения приговора по делу Ковальчука.

— Ну, что же, приступим? — Валентина Ивановна садится к столу. И прежде, как всегда, дает возможность каждому из народных заседателей высказать свое мнение до конца.

Более двух часов подсудимый Ковальчук ожидает решения своей судьбы.

— Встать! Суд идет!

— ...«Признать виновным Ковальчука Валерия Петровича по статье 132, части 2 УК Казахской ССР,— читает судья,— и подвергнуть наказанию в виде двух лет лишения свободы. С применением статьи 40 УК Казахской ССР наказание ему считать условным с испытательным сроком в два года...».

— Условное осуждение — это доверие общества к оступившемуся человеку! И доверие к вам, Григорий Игнатьевич. Большое до-

верие к вам,— уже в совещательной комнате говорит Галныкина, обращаясь к Биденко.— Ведь вы, если я не ошибаюсь, уже сделали выбор? Контроль за поведением условно осужденных, пожалуй, наиболее ответственная и наиболее сложная из всех наших прочих забот... Ну, что же, записывайте адрес вашего подопечного...

— Адрес запомнил,— отвечает Биденко.— Это не так далеко. А город мне, Валентина Ивановна, знаком.

Он оказался совсем незнакомым — их Петропавловск — условно осужденному Валерию Ковальчуку. Что из того, что гонял он когда-то по всем этим улицам на велосипеде? Разве увидишь, поймешь в этой гонке, что за дома, что за люди мелькают по стономам?

Хмуро, с ухмылочкой, нехотя вынужден был он принять приглашение Григория Игнатьевича Биденко «просто пройтись» по их городу погожим осенним вечерком.

Тоскливо поеживался Валерий: «О чем говорить? Ну, хорошо,— думал он.— Пусть осудили. Но я же осознал. Не пью. Не дерусь. Не ворую... Ну, что ему надо еще от меня? Водит по улицам, как нянька...».

Несколько раз после этого появлялся Биденко в семействе Ковальчуков. То посидит с отцом на низкой лавочке подле дома, то вдруг мелькнет его седая шевелюра за соседским забором...

А однажды... чуть ли не два часа кряду тихо о чем-то беседовал он с младшим Ковальчуком, с тем младшим братом, который потребовал от старшего доказательств того, что он не трус.

Как по команде разбегались дружки Валерия от его дома, едва лишь завидят высокую фигуру Биденко. Как-то сказали:

— *Слышь-ка, Валерка, давай мы его попугаем, а то не отстанет...*

— *Он уже пуганый. Отец говорил: фронтовик. Смотри, как бы мы тебя не пугнули!* — неожиданно для себя ответил Валерий.

— *Кто это мы? — ощетинились ребята.— Кто это мы? Ты что: перековался?*

Вот после этой короткой «беседы» и согласился Ковальчук во второй раз пройтись по городу с Биденко. И как-то само собой получилось, что рассказал он о своем теперешнем житье-бытье Григорию Игнатьевичу откровенно.

— *Вас они не тронут, я знаю,— сказал Валерий,— а просто так связываться в драку неохота...*

— *Дерись не кулаками, а мыслью, словом,— неожиданно остановился посреди улицы Григорий Игнатьевич.— Учись убеждать.*

И прежде всего своего младшего брата. Он мне признался: ты ведь его нет-нет, да поколотишь.

— Мало я его колотил,— вздохнул Валерий.— Из-за него ведь все тогда получилось!

— Из-за него? — прищурился Биденко.— Слаб ты пока еще головой своей, парень. Хоть один раз ты спросил: почему он тогда обозвал тебя трусом? Нет? Не спросил? А я знаю. Лишь потому, что твои же дружки подучили: дескать, расхвастался ты, что у тебя старший брат заступится, ежели что, всех поколотит... А он ведь у тебя трус! Вот, например, увести мопед из соседского сарая — и то побоятся... Так было дело. А ты: «Колотил его мало».

— Так было дело? — переспросил Валерий.— Честное слово? Ну, я им покажу! Вот гады!

— Вот что, Валерий,— взял его за руку Биденко.— Наука в жизни тебе была уже большая. Не вздумай сводить с ними счеты. Лучше зови-ка ты этих ребят завтра к нам в суд. Там будет слушаться дело... В общем, не стану рассказывать. Только надеюсь: если придут, кое в чем станут лучше твои дружки разбираться. Что же касается младшего брата... Выброси из головы все обиды на него. Лучше подумай, что и у него к тебе немало претензий накопилось.

— Что за претензии,— усмехнулся Ковальчук.— Мал он еще для претензий. И даже слова такого небось не понимает...

— А вот придешь домой, спроси. Может, и конимает.

В тот вечер, едва переступив порог, Ковальчук обратился к младшему брату:

— Санька, у тебя есть ко мне претензии?

— Есть,— в упор взглянул мальчишка.— Сам на своем велосипеде не едешь и мне не даешь покататься...

— Потому что все зло от этого велосипеда!

— А вот и не от велосипеда, а от глупости зло,— ответил Санька. Впервые за долгое время старший брат от души рассмеялся:

— Ладно, катайся. Только смотри у меня...

— Знаю, знаю...

С доброй улыбкой рассказала Григорию Игнатьевичу об этой сцене мать уже долго враждующих братьев. А под конец неожиданно всплакнула:

— Спасибо вам. За все вам спасибо...

Он подождал, пока высохнут материнские слезы. Взвесил: рано ли говорить сейчас о самом главном... Хотел было повременить, но потом решился:

— Надо Валерию выбирать путь в жизни.

— Как это? — Мать всплеснула руками.
— Шофером он хочет быть. Да, да. Давно мечтает?
— Ну, уж... не знаю. Это уж если вы, Григорий Игнатьевич, сами с отцом поговорите...

Каждой весной далеко окрест города снова возрождается к жизни когда-то бесплодная земля. Рокотом тысяч тракторов оглашаются бескрайние поля.

Щедрую осенью во всех направлениях пересекают Петропавловск потоки тяжелых машин, груженных золотом зерна.

Вот в эту пору они часто встречаются — Григорий Игнатьевич Биденко и Валерий Ковальчук — два жителя областной столицы Северо-Казахстанских целинных степей, два шофера города. Ну, разве есть что-нибудь необычное в том, что встречаются два земляка?

...Здесь нам пришлось изменить только имя одного из них: ведь все, что было плохого в его судьбе, — теперь позади.

От кого-то однажды услышал Биденко хорошие слова: «Доверие — ветер под крылья!» — и вдруг вспомнил их, когда впервые садился его подопечный за руль своего «грузовичка».

— Желаю тебе ветра под крылья, — сказал он ему.

Теперь, когда случается увидеть идущего по улице седоголового человека тому, кто назван нами Валерием Ковальчуком, то уж он не утерпит, высунется в окно кабины, махнет рукой и крикнет:

— Ле-чу-у! Ле-чу с ве-тер-ко-о-ом!

г. ПЕТРОПАВЛОВСК,
КАЗАХСКАЯ ССР

И КАКАЗУЕМАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

В зале Центрально-Городского народного суда Макеевки, как говорится, негде яблоку упасть! Присутствуют в основном шахтеры и члены их семей. Почти все хорошо знают, что случилось на шахте «Пролетарская-Глубокая», в чем обвиняются заместитель начальника участка № 3 А. Д. Захаров, сменный помощник начальника этого же участка, молодой горный инженер Г. И. Уманский, электрослесарь по подземным работам А. С. Преображенский и машинист угольного комбайна И. И. Крукович. Задолго до судебного процесса прокурор города Макеевки И. Е. Гайко на основании результатов расследования направил директору шахтоуправления «Пролетарское» представление с предложением немедленно устранить нарушения правил техники безопасности и ничего подобного не допускать в будущем. Представление прокурора широко обсуждали на шахте. Оно произвело большое впечатление.

История же произошла вот такая.

Рано утром 22 марта горнотехнический инспектор Владимир Борисович Осипенко направился на шахту «Пролетарская-Глубокая». Занимался погожий весенний день. Весело шумели ручьи, сбегая вниз по улицам в балки и ставки. Но настроение у инспектора не было радостным. Уже не один раз, вот так на очередной проверке, обнаруживал он на участке № 3, на глубине 530 метров, серьезные нарушения правил безопасности и останавливал работы. Условия на участке требовали особого внимания и осторожности. За один лишь месяц Осипенко зарегистрировал около семидесяти случаев повышенного содержания газа в забое. Недобрый предвестник самых неожиданных событий!

Нынче инспектор решил произвести очередную проверку вместе с помощником главного инженера шахты Машкиным.

Часов в шесть Осипенко и Машкин появились в южной коренной лаве. И то, что пришлось им здесь увидеть, не только превзошло тревожные ожидания инспектора, но ужаснуло его. Они замерили приборами содержание газа. Оно было намного выше нормы. А добыча угля шла в полную силу. Работали электрические и механические агрегаты. Вгрызался в грудь забоя комбайн. Десятки людей были заняты напряженным трудом. Вокруг них стояла черная пыль. Вода для ее уничтожения не подавалась и не разбрызгивалась. Зато... она щедро струилась по забою возле оголенного до токонесущих жил электрического кабеля, который был на скорую руку подвязан к стойке. От моторов комбайна шел жар. Воздух в вентиляционном штреке со свистом утекал через щели перемычки, плохо замазанной глиной. В любое время мог самопроизвольно произойти взрыв.

Каждая из перечисленных ситуаций была аварийной. Но час от часу не легче! Крышки с взрывобезопасного пускателя комбайна и распределительных коробок сняты и висят на едва приживленных болтах! Достаточно одной искры — и беда! Ведь для того-то и устраивают дистанционное управление, чтобы подавать команды комбайну слабыми токами через герметически закрытый пускатель. Тогда всякая опасность исключена... Рядом находились невозмутимый электрослесарь Преображенский и занятый своим делом машинист Крукович.

— Стой! Прекратить работы! Быстро выводить людей! — скомандовал Осипенко. И тут же отключил электрическую сеть, опломбировал пускатель.

В это время возле инспектора появился сменный помощник начальника участка Уманский. Рабочие по команде торопливо поставили под вентиляционную струю брезентовый парус, чтобы проветрить нишу и разгазировать лаву. Всех людей вывели подальше в безопасный откаточный штрек.

— Кто из руководства был ночью в вашу третью смену? — спросил Уманского пришедший наконец в себя Машкин.

— Никого. Начальник участка после двух смен работы кряду соответственно не был двое суток в шахте. Отдыхал. Захаров — его заместитель — посещал первую и вторую смену. Давал указания.

— Значит, только вы тут распорядились?

— Да.

— Продолжим осмотр, — предложил Осипенко. — Не понимаю,

почему не сработала автоматическая газовая защита, когда концентрация метана превысила допустимую норму? В чем дело?

Теперь они втроем, сгибаясь, полезли вдоль забоя.

Датчики системы были на месте. Но... фидерный автомат оказался разобранным.

— Что все это значит? — спросил Осипенко.

— Не действовало дистанционное управление комбайном. Его пришлось разобрать вместе с фидером и подключить управление машинами напрямую под высокое напряжение, — попытался объяснить Уманский.

— Как же вы посмели так работать? — возмутился Машкин.

Уманский не ответил.

— А это что? — Машкин показал лучом фонаря на крепь. Над конвейером нависали куски породы. — Ведь тут же были люди! Понимаете, что им грозило! По техническому паспорту расстояние между швеллерами, держащими кровлю, должно быть пятьдесят сантиметров. А у вас? Целый метр!

— Посмотрите на стойки, — подсказал инспектор Машкину. — В последнем ряду их явно не хватает. Прошу определить, скольких именно.

— Штук тридцать пять, — ответил помощник главного инженера.

— Тридцать восемь, — уточнил Осипенко. — Я уже подсчитал. И поставлены-то они на слабые деревянные обрезки вместо металлических подпятников.

Вот где была особая опасность завала людей: ведь тут рабочие в очень трудных условиях занимались разрядкой и передвижкой тумб, держащих свод забоя.

— Н-да... — только и выговорил Машкин. И тут же заметил, глядя на прибор, вынутый из нагрудного кармана: — Но почему же так медленно дегазируется лава? Почти час, как мы здесь находимся, а содержание метана едва упало. Странно...

Решили возвращаться через главный вентиляционный штрек, но попасть в него оказалось не так-то легко. Они долго ползли по узкому отверстию, обдирая спецовки о куски угля, пока не достигли выхода.

— Так вот оно что... — мрачно сказал Осипенко, вставая и отряхиваясь. — Какая уж тут вентиляция. На целых девять метров отстает этот штрек со своим главным воздушным потоком от забоя. А какой допуск разрешен по паспорту? — спросил он Уманского.

— Шесть, — подавленно ответил Уманский.

— Вот видите! Значит, знаете? И потом... Разве это проход?

Директору шахтоуправления инспектор Осипенко предписал не-

медленно запретить выемку угля на участке № 3, пока не будут устранены все нарушения «Правил безопасности горных работ на угольных и сланцевых шахтах».

Бурю негодования вызвало предписание у руководителей шахты! Еще бы! Двадцать восемь часов простоя! Потеря пятисот тонн угля! Слава на весь Донбасс: работы на третьем участке «Пролетарской-Глубокой» ведутся в опасных для жизни людей условиях... Вначале гнев был обращен на инспектора: почему не предупредил, не подсказал, зачем сразу так круто... Но когда разобрались и страсти поостыли, меры приняли правильные. Начальника участка № 3 И. И. Печенюка за плохое руководство и систематическое нарушение правил техники безопасности тут же уволили. Материалы на виновных передали следственным органам.

Так возникло это уголовное дело.

И вот теперь предстояло сложное судебное разбирательство. Суду требовалось точно установить, кто и в какой мере ответствен за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 218 УК Украинской ССР. А в ней говорится, что нарушение правил безопасности горных работ, если оно причинило вред здоровью людей или заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжелые последствия, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами. Задача, стоящая перед председательствующим Григорием Александровичем Кобзистым, народными заседателями Любовью Михайловной Гриценко и Сталиной Васильевной Боровской, была не из легких.

— Виновным себя не признаю,— сразу решительно и категорично заявил заместитель начальника участка № 3 Захаров.— Когда обнаружили нарушения, в третью смену двадцать второго марта меня на шахте не было. Никто мне ни о чем не докладывал.

По залу прокатился недовольный гул.

Общественный обвинитель, направленный на суд советом шахтеров-ветеранов, Павел Иванович Грохольский, задал Захарову вопрос прямо:

— Когда вы были на участке последний раз перед происшествием?

— Двадцать первого марта. И лишь в первую смену, примерно с десяти до тринадцати часов. А нарушения, повторяю, обнаружены были даже не во вторую, а в третью смену — ночью и утром двадцать второго числа.

Бывший горняк Грохольский настойчиво продолжал допрос:

— Скажите, Захаров, чем занимается в лаве первая смена? Добывает уголь?

— Нет. Это делают вторая и третья. Первая целиком обеспечивает их работу, ведет ремонт, профилактику.

— В отсутствие начальника участка Печенюка вы, Захаров, были в лаве,— уточнил общественный обвинитель.— Несете ли вы в таком случае, как заместитель, ответственность за качество работ первой и последующих смен, за нарушения правил безопасности?

— Видите ли...

— Да или нет?

— В первую смену — да. А во вторую и третью — нет.

— То есть как? Только что вы признали категорическое и всем известное требование, что первая смена полностью обеспечивает дальнейшую и прежде всего безопасную добычу угля другими сменами.

— Признал, а все же частично...

— Еще вопрос к подсудимому Захарову,— заявил общественный обвинитель.— Когда вы спускались в лаву, то обязаны были иметь при себе газоопределитель и установить концентрацию взрывоопасного метана в забое и в нише. Какое там было содержание газа?

— Газоопределитель при себе имел, а концентрацию не помню. Раз не помню, значит, была в норме.

Тут уж в зале раздался взрыв хохота. Председательствующий призвал к порядку эмоциональных слушателей.

— Какие нарушения правил безопасности были в первую и вторую смены? — допытывался Грохольский.

— Я их не заметил, и мне никто о них не докладывал,— ответил Захаров.

— А каким путем вы возвращались из лавы?

— Через главный вентиляционный штрек.

— И тоже не заметили, что он отстаёт от забоя на целых девять метров?

— Заметил,— признался Захаров.

— Вы понимали, что это заведомо приведет к ненормальной вентиляции лавы и создаст опасную обстановку там, где будут работать люди?

— Да.

— Кому конкретно дали указание исправить нарушение?

— Не помню.

— Точнее.

— Никому.

— Вопросов больше нет,— закончил допрос Грохольский.

Председательствующий открыл том уголовного дела:

— Вот документ,— сказал Григорий Александрович.— Это табель

выхода людей на участок двадцать первого марта. Здесь четко представлено время прихода Захарова на участок и выхода из шахты: десять часов утра и восемнадцать часов двадцать минут вечера. Вы, Захаров, ушли спустя много времени после того, как начала добывать уголь вторая смена, то есть когда работа велась с нарушениями правил безопасности. Следовательно, все происходило на ваших глазах и под вашим руководством. Подтверждаете это?

Захаров не очень уверенно заговорил:

— Может, я действительно еще раз опускался во вторую смену. Не помню.— Но потом вдруг, видно, поняв бессмысленность лжи, сказал: — Вину свою признаю и раскаиваюсь.

Следующим держал ответ машинист угольного комбайна Крукович. На предварительном следствии он давал противоречивые показания, но на суде не захотел подражать Захарову, не стал отпираться и сразу признал свою вину. Подтвердил, что не имел права работать при неисправном дистанционном управлении комбайна и поврежденном электрическом кабеле.

— Но ведь мне приказали,— говорил машинист.— Да я и сам хотел добыть больше угля. Рискуя, конечно.

— Вы приказали? — тут же спросил председательствующий Уманского.

— Да,— ответил тот прямо.— Я виноват в том, что дал указание добывать уголь, зная, что неисправно дистанционное управление комбайна, не хватает стоек для крепления кровли и плохо проветривается лава из-за отставания сверх допустимого вентиляционного штрека от забоя. Но так работала до меня и предыдущая, вторая смена. Руководство знало о нарушениях правил безопасности.

— Повторите. И уточните, кто из руководителей знал.

— В таких условиях работала и вторая смена. Заместитель начальника участка Захаров знал об этом. Он и давал мне путевку на добычу угля. Наряда на устранение нарушений в ней не было.

— Вы знали, что совершаете преступление, что заведомо создаете условия, когда могут быть человеческие жертвы? — спросила народный заседатель Гриценко.

Уманский опустил голову. Затем тихо произнес:

— Да.

— Почему вы так поступили? — задает вопрос народный заседатель Боровская.

— На участке я работаю всего третий день. Накануне план выполнить не удалось. На этот раз хотелось добыть побольше угля. Да ведь во второй смене ничего не случилось,— попытался объяснить Уманский.

— Подсудимый Преображенский,— обратился председательствующий к электрослесарю,— вам Уманский давал указание работать без дистанционного управления?

— Давал. Еще на поверхности, когда я получил наряд на добычу угля, сразу позвонил в лаву электрослесарю второй смены, от которого должен был принять оборудование. Он сообщил мне, что они работают без дистанционного управления, так как оно вышло из строя. Об этом руководству, в частности заместителю начальника участка, мол, известно. Слесарь сказал, что Захаров приходил к ним в лаву часов в пять или в половине шестого вечера, приказал продолжать выемку угля. Я понимаю,— потупился подсудимый,— что обязан был немедленно отключить оборудование от сети, сообщить об этом технадзору и сейчас же устранить повреждения согласно правилам безопасности. Виноват полностью. Меня очень просил Уманский никому не сообщать о неисправностях.

В судебном разбирательстве наступил момент, когда присутствующим обычно кажутся лишними и однообразными выяснения уже известных вроде бы фактов. Однако для установления истины эта часть процесса наиболее важна. Вызванные судьей Кобзистым свидетели — рабочие, шахтеры, слесари — точно изобразили картину событий, происшедших вечером двадцать первого и ночью двадцать второго марта на участке № 3 шахты «Пролетарская-Глубокая». Председательствующий огласил акт судебно-технической экспертизы, установившей, что выемка угля во вторую и третью смены велась в аварийных ситуациях, каждая из которых заведомо создавала реальную угрозу жизни людей.

Закончены судебные прения. Суд удаляется на совещание. Томительны часы ожидания, когда суд готовится вынести приговор. Наконец в зале все встают, возникает напряженная тишина, и только слышится голос председательствующего.

— ...Назначая наказание, суд учитывает личность подсудимых, которые совершили преступление впервые, отсутствие тяжких последствий, служебную зависимость Преображенского и Круковича, неопытность Уманского как молодого специалиста, ходатайство коллектива о передаче подсудимых на перевоспитание, наличие у каждого несовершеннолетних детей и лишь поэтому считает возможным избрать меру наказания, не связанную с лишением свободы. Захарова подвергнуть одному году исправительных работ с удержанием двадцати процентов заработной платы в доход государства, Уманского — к десяти месяцам, Преображенского и Круковича — к восьми с удержанием десяти процентов заработка.

Мы встретились в Макеевке с председателем Центрально-Городского районного народного суда Григорием Александровичем Кобзистым. Вспомнили об этом процессе.

— Знаете,— сказал он,— а Захаров подал кассационную жалобу в Донецкий областной суд. В ней он писал, что суд слишком сурово наказал его. Длинная была жалоба... Однако судебная коллегия по уголовным делам Донецкого областного суда нашла кассационную жалобу несостоятельной и оставила приговор без изменений... После процесса мы приняли ряд профилактических мер для борьбы с нарушениями правил безопасности. Были, например, направлены соответствующие материалы шахтоуправлению «Пролетарское», райкому партии и райкому комсомола для обсуждения на бюро, проведены специальные беседы с коллективами шахт и выступления по радио. Подумалось: как бы не нашлись еще работники, которые лишь формально признают свою вину, а на деле могут повторить опасную ситуацию для работы людей. Но должен вам сказать,— закончил беседу Григорий Александрович,— что нарушений правил техники безопасности год от года становится меньше. Есть предприятия, на которых их не бывает совсем. И быть не может. Вот, к примеру, шахта «8-8бис» комбината Макеевуголь. Там — полный порядок, и не представляю, чтобы могло произойти нечто подобное, с чем мы столкнулись в известном вам процессе. И таких шахт большинство. Но все равно без широкой пропаганды правовых знаний, правил техники безопасности не обойтись. В этом направлении надо работать постоянно.

**г. МАКЕЕВКА
ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ**

Комментарий юриста

В судебном очерке А. Ефимьева хорошо показано, как наше законодательство стоит на охране нормальных условий труда, здоровья и жизни советских людей.

Обеспечение здоровых и безопасных условий труда находилось и находится в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства.

К осуществлению коренных изменений условий труда в нашей стране партия большевиков, руководимая В. И. Лениным, приступила в первые же дни после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда на Втором Всероссийском съезде Советов в составе первого Советского правительства был создан Народный комиссариат труда, а вскоре обнародован ряд декретов о рабочем времени и времени отдыха, о труде женщин и подростков, о трудоустройстве и социальном страховании. Так, Декретом СНК от 29 октября 1917 года «О восьмичасовом рабочем дне» были установлены новые условия труда и созданы правовые гарантии их охраны. Этим Декретом не только вводился восьмичасовой рабочий день, но были установлены ограничения рабочего времени на вредных производствах, устанавливался порядок сверхурочных работ, время обеденного перерыва, оговорены правила допуска к подземным работам женщин и лиц, не достигших 18-летнего возраста. Этим же Декретом впервые была установлена уголовная от-

ветственность за нарушения нормальных условий труда. Преступлением признавалось «любое деяние лица, нарушившее трудовые отношения». Наказание установлено было в виде лишения свободы до 1 года.

В Программе Коммунистической партии записано: «Всемерное оздоровление и облегчение условий труда — одна из важных задач подъема народного благосостояния».

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев сказал: «В центре внимания коллективов, наряду с производственными вопросами, естественно, должны находиться вопросы охраны труда, улучшения бытовых условий».

Забота нашего государства об охране труда советских граждан находит свое выражение в принятых в последние годы таких важных законах, какими являются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении и Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде.

В новом общесоюзном законе о труде особо подчеркивается обязанность администрации обеспечивать здоровые и безопасные условия труда, внедрять современные средства техники безопасности, предупреждающие производственный травматизм, обеспечивать санитарно-гигиенические условия, предотвращающие возникновение профессиональных заболеваний рабочих и служащих. Эти положения отражены и в при-

нятых в большинстве союзных республик кодексах о труде.

В Уставе профсоюзов СССР записано, что забота о законных интересах рабочих и всех трудящихся, забота об улучшении условий их труда и быта, усиление контроля за соблюдением трудового законодательства, правил и норм охраны труда и техники безопасности — одна из основных задач профсоюзов.

Для оздоровления труда сделано очень много. Однако пока мы еще не можем сказать, что в промышленности и сельском хозяйстве совсем не бывает случаев производственного травматизма, в том числе и случаев с тяжкими последствиями.

Этот вопрос не раз обсуждал Верховный Суд СССР.

30 мая 1967 года Пленум Верховного Суда СССР принял постановление «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений». Пленум обратил внимание судов на необходимость устранения серьезных недостатков в судебной практике по этой категории дел. Среди недостатков отмечались, в частности, упущения в деятельности по предупреждению нарушений правил охраны труда. В целях своевременного выявления и устранения недостатков в работе судов Пленум рекомендовал Верховным судам союзных и автономных республик, краевым, областным и окружным судам периодически обобщать судебную практику по делам этой категории, обращая особое внимание на выявление и устранение причин и условий, способствовавших со-

вершению преступлений и иных правонарушений.

В марте 1973 года Пленум Верховного Суда СССР вновь обсудил судебную практику по делам, связанным с нарушением правил охраны труда и техники безопасности.

Верховный Суд СССР обратил внимание судов на необходимость дальнейшего совершенствования их деятельности по борьбе с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, решительно добиваться повышения ее эффективности в предупреждении этих правонарушений; тщательно выяснять причины и условия, способствующие травматизму, и принимать меры к их устранению путем направления соответствующих представлений предприятиям и организациям, где были установлены случаи нарушения правил охраны труда и техники безопасности, а также руководителям вышестоящих ведомств и общественных организаций для принятия необходимых мер.

Выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, должны не только суды. При производстве дознания, предварительного следствия — следователь и прокурор. Поэтому правильно поступил прокурор города Макеевки И. Е. Гайко, направив представление директору шахтоуправления «Пролетарское» с предложением устранить нарушения правил техники безопасности, так как в процессе расследования на шахте были действительно выявлены нарушения правил безопасности горных работ.

Уголовный кодекс Украинской ССР (статья 218 часть 1) признает преступлением нару-

шение правил безопасности горных работ не только тогда, когда оно причинило вред здоровью людей, но и тогда, когда такое нарушение заведомо могло причинить тяжкие последствия (разрядка моя.— Г. К.).

Из очерка А. Ефимьева видно, что 22 марта горнотехнический инспектор В. Б. Осипенко предотвратил взрыв на шахте «Пролетарская-Глубокая»: установив серьезные нарушения правил безопасности, он остановил работу. Нарушение правил безопасности горных работ выразилось в том, что угольный комбайн работал без дистанционного управления и был подключен прямо под высокое напряжение. В это время в шахте концентрация газа была значительно выше нормы.

Органы предварительного следствия привлекли к уголовной ответственности не только должностных лиц, Захарова и Уманского, виновных в нарушении правил техники безопасности, а также электрослесаря Преображенского и машиниста угольного комбайна Круновича, поскольку статья 218 УК Украинской ССР предусматривает ответственность всех работников, повинных в нарушении безопасности горных работ.

В судебном заседании после допроса свидетелей — рабочих, шахтеров, слесарей, а также оглашения акта судебно-технической экспертизы было установлено: выемка угля велась в аварийной ситуации, что заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия.

Г. КАЗНИН,
член Верховного Суда СССР

ЗАКОН И

Когда мы раскрываем повесть, рассказ, роман, то ищем пищу для размышлений, сопереживаем литературным героям, сочувствуем либо негодуем, соглашаемся либо спорим (или — так тоже бывает — остаемся совершенно равнодушными). Чем талантливей произведение, тем сильнее затрагивает оно читателя. Но в любом случае книга дает читателю определенную информацию. Она воздействует на его убеждения, в конечном счете — воспитывает.

И роль художественного произведения в идейном воспитании чрезвычайно велика. Здесь многое зависит от того, насколько ценна и верна информация, которая предлагается читателю, и от того, насколько сильно воздействует произведение на его убеждения, воззрения.

Художественные произведения охватывают величайший круг тем, проблем, вопросов. Но есть одно направление, о котором нам, писателям, пора поведать глубокий, серьезный разговор. Речь идет о нравственно-правовом воспитании. Уважение к законам государства, к правопорядку, к нормам поведения в обществе, в семье предполагается самой сутью нашего социалистического строя. Но воспитание, возвращение этого уважения — не «кампания», не «месячник», а процесс постоянный, всеобъемлющий. И весьма существенно знать, насколько эффективно участвует наша художественная литература в этом процессе, насколько действенно воспитывает она в читателе человеколюбие, чувства долга, дружбы, взаимопомощи, добросовестное отношение к труду, к общественным обязанностям — короче, насколько действенно развивает она дух социалистического общежития, без которого невозможно говорить о правильном нравственном росте нашего общества.

Проблема нравственно-правовая в произведениях художественной литературы привлекает все более пристальное внимание писателей, журналистов, юристов, партийных работников и работников административных органов. Дело это, безусловно, огромной важности.

ЛИТЕРАТУРА

По существу, любое литературное произведение о современности в той или иной степени говорит о взаимоотношениях человека и общества. И в целом благотворное влияние современной советской литературы на читателя, и в первую очередь — на молодого читателя, в идейном воспитании которого мы особенно заинтересованы, бесспорно.

Но если выделить из всей литературы художественные произведения, в которых непосредственно описываются юридические учреждения, их деятельность, если выделить книги, прямо посвященные борьбе за правопорядок, борьбе против нарушений и нарушителей законности, то картина окажется менее радужной. В первую очередь это относится к детективу, к жанру, пользующемуся большой популярностью, к жанру интересному, необходимому, но — я бы сказал — капризному, за которым, как говорится, глаз да глаз нужен.

Разумеется, писать художественные произведения, темы которых весьма и весьма тесно связаны с деятельностью наших следственных и судебных органов, нелегко. Автор должен выверить сюжет, поступки героев, их речь и при всем этом еще строго придерживаться четких рамок, установленных законодательством и регламентирующих действия работников этих служб. Всякому, например, понятно, что следователь, какими бы индивидуальными чертами характера он ни обладал, с какой бы степенью творчества ни подходил к своей работе, какие бы самостоятельные решения ни выносил, всегда сопоставляет свои действия с Уголовно-процессуальным кодексом. И если, скажем, следователь — герой художественного произведения блистательно раскрывает какое-либо преступление, но при этом его действия противоречат УПК, то такой герой не может вызвать наших симпатий — он прямо нарушает закон.

Таким образом, перед писателем возникает как бы двойная задача — с одной стороны, он создает художественное произведение, в котором вправе использовать всевозможные литературные средст-

ва, в том числе и художественный домysel. С другой — он должен учитывать, если стремится к подлинной правдивости, и точные предписания законодательства.

Комплекс требований, стоящих перед писателем в этом случае, весьма и весьма сложен. И каждый писатель в меру своих способностей, в меру своего таланта и добросовестности либо справляется, либо не справляется с соблюдением всех этих требований.

В искусстве нет и быть не может такого единственного и абсолютно точного метра — эталона, наподобие того, что хранится за семью замками у физиков. Но есть совершенно точный критерий, с помощью которого можно судить о произведениях искусства. Я имею в виду идейную направленность художественных произведений, их службу той идеологии, которую мы считаем единственно верной.

Этот критерий позволяет правильно оценить любое произведение. Разумеется, всегда нужен диалектический подход к книге. Взяв хотя бы известную повесть Виля Липатова «Сказание о директоре Прончатове». Может показаться, что автор вроде бы поощряет своего героя — энергичного, думающего молодого хозяйственника, которому приходится во имя производства обходить всякого рода инструкции. Больше того, герой добивается успеха именно потому, что решается нарушить установленный порядок. И если развивать такую логику, то можно зайти далеко, вплоть до вопроса: «А что произойдет, если все наши хозяйственники начнут брать пример с Прончатова?»

Но есть и другие взгляды на эту повесть. Ее герой подкупает своим стремлением действовать, увлекать за собой людей. Он и в самом деле не боится конфликтных ситуаций, не уходит от них. И автор убедительно доказывает, что в том исключительном случае, который он описывает, его Прончатов поступает верно. И дело тут, конечно, не в попытке показать, что отступление от хозяйственной нормы ведет к успеху, а в удаче автора, изобразившего яркий, цельный характер. И для читателя притягательным примером является не конкретный поступок Прончатова, а сам образ, сам характер героя. Кто станет спорить, что это человек волевой, деятельный, болеющий, как говорится, за дело? Дай бог нам больше таких хозяйственников!

Я думаю, наша критика, да и наш читатель совершенно верно ощутили идейную направленность произведения Виля Липатова и заслуженно отнесли эту книгу к числу интересных, удачных.

А как же все-таки быть с инструкциями, которые приходится нарушать? Тут мне вспоминается один эпизод из кинофильма «Бе-

лорусский вокзал». Помните сцену, когда молодой директор отчитывает старого бухгалтера за буквоедство и чуть ли не в бюрократизме его обвиняет? Бухгалтер, роль которого исполняет артист Папанов, очень резонно возражает в том духе, что инструкция есть инструкция и нарушать ее негоже. А если инструкция устарела, то молодому энергичному директору и карты в руки — пусть добивается, чтобы ее заменили другой, более современной. И хотя нет такого разговора в повести Виля Липатова, ясно, что директор Прончатов как раз из тех напористых людей, которые прокладывают в жизни путь всему новому. В том числе и новым инструкциям, коль скоро они нужны.

Любой художник, когда он работает над произведением, воодушевлен определенным общественным идеалом. И от того, каков этот идеал, во многом зависят глубина произведения, его художественные достоинства и, разумеется, его воспитательное значение.

Тут позволительно спросить, о каком же идеале, которым руководствуется автор, можно толковать, когда в произведении речь идет о преступниках, о преступлении, о его раскрытии. Ведь возможна и такая ситуация, когда в произведении вообще нет положительных героев. В скобках замечу, что, как правило, такое встречается в сатирическом жанре. Отвечу словами Белинского: «Всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтическим, должно делаться во имя идеала». Так вот, в произведениях детективного жанра особенно важно утверждение положительного идеала.

Когда автор детектива не ограничивается только канвой «преступление — поиск — возмездие», когда он поднимается до подлинно художественных высот, до художественного доказательства, что в нашем обществе нет почвы, питающей социальный порок, тогда он закладывает основу успеха своего произведения.

К сожалению, на практике мы иной раз встречаем другое. Авторы, работающие в детективном жанре, нередко скользят по поверхности. Читаешь — вроде бы хлестко, захватывающе, вот-вот что-то случится — все по правилам детектива. Наконец случилось, произошло. Закрываешь книгу и думаешь: а что осталось? Что вынес для себя читатель? Чему научился? Все проскочило, пронеслось, не запомнилось. Не потому ли, бывает, рука читателя тянется к следующему детективу, что в прочитанном он ничего для себя не нашел?

К чему же приходишь даже при беглом анализе произведений, в которых описана деятельность суда, прокуратуры, милиции? Какие основные просчеты?

Прежде всего, я бы сказал, — подражательность. Спору нет, за-

падная литература имеет немалый опыт в создании детектива. Но всегда следует помнить, что механический перенос действия, обстоятельств, мотивов поступков героев из буржуазной среды в наше общество неизбежно ведет к неудаче.

Всякие попытки буквально переносить коллизии, которыми изобилует буржуазная действительность, в совершенно иную социальную структуру советского общества обречены на провал. Трудно объяснить, например, появление в свет повести П. Шестакова «Отпуск в Дагезане». Это серьезный просчет редакции. Автор — я позволю себе так сказать — «положил в основу» своей работы известный роман Чарльза Сноу «Смерть под парусом».

Учеба у западных литераторов, конечно, возможна. Но настоящая учеба всегда предполагает самостоятельность мышления, а не механическое повторение и тем более — не плагиат.

Чтение детективных произведений убеждает, что авторы их подчас недостаточно глубоко разбираются в вопросах права. Люди, хорошо знакомые с практикой работы судей, следователей, прокуроров, адвокатов, отмечают в книгах массу фактических ошибок, неточностей, мелочей, противоречащих существующей практике.

Отсюда напрашивается вывод, что необходимо всячески укреплять связи писателей с работниками юриспруденции, с ее ученым миром.

Уместно здесь вспомнить, что, когда Лев Толстой работал над «Воскресением», ему активно помогал крупный юрист того времени Н. Давыдов. Они вместе готовили текст обвинительного акта, вопросы суда к присяжным заседателям, их ответы и приговор суда. Л. Толстой даже посылал Давыдову корректурные гранки.

Детективные произведения, как правило, довольно густо насыщены всякого рода деталями, присущими жизни преступного мира, который описывается в таких произведениях,— здесь и своеобразная воровская терминология, и подробное описание технологии преступлений. И столь же подробное описание методов расследования.

С одной стороны, вроде бы так и должно быть — речь идет о преступном мире, о борьбе с ним. Автор стремится точнее передать атмосферу этого мира, стремится точнее обрисовать героев. Это понятно.

Но так ли уж необходимо обогащать читателя такими выражениями, как «фраер», «пахан», «башли» и прочими? Правда жизни есть правда жизни — это понятно. Но в интересах дела, думаю, авторам стоит строже отбирать материал для своих произведений. Так ли уж важно знать читателю, особенно читателю юному, как

именно вскрывается сейф или как проще всего изготовить фальшивую печать? Я в этом не уверен.

Зато я абсолютно уверен в другом. Достоинства детектива, как, впрочем, и достоинства любого художественного произведения, следует искать не в подробной описательности, не в детализации, не в таком пунктуальном правдоподобии, а в глубине раскрытия характеров, в глубине обоснования мотивов поведения героев, в глубине исследования их психологии. Задачу можно выразить просто — глубже в душу человеческую, а не в сейф!

Несколько отвлекаясь, замечу, что столь же подробное «бытописание» свойственно многим авторам и тогда, когда они касаются пьянства. Ну можно ли одобрить «пафос», с которым, например, пишет В. Киселев в своем «Веселом романе»: «Хорошо пьется запорожская водка, не чувствуешь тяжелого спиртного запаха, во рту ледок, а потом в желудок медленно скатывается теплый шарик, который все больше разогревается и посылает в руки и ноги горячие лучи». А в повести Б. Шустрова «Красные острова» герои пьянствуют на протяжении целых восьмидесяти страниц подряд...

Почему я пишу обо всем этом? Мне хочется привлечь еще большее внимание к литературе на нравственно-правовые темы. Мне кажется, назрел подробный разговор, в котором приняли бы участие не только писатели, но и работники суда и следствия, ученые-юристы. Я уверен, такой разговор, такие обсуждения выявят основные мишени, поставят перед писателями конкретные задачи, чтобы их литературный огонь был еще более прицельным. Чтобы писали они, чтобы били они без промаха.

Я вижу основную задачу в том, чтобы главное направление удара шло не по поверхности, а в глубину. Если, например, говорить о природе преступности среди несовершеннолетних (а эта проблема, как известно, существует), то следует привлечь внимание писателей к сути, к самому зернышку, к той точке, где в большинстве случаев и возникают обстоятельства, способствующие детской преступности, — я имею в виду так называемую «неблагополучную семью». Тема важнейшая. Именно в такой семье впервые у ребенка зарождается неверие в авторитет старших. Обнажаясь, супружеские конфликты не только больно ранят душу ребенка, они сеют сомнения в тех истинах, которые внушают ему школа, пионерия, общество. Здесь для писателей — обширное поле деятельности.

Надо, мне думается, взяться за организацию серьезной учебы писателей, драматургов. Формы могут быть весьма различны — может быть, периодические семинары, может быть, совещания, обсуждения. И уж, конечно, в этом деле огромную помощь творческим ра-

ботникам должна оказать наша критика. Постоянный — не от случая к случаю — интерес критики к литературе на эту тему просто необходим.

В последние годы опубликовано немало хороших произведений, которые подтверждают, что нравственно-правовая тематика дает авторам благодарнейший материал для создания полнокровных художественных произведений. Я имею в виду, например, повесть об участковом Анискине Виля Липатова, произведения Юлиана Семенова, Аркадия Адамова и многие другие книги, вызвавшие широкий читательский отклик. Хотелось бы отметить добрым словом и трилогию о следователе Белецком Анатолия Безуглова и Юрия Кларова.

Воспитание нравственной нетерпимости к любому проступку, к любому деянию, противоречащему нашему законодательству, всей нашей морали, — наиважнейшее дело. Оно под силу советским писателям. И я уверен, что общий восходящий процесс развития советской литературы еще не раз приведет к созданию глубоких, интересных, высокохудожественных произведений, способствующих верному нравственно-правовому воспитанию. Но наше дело — не ждать пассивно, не ждать сложа руки, а всемерно способствовать быстрому развитию этого процесса.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

В издательстве «Юридическая литература» вышли в свет новые книги.

Дульнева Л. А. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЙ ДОМ. (Беседы о советском законодательстве). 56 стр., 8 коп.

В брошюре рассматриваются вопросы купли и продажи, обмена, дарения, наследования жилых домов. Автор подробно рассказывает о правах и обязанностях владельцев жилых домов.

НОВОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ. Сборник статей. 288 стр., 1 руб. 45 коп.

Сборник состоит из статей, посвященных новому уголовному законодательству зарубежных социалистических стран. В подготовке книги наряду с советскими юристами участвовали и ученые зарубежных социалистических государств.

**по протесту
прокурора**

Правление колхоза имени М. Горького Переславского района (Ярославская область) приняло решение, которым предоставило председателю колхоза право налагать штраф от 10 до 25 рублей на членов колхоза за нарушение трудовой дисциплины, с последующим утверждением на заседании правления.

Это решение противоречит статье 35 Примерного Устава колхоза, принятого Третьим Всесоюзным съездом колхозников и утвержденного постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 года (Собрание постановлений СССР, 1969 год, № 26, статья 150), согласно которой за нарушение трудовой дисциплины, Устава колхоза или Правил внутреннего распорядка на виновных лиц общим собранием колхозников или правлением колхоза могут быть наложены следующие взыскания: порицание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу, освобождение от занимаемой должности, предупреждение об исключении из членов колхоза. Что же касается исключения из членов колхоза, то оно может быть допущено как крайняя мера только по постановлению общего собрания колхозников и лишь в отношении лиц, систематически нарушающих трудовую дисциплину или Устав колхоза, после применения к этим лицам других мер взыскания. Таким образом, наложение штрафов на колхозников за нарушение трудовой дисциплины законодательством не предусмотрено.

По протесту прокурора Переславского района незаконное решение правления колхоза отменено.

Исполнительный комитет Витемлянского сельского Совета депутатов трудящихся (Брянская область) принял решение о наложении штрафов на группу граждан за уклонение от предоставления по требованию ветеринарных специалистов коров для предохранительных прививок от заболевания ящуром.

Прокурор Погарского района принес протест на это решение как противоречащее Ветеринарному уставу СССР, утвержденному постановлением Совета Министров СССР от 22 декабря 1967 года № 1142 (СП СССР, 1968 год, № 1, статья 2), согласно которому штрафы за нарушение ветеринарно-санитарных правил могут налагаться определенными должностными лицами, осуществляющими государственный ветеринарный надзор. В частности, заведующие участковыми ветеринарными лечебницами и ветеринарными участками вправе налагать штраф на должностных лиц до 10 рублей и на граждан — до 5 рублей. Исполкомам же сельских Советов такого права не предоставлено.

Незаконное решение отменено.

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ: КАК ОНО ТРАТИТСЯ?

— разговор о причинах правонарушений «за воротами проходной» продолжают социолог и юрист

Три выстрела в Вознесеновке

*Фруктовые
метаморфозы*

собеседник

*Обсуждаем статью
„За воротами проходной“*

ПРОБЛЕМА ДОСУГА— ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ

В дискуссии, начатой Героем Социалистического Труда Ю. Врублевским (№ 1 за 1974 год), приняли участие рабочие, сотрудники органов внутренних дел, руководители предприятий, профсоюзные деятели...

В этом номере мы предоставляем слово специалистам, занимающимся социально-правовыми проблемами использования свободного времени,— социологу и юристу.

Свободное время, как сказал Карл Маркс, является мериллом общественного богатства. И у нас в стране это богатство постоянно растет. Сейчас с учетом двух выходных в неделю, праздничных дней и ежегодных отпусков трудящиеся имеют 130—150 свободных от работы дней в году. Это более трети года!

«Но свободное время,— подчеркнул Л. И. Брежнев в речи на XV съезде профессиональных союзов,— может считаться действительно общественным богатством, когда оно используется в интересах

всестороннего развития человека, его способностей и тем самым — для еще большего умножения материального и духовного потенциала всего общества». Мало получить в свои руки богатство, нужно еще уметь им распорядиться. Ведь одно дело, когда человек расходует свободное время на учебу, общественную работу, изобретательство или спорт. Польза от этого очевидна и для него самого, и для его коллектива, и для общества в целом. Но существуют и такие виды досуга, от которых обществу прямой вред, — это пьянство, азартные игры и тому подобные «развлечения», граничащие с правонарушениями.

Несколько лет назад было проведено международное исследование бюджетов времени трудящихся в социалистических и капиталистических странах. В результате выяснилось, например, что досуг среднего американца в значительной мере ориентирован на пассивные развлечения (телевизор, прием и посещение знакомых), а в нашей стране свободное время служит не только отдыху и развлечению, но в гораздо большей степени — всестороннему интеллектуальному и физическому развитию человека (учеба, спорт, чтение).

И тем не менее в выходной день у нас еще часто можно услышать: «А не выпить ли нам?» Вполне оправданна поэтому озабоченность участников дискуссии «За воротами проходной» положением, когда увеличение свободного времени нередко приводит к росту употребления спиртного.

Герой Социалистического Труда Ю. Врублевский, председатель завкома Макеевского металлургического завода П. Батырев убедительно показывают, как важно создать условия для полноценного использования свободного времени — наладить работу Дворцов культуры и клубов, спортивных сооружений и загородных баз отдыха. Но сегодня уже мало построить самый современный Дворец культуры. Надо добиться, чтобы люди с желанием и охотой пошли туда, с пользой и удовольствием проводили бы там время. А для этого, в свою очередь, надо хорошо знать их духовные интересы. Недавно в молодом городе Качканаре проанализировали работу городского Дворца культуры. Мероприятий в нем проводилось много — кино, танцы, молодежные вечера. Но вот на вопрос, чего в первую очередь не хватает в городе для культурного роста трудящихся, многие горожане ответили: встреч с учеными и артистами, квалифицированных лекций, народного театра, университета культуры. А как раз эти потребности Дворец культуры удовлетворить и не смог. Поэтому, на наш взгляд, духовные потребности человека должны стать и основой социального планирования свободного времени на предприятии, в районе, городе.

Теперь о другом. Известная советская писательница Мариэтта Шагинян пишет: «Необходимо человеку хоть на час в сутки становиться кусочком природы. Мы это забыли. Мы набиваем свободные минуты мероприятиями». А между тем традиционные «мероприятия» (лекции, так называемые массовки и так далее) не могут удовлетворить человека, испытывающего потребность с интересом заполнить два выходных. И эта неудовлетворенность у некоторых людей может обернуться ростом пьянства, увеличением числа правонарушений. В проблеме организации отдыха при пятидневке есть и еще одна существенная сторона. Двухдневный загородный отдых — это, как правило, отдых в кругу семьи. А семейное проведение свободного времени — хорошее средство предотвращения бытового пьянства. Вот почему, в частности, организации досуга в выходные следует уделить самое пристальное внимание.

Еще одну сторону «индустрии» отдыха затрагивает судомеханик из Херсона В. Юдин. Он справедливо замечает, что нехватка в настоящее время кафе, баров, павильонов с недорогим сервисом нередко становится причиной «складчин», а потом тайного и скорого распития в «запрещенных» местах...

Некоторые читатели могут вполне резонно возразить автору корреспонденции, что выпивать-то вообще вредно и потому хорошо, что питейных заведений на всех не хватает. Но дело здесь значительно серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Известно, что общение — одна из самых глубоких человеческих потребностей. Где же можно реализовать эту потребность? Прежде всего, конечно, на работе, в семье, в кино, театре, на стадионе... Ну, а если человек хочет просто встретиться с товарищами, так сказать, в непринужденной обстановке — за чашкой кофе или кружкой пива. Тогда где? В кафе, ресторане или уютном уголке заводского клуба? Об этом, конечно, можно спорить. Бесспорно одно — необходимо создавать материальные условия для неформального общения людей. И возможностей тут непочатый край...

Итак, главное в решении проблемы свободного времени, справедливо подчеркивают читатели, — совершенствование работы учреждений культуры и сферы обслуживания, более полный учет ими запросов трудящихся, развитие общественно полезных форм использования свободного времени.

И тут хочется заметить следующее: даже самая безупречная работа культурных учреждений еще не гарантирует искоренения пьянства и правонарушений за воротами проходной. Дело в том, что люди, распивающие «на троих», обычно не посещают симфонических концертов и лекций о вреде алкоголизма. Как быть с ними?

Исследование культурного уровня жителей все того же Качкана-ра показало, например, что из тех, кто имеет начальное образование, лишь полтора процента участвуют в рационализации, около трех процентов — в художественной самодеятельности и менее двадцати — в общественной работе. Почти половина из них не посещает Дворца культуры, а четвертая часть даже не ходит в кино. В группе же со средним образованием оказалось почти в четыре раза больше рационализаторов, в семь раз больше занимающихся самодеятельным творчеством, в два раза больше общественников. Среди людей с высшим образованием этих категорий было больше соответственно в тринадцать, шесть и три раза. Напрашивается вывод: нужно всемерно активизировать стремление людей к повышению своего общеобразовательного и культурного уровня. Воспитание духовных потребностей человека должно стать единым, целенаправленным процессом, охватывающим все этапы его жизненного пути, начиная с раннего детства. И первые роли в этом благородном деле должны поделить между собой семья, школа, трудовые коллективы, учреждения культуры и средства массовой информации. Таким образом, путь к решению проблемы свободного времени лежит через воспитание у людей высоких духовных качеств, внутренней культуры и личной дисциплинированности.

В. ПОДМАРКОВ,
профессор, доктор философ-
ских наук, член правления Со-
ветской социологической ассоциации

ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАТЬ ТОЛЬКО В РАМКАХ ЗАКОНА

Сегодня в СССР 41-часовая рабочая неделя — одна из самых коротких в мире. Причем у большой категории трудящихся она еще короче — 36 часов и даже меньше. По мере создания экономических и необходимых социальных условий — предусмотрено в статье 21 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде — рабочая неделя будет сокращаться и дальше.

Известно, что занятия людей в свободное время определяются не правовыми предписаниями, а их собственным желанием. Но это не значит, что поведение человека в часы досуга — исключительно его личное дело. И в трудовых коллективах, как показало обсуждение статьи Ю. Врублевского «За воротами проходной», идет постоянный поиск эффективных мер воздействия в отношении тех, кому не до-

рога честь предприятия. Формы такого воздействия чрезвычайно разнообразны. О многих из них подробно рассказали читатели. Мне бы тоже хотелось высказать несколько замечаний.

Прежде всего, об одном аспекте проблемы свободного времени, который не нашел, к сожалению, должного отражения в выступлениях участников нашей дискуссии. Речь идет о связи между использованием свободного и рабочего времени. Между тем связь здесь прямая и очень тесная. Отрицательно, например, сказывается на отдыхе трудящихся нарушение ритмичности работы предприятия, «штурмовщина» в конце месяца, когда производственная программа выполняется с огромным напряжением, за счет сверхурочных, работы по субботам и воскресеньям. Последствия таких «штурмов» весьма серьезны. Вот как пишет о них рабочий из Волгограда С.: «У нас на заводе стало системой организовывать работы в выходные дни за двойную оплату. Такая работа очень выгодна для любителей выпить: отработал выходной — получай свои десять рублей и гуляй смело. Нелюбителю «зелья» и то большой соблазн после трудов «праведных» пойти за компанию и выпить — просто трудно отказать товарищам. И хотя неудобно писать, но все это происходило и со мной... После всего этого дома скандалы, невыходы на работу, несчастные случаи...».

Ясно, что подобные ситуации возможны лишь там, где нарушается законодательство о рабочем времени и времени отдыха, запрещающее, по общему правилу, сверхурочную работу, работу в выходные и праздничные дни. Постановлением Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» предусмотрена дополнительная мера: руководителям предприятий и учреждений запрещена разовая выплата заработной платы за сверхурочную работу и работу в выходные и праздники. Зарплата за эту работу должна выплачиваться только в общеустановленном порядке (то есть в дни ее выдачи на предприятии). Руководители, продолжающие порочную практику расчетов, способствующую пьянству, подлежат привлечению к ответственности.

Дни выдачи зарплаты кое-где стали называть «трудными» днями. И совсем неспроста: на обследованных предприятиях Ленинграда, например, на дни после зарплаты и праздников приходится около 90 процентов всех прогулов и 85 процентов опозданий. Значит, администрации предприятий и местным Советам нужно особенно позаботиться о досуге людей именно в эти дни. Так поступают, например, на Владимирском химическом заводе. Здесь рабочие после смены могут побывать на премьерях заводских народных театров, встретиться с писателями, художниками, композиторами...

На ряде предприятий страны в порядке эксперимента вообще отказались от традиционной формы выплаты зарплаты и ввели новый порядок расчетов — через сберегательные кассы. Результаты эксперимента обнадеживают: число прогулов и опозданий, например, сократилось наполовину, резко уменьшились и нарушения общественного порядка, неизменно сопутствовавшие дням получек.

Директор Московского завода автоматических линий «Станколинния» имени 50-летия СССР В. Ермаков пишет, что в коллективном договоре завода предусмотрено правило, по которому вознаграждение по итогам работы за год не выплачивается лицам, даже один раз в течение года нарушившим общественный порядок. Строго? Да. Но строгая мера воздействия не всегда самая эффективная. Ведь наказание — не единственная цель применения правовых санкций в нашем обществе. Не менее важно перевоспитать нарушителя. Представим теперь, что работник завода допустил нарушение общественного порядка в январе. Значит, как бы добросовестно он ни трудился в дальнейшем, как бы примерно ни проводил свой досуг, вознаграждение в конце года он все равно не получит. Вот почему целесообразнее другой вариант — когда право уменьшения вознаграждения за различные проступки дополнено в заводском положении правом администрации и фабзавместкома восстанавливать его (полностью или частично) при добросовестном поведении человека в течение остального времени года.

Именно так решен вопрос, например, на Первом московском часовом заводе имени С. М. Кирова. По заводскому положению, работники, однажды нарушившие общественный порядок как на заводе, так и за его пределами, могут быть лишены вознаграждения полностью или частично. Вместе с тем, если с момента нарушения прошло более полугода и поведение работника весь этот период было безупречным, администрация цеха, отдела совместно с профсоюзной организацией может ходатайствовать о выплате ему вознаграждения, но в пониженном размере (не более половины). Такая практика сложилась и на ряде других предприятий (например, в объединении «Электросила», где работает автор статьи «За воротами проходной») и, на наш взгляд, заслуживает поддержки.

В заключение хотелось бы сказать, что поиски оздоровления досуга, безусловно, необходимы, но проводиться они должны исключительно в рамках закона, предусмотревшего достаточно широкие возможности для экспериментов в этом важном государственном деле.

В. ГЛАЗЫРИН,
кандидат юридических наук,
член Советской
социологической ассоциации

ГДЕ ЖЕ ВЫ БЫЛИ, ЛЮДИ?

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕСЛУЧАЙНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В теплый летний вечер на животноводческой ферме, что на хуторе Горки, прозвучало два выстрела. Спустя полчаса раздался еще один — в селе Вознесенка. Два человека были убиты, один — тяжело ранен.

Такова фабула дела. А вот существо... В который раз по пути из Москвы в Белгородскую область перечитываю письмо пенсионера Романа Васильевича Гуляева, написавшего в редакцию об этой горькой истории: «Что пьянство зло — это неоспоримая истина. Мы осуждаем людей, злоупотребляющих спиртными напитками. Само появление человека в нетрезвом состоянии в общественном месте уже карается законом. Ну, а как быть, если пьянка организована? Да-да, именно организована. Так, как, к примеру, было в нашем селе. Здесь коллективная попойка состоялась прямо на ферме. В результате — тяжелейшее преступление... И никто не ответил за это. Предпочли замолчать. Мол, к чему выносить сор из избы? А вынести его следовало бы...».

Поначалу тот день не предвещал ничего плохого. А у животноводов фермы, расположенной на хуторе Горки, был даже повод для радости: план полугодия перевыполнили. Правление колхоза премировало доярок. Хотели вручить премии на общем собрании, да время страдное, люди заняты — вот и решили организовать все прямо на ферме. Возложили это ответственное дело на секретаря парткома Дмитрия Даниловича Семенова и начальника четвертого участка Сергея Стефановича Никулина.

Еще по приезде на ферму Никулин заприметил в сторонке Виктора Полубояринова. Сидит, прислонившись к дереву, кепка сдвинута на лоб. «Он-то что здесь делает?» — подумал начальник участка. Виктор для него был сущим наказанием. Посмотришь со стороны: парень как парень. И специальность у него одна из самых нужных на селе — тракторист. Тут тебе и уважение людей, и заработок приличный. А у Виктора все шиворот-навыворот. Лодырь, каких свет не видел. Пройтись по селу с гармошкой — вот это для

него. В поле не работает, а, что называется, волюнку тянет. А то, смотришь, и вовсе прогуляет. Пойдут к нему, чтобы узнать, не заболел ли, а он лежит пьяный, лыка не вяжет. И тут уж проку от него мало — пить будет без просыпу недели полторы-две. Сколько раз уже в правлении колхоза возникал разговор о том, что с Виктором Полубояриновым надо что-то делать, да все как-то руки не доходят...

— Доброго здоровьичка, — приветствовал Виктор подошедшего к нему начальника участка.

— Здравствуй, — сказал Никулин. — Зачем пожаловал? К животноводам вроде бы никакого отношения не имеешь.

— Я не имею, так жена имеет. Иль забыли? И гармошку, вот видите, прихватил, чтобы повеселить народ. Праздник все же.

— Пил сегодня?

— Я? — изумился тот. — Да я напрочь завязал.

А сам в сторону смотрит, старается не дышать. Никулин хотел спросить что-то еще, но тут подошел Семенов и предложил начать собрание.

Вначале Семенов поздравил доярок с их трудовым достижением. Потом вручили подарки. Управились за полчаса.

Семенов и Никулин засобирались обратно, но их окружили женщины.

— Мы вас так не отпустим. Надо бы отметить...

Секретарь парткома нахмурился.

— Это в рабочее-то время?

— А у нас сейчас перерыв. Обеденная дойка прошла, а следующая — в семь часов вечера. Да вы не беспокойтесь, мы только винца купим...

Сидели полукругом на траве возле речки. Заливалась гармошка. Выпили за здоровье и успехи славных доярок. Был и второй тост...

Ну что вроде бы особенного в том, что люди решили отметить свое трудовое достижение? Но обратите внимание: не так просто отметить, а непременно с выпивкой. Словно и торжество будет не торжество, если к нему не будет спиртного. Эти выпивки по случаю стали притчей в языцах. Организуются они, как правило, стихийно. Вдруг несколько человек с заговорщицким видом собираются и начинают шептаться. Что такое? У кого-то день рождения — надо отметить. И тут же организуется микробанкет. Кто-то сдал на разряд — по такому поводу тоже следует непременно выпить. Или вот как здесь, в Вознесенке, — за успешное выполнение полугодового плана. И не где-нибудь организована выпивка, а на рабочем месте. Открыто. На глазах у начальства. Чего таиться, когда повод для вы-

пивки такой уважительный? А начальство на это посмотрело сквозь пальцы. Вот если бы где-нибудь у магазина на троих «соображали» — это плохо. А в организованном порядке — можно.

— Ну что вы,— обиженно говорит сейчас Никулин.— Я, например, категорически был против пьянки.

— Но потом согласились?

— Скрепя сердце...

— И даже сами выпили?

— Против такого народа разве устоишь!..

Так вот оно и получается: одно говорим, а другое делаем. На словах-то Никулин категорически против пьянок. И Семенов, секретарь парткома колхоза, высказывается, что-де с этим злом надо бороться всеми средствами. А коснулось дела — не только не остановили тех, кто предложил «обмыть» премии, но и сами сели в обшлый кружок. Вместе со всеми подняли стаканы. И не с кем-нибудь сидели рядышком, а с Виктором Полубояриновым, отпетым пьяницей. С тем, кого надо было отваживать от спиртного. Чтобы спасти его семью. Уберечь детей. Спасти, наконец, его самого, потому что катился человек вниз без оглядки...

...Когда вино было выпито, Виктор Полубояринов отложил гармонь в сторону и оглянулся, ища жену. Галины нигде не было. На мотоцикле поехал домой. И здесь у калитки встретил жену. Она уже переделалась в рабочее платье. Перегородил ей мотоциклом дорогу.

— Ты куда?

— На ферму. В семь часов дойка коров.

— Никуда не пойдешь. Возвращайся домой. Разговор у меня до тебя есть.

— Да ты что, Виктор? — удивилась Галина.— Мне ж на работу надо. После поговорим.

Обошла его стороной и зашагала к ферме. Виктор приехал на ферму немного погодя. Пошатываясь, со зловещим видом, подошел к ней.

— Не слушаешься, значит, мужа? — и набросился на нее с кулаками.

Что же окружающие? Они и сейчас не могут без возмущения вспоминать этот момент. А тогда сделали единственное: вырвали женщину из рук пьяного хулигана и спрятали ее в одном из домов. И все! Отошли в сторону. Хотя видели, что в таком состоянии Виктора оставлять никак нельзя. На ферме были мужчины, которым не составило бы труда обуздать хулигана. Промолчали... А в Полубояринове продолжал бродить тяжелый хмель. Куда-то умчался на

своем мотоцикле, вернулся с заряженным ружьем и снова стал искать жену. Увидел пастуха Волокитина. Показалось ему: тот вроде бы что-то не так ответил. Вскинул ружье, выстрелил. Волокитин упал на траву. Шофер Поляков, который все видел, оберегая себя, поглубже залез в кабину. А Полубояринов уже шагал к машине, «А ну, вылазь!» — «Брось дурить, Виктор! Ты что, совсем рехнулся?..» Полубояринов разрядил ружье в упор. Поляков обмяк и повалился ничком на сиденье. Виктор вытащил его из кабины и сам сел за руль.

Все это произошло в какие-то мгновения. Подбежавшие на выстрелы доярки увидели только стремительно удаляющуюся машину. Поляков был убит наповал. Волокитин тяжело ранен...

А Виктор Полубояринов, не разбирая дороги, гнал машину. Что пронеслось в его голове, одурманенной алкоголем? Ужас от сознания того, что натворил непоправимое? Страх перед расплатой? Вбежал домой обезумевший и крикнул вышедшей на крыльцо матери: «Мама, я сейчас застрелюсь!» И, прежде чем та успела что-то сказать, нажал на спусковой крючок.

Тихое село Вознесеновка, годами здесь не было никаких серьезных происшествий. И вдруг на тебе — сразу такое, что на всю округу прогремели. Районная прокуратура возбудила уголовное дело, но привлекать к ответу, собственно, было некого: виновный сам себя наказал. И — дело прекратили.

А боль от случившегося осталась. Чьим-то сиротством, чьей-то непроходящей горечью от непоправимой утраты. И неизбежным вопросом: неужели нельзя было предотвратить? Можно было! Не смотреть безучастно на «художества» Полубояринова, по-серьезному, не на словах, а на деле бороться с пьянством в селе. И уж ни в коем случае не потакать выпивкам, как это произошло при вручении премий.

Вот почему эту историю с выпивкой, имевшую столь трагические последствия, никак нельзя считать законченной. Ведь, по существу, она никого не встревожила, не заставила задуматься над ее причинами. Посудачили между делом — и успокоились. А зло осталось. Оно — и в попытке руководителей колхоза найти хоть какое-то оправдание случившемуся. И в том, что не спросили с тех, кто должен был и мог предотвратить пьянку на ферме, но не сделал этого. Они не могут быть привлечены к ответу по статье закона. Но ведь есть другой суд. Суд человеческой совести. Он должен состояться. Ради того, чтобы этот случай не повторился в будущем. Чтобы не было у некоторых вознесеновцев расхождений между сло-

вом и делом. Как, скажем, у того же Романа Васильевича Гуляева, приславшего письмо в редакцию. Не в обиду ему будь сказано, но человек он со странностями. Призывает к походу против пьянства, а сам на самогонварении попался. А когда после долгого и тяжелого разговора в правлении колхоза все вышли на крыльцо, он вдруг — шмыг вправо, к магазину.

— Куда же вы, Роман Васильевич? — окликнули его. — Мы вас домой подвезем на машине.

— Счас...

Машина выехала на дорогу, а к ней наперерез уже спешил Гуляев с каким-то свертком. Запыхавшийся сел на заднее сиденье, удобнее уложил сверток на колени. Звякнули бутылки.

Ехавший вместе с нами работник милиции покосился на сверток и спросил:

— После того как с самогонкой не получилось, на магазинное пришлось перейти?

— Что же сделаешь? — неохотно отозвался Гуляев.

Всю дорогу он молчал. Когда машина остановилась возле его дома, он вылез, аккуратно придерживая сверток, и торопливо скрылся в своем дворе...

М. ИВАНОВ

ВОЗНЕСЕНОВКА — БЕЛГОРОД — МОСКВА

по следам
неопубликованных
писем

Беспочвенные жалобы

«Со старостью не считаются» — такой была суть жалобы Е. Бочковской в редакцию. А недовольна она квартирой, в которую ей пришлось вселиться после вмешательства Фрунзенского районного народного суда Владивостока. Именно вмешательства, потому что ни в одну из восемнадцати (!) предложенных ей квартир въехать она не согласилась — то не тот район, то неподходящий этаж, то магазин далеко.

В свое время семья Бочковских из восьми человек проживала в доме без удобств. Когда в связи со сносом дома стали расселять жильцов, Бочковские-старшие попросили выделить трехкомнатную квартиру для детей, а им, старикам, — отдельную однокомнатную.

Что ж, просьба вполне резонная.

Дети получили, что просили родители, а с самими супругами пришлось, прямо скажем, помянуть... В последний раз им предложили жилье в четырехэтажном доме со всеми удобствами, в хорошем микрорайоне. Второй этаж, рядом продовольственный и промтоварный магазины. От этой квартиры они под разными предложениями тоже отказывались.

ЖКК Горстроя вынужден был обратиться в суд. 19 декабря 1973 года Фрунзенский районный народный суд Владивостока удовлетворил иск ЖКК Горстроя о выселении супругов Бочковских с предоставлением им квартиры по улице Спортивной.

Но Бочковские продолжали жаловаться. Их заявление рассмотрел исполком Владивостокского горсовета и счел жалобу необоснованной, сообщил редакции председатель исполкома тов. В. Сафронов.

Все, таким образом, поставлено на свои места. Удивляет только упорство Бочковских, достойное лучшего применения. Требуя чуткого к себе отношения, такие люди не замечают, что сами давно стали нечуткими, безжалостно отбирая у других массу времени и здоровья.

В одну из суббот мая 1972 года подвыпившего тракториста Камышинской лесомелиоративной станции В. Кершиса обуяла жажда деятельности. Не придав значения предупреждениям лесничего А. Окарского и бригадира тракторной бригады В. Губенко — в выходные дни ни в коем случае не работать, Кершис самовольно вывел трактор с прицепным плоскорезом и стал один, без специалиста, обрабатывать междурядья лесокультур. Правил обработки он не знал и потому срезал корневую систему сосен на девяти (!) гектарах.

Решением Камышинского районного народного суда Кустанайской области с В. Кершиса взыскано 1326 рублей 60 копеек в пользу Камышинской лесомелиоративной станции. Но Кершис посчитал это решение несправедливым и пожаловался в редакцию журнала.

Редакция направила жалобу тракториста в прокуратуру Кустанайской области на рассмотрение.

Как сообщил прокурор Кустанайской области А. Ващенко, в суде с бесспорностью установлено, что Кершис взял трактор самовольно и управлял им в нетрезвом состоянии. При таких обстоятельствах суд в соответствии с законом привлек его к полной материальной ответственности (пункт «б» статьи 3 постановления Совета Министров Казахской ССР от 29 октября 1968 года № 659 «О порядке и размерах материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству» и пункт 2 статьи 119 Кодекса законов о труде Казахской ССР).

Поэтому оснований к снижению взысканной суммы или к полному освобождению Кершиса от возмещения ущерба, заключает прокурор, нет.

суд идет!

фруктовые **МЕТАМОРФОЗЫ**

На скамье подсудимых — пять женщин. Бывшие подруги, сотрудницы. И хотя сидят они рядом, каждая держится обособленно, как бы желая показать: у меня с ними ничего общего нет!..

На этом процессе судили преступную группу работников торговли: заведующую отделом продовольственного магазина Т. Дранкову, ее заместителей З. Жутикову, В. Денискину, Г. Кондрашкову и заместителя начальника цеха плодоовощной конторы Р. Парфенову. Их обвиняли в хищении государственных средств и обмане покупателей.

Секретарю судебного заседания то и дело приходилось заносить в протокол слово «оговор». Так каждая из подсудимых «характеризовала» показания бывших сообщниц, хотя до этого ежедневно «по-дружески» делила с ними в подсобке «левую» выручку.

Фактов было так много, что лишь одно их перечисление заняло несколько увесистых томов: украдено несколько сот килограммов яблок, присвоена выручка от продажи тысяч лимонов, незаконно переведена в низший сорт партия апельсинов и прочее, и прочее.

И только диву даешься — как такое могло происходить на глазах директора и всего коллектива. Но всему приходит конец...

Одна старушка купила на лотке набор фруктов. «Первый сорт» — значилось на ценнике. Открыв дома блестящий пакет, она всплеснула руками: почти сплошное гнилье! Возмущенная покупательница, не раздумывая, пошла с набором в милицию. Сотрудники ОБХСС

вместе с общественниками сделали контрольные закупки с лотков магазина. Три фруктовых набора тотчас были отправлены в бюро товарных экспертиз. Заключение экспертов удивило даже выдавших виды работников ОБХСС. В первом и втором наборах оказалось соответственно 63,5 и 48,8 процента нестандартных плодов, а в третьем — кроме 11 процентов нестандартных пятая часть — просто гнилье.

В тот день лоточники уже продали... 360 таких наборов!

Преступники, самочинно проводя пере́сортницу, создали в магазине 153 килограмма излишков первосортных яблок «джонатан».

Было возбуждено уголовное дело о хищениях в магазине № 15 Ждановского райпищеторга. Началось следствие по делу, истоки которого берут начало... в 1969 году. Случай с «джонатаном», как оказалось, был лишь эпизодом.

Главная из расхитительниц, Дранкова, около трех лет (как выяснилось на суде, в составе уже другой преступной группы) систематически приходовала товар заниженным сортом и кондицией, увеличивая в документах процент нестандартной продукции. В продажу же все шло первым сортом. Дранкова и компания присваивали разницу и создавали излишки товаров. Излишки в свою очередь тоже продавались с лотков. Выручку забирали непосредственно у лоточников. В накладных сплошь и рядом грубые исправления и подделки — вышестоящие организации, как видно из материалов дела, магазин почти не ревизовали.

Дранкова так глубоко забралась в государственный карман, что сумма ущерба, нанесенного ею государству, выразилась в пятизначных цифрах! Скрывая недостачу, она систематически фабриковала фиктивные товарные отчеты. Указывала, будто ею получены апельсины. На самом же деле она принимала совсем другой товар.

Всего за это время при ее участии государству и покупателям был нанесен ущерб более чем на 23 000 рублей! Деньги похищались не только из выручки магазина, но и путем обмана покупателей. Остальные (хотя и воровали сообща), поскольку не обладали возможностями заведующей, не смогли размахнуться так широко. Они похитили в общей сложности свыше трех тысяч рублей, причем буквально за неделю!

Назначая меру наказания, суд учел не только размер похищенного каждой из подсудимых, но и повышенную общественную опасность их преступления. Все они были признаны виновными по статье 92 Уголовного кодекса РСФСР и лишены свободы на длительные сроки.

Хищники обезврежены. Но суд, как того и требует закон, выявил

также причины, способствовавшие совершению преступления. Невольно вспоминается один из эпизодов судебного следствия. Всячески стремясь уменьшить размеры своего преступления, Дранкова и компания признали свою вину в одном из самых крупных фактов хищения лишь частично. Большинство свидетелей, а также судебно-бухгалтерская экспертиза значительно дополнили картину хищения. И единственным человеком, давшим показания в пользу подсудимых, был... директор магазина Звездин. И не удивительно: ведь расхитители смогли так широко развернуться только потому, что никакого контроля за ними директор не осуществлял. С директорского благословения в магазине изо дня в день нарушались правила торговли — в качестве продавца работала уборщица (через которую преступники в основном и снимали выручку).

Теперь Звездин уволен с работы. Отвечая на частное определение суда, заместитель директора торгового предприятия пообещал, что «за работой коллектива магазина будет усилен контроль». Да, уж лучше поздно, чем никогда! Как говорится, пока гром не грянул, работу магазина проверяли от случая к случаю. В магазине систематически не выполняли одного из основных требований Министерства торговли РСФСР: производить переоценку овощей и фруктов только с разрешения вышестоящих организаций и комиссий в составе представителя вышестоящей организации, материально ответственного лица, счетного работника и представителя общественности.

Судебно-бухгалтерская экспертиза показала также, что при должной проверке товарных отчетов магазина в райпищеторге могли бы своевременно вскрыть и пресечь многие из злоупотреблений...

Так из-за полной бесконтрольности райпищеторга и при попустительстве директора в коллективе магазина создавалась вольготная атмосфера для хапуг типа Дранковой и компании. А в результате — десятки тысяч рублей исчезли из народного кармана. Есть над чем призадуматься!..

А. ТЮЛЬПИН

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНКУРС**НЕЙЛОНОВЫЕ
ШУБКИ**

Клавдия Васильевна Бронина вернулась в село с обновкой: в шубке из нейлонового меха.

— Сшила на заказ,— делилась она с подругами,— могу и вам такие же заказать.

Многие из односельчанок сразу же согласились. Дома Клавдия прикинула: каждая шубка стоит 180 рублей — возьму-ка я за хлопоты по полсотни. Итого — двести тридцать рублей с каждой покупательницы.

На следующий день она собрала с желающих одеться в нейлоновый мех (а их оказалось 15 человек!) 3450 рублей и спустя неделю отправилась в город.

И тут началась работа. Заказать все пятнадцать в одном ателье — не покажется ли подозрительным? Пришлось разъезжать по городу и искать другие меховые ателье. А их в городе было всего три. Заказала в каждом по одной шубе — и все по одной мерке: на себя. Через два дня еще по одной. Потом попросила знакомых своего брата заказать на ее имя остальные девять. И опять же — по произвольным меркам.

Подошел срок исполнения заказов. Клавдия опять поехала в город. Получив шубы, она отправила их в село посылками по адресам заказчиков. А сама осталась на несколько дней — побродить по магазинам. «Отоварив» заработанные на шубках 750 рублей, Бронина, довольная коммерцией, вернулась домой. А там ее ждала неприятная новость: в селе побывало передвижное меховое ателье. Принимали заказы на изготовление самых разных шуб, в том числе и из нейлонового меха. И не по 230, а по 180 рублей за шубку.

Узнав об этом, обманутые односельчанки потребовали у Бронинной возратить переплату, иначе грозились подать в суд. Клавдия

же, сославшись на то, что все эти деньги ушли на разъезды и расходы по оформлению, закончила спор такими словами: «Никакая это не переплата, а командировочные. Вы что думали, я задаром по городским ателье моталась? За что же меня судить-то?»

Но суд все-таки состоялся...

ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

Как сообщалось в рассказе «Потерпевший требует возмездия», Валентин Григорьевич Зуйков в нетрезвом состоянии из хулиганских побуждений пристал к Михаилу Алексеевичу Масленникову, оскорбил его, угрожал расправой, ударил ладонью по лицу, свернословил.

Возмущенный хулиганским поступком Зуйкова, Валентин Николаевич Рудаков пресек его противоправные действия: ударил кулаком. При падении Зуйков стукнулся головой об асфальт и получил телесные повреждения.

По действующему законодательству Рудаков не может нести уголовной ответственности.

В статье 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик сказано, что нельзя считать преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения нападающему вреда. Закон при этом ставит условие — чтобы не было превышения пределов необходимой обороны.

Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства.

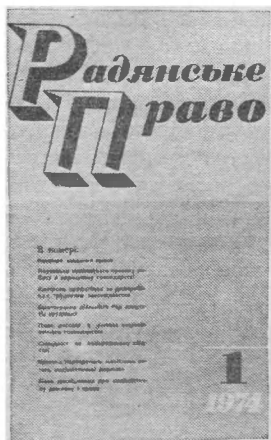
Кроме того, в статье 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года говорится: действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику.

И дальше. Если лицу, в целях пресечения его хулиганских или других преступных действий, были причинены телесные повреждения, то лечение этого лица производится за его счет.

Таким образом, требования Зуйкова о привлечении Рудакова к уголовной ответственности и взыскании с него возмещения за вред, причиненный в связи с лечением, не основаны на законе и поэтому не могут быть удовлетворены. Более того, Зуйков по закону не может быть признан потерпевшим, так как сам совершил преступление (хулиганство), за что должен нести уголовную ответственность.

собеседник

Представляем юридические журналы

Рассказывает главный редактор журнала заслуженный юрист Украинской ССР, государственный советник юстиции первого класса ДЕНИС ХАРИТОНОВИЧ ПАНАСЮК.

Вначале маленькая историческая справка Первый номер юридического ежемесячника «Вестник советской юстиции» вышел на Украине в январе 1922 года. Был он тогда органом Народного комиссариата юстиции и Украинского юридического общества. Через несколько лет, в 1926 году на Украине начал издаваться еще один юридический журнал — «Червоне право». В 1931 году оба журнала объединились в один, получив-

ший название «Революційне право». Новый журнал являлся органом Народного комиссариата юстиции УССР, а с 1938 года — Верховного суда и прокуратуры республики.

Во время Великой Отечественной войны журнал «Революційне право» не выходил. Издание его возобновилось в январе 1958 года под названием «Радянське право». С 1965 года наш журнал выходит ежемесячно на украинском языке.

Прежде всего мы стараемся учесть особенности общественной жизни республики, сельскохозяйственного и промышленного производства. В последние годы, как известно, придается большое значение правовой работе в народном хозяйстве. В Директивах XXIV съезда КПСС подчеркнута необходимость строго соблюдать социалистическую законность. Об этом напомнило и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1970 года «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве». Поэтому проблема эффективного использования права в хозяйственной деятельности, повышение юридических знаний руководителей предприятий, главных бухгалтеров стала нашей постоянной темой.

Большое значение мы придаем освещению деятельности судов, органов юстиции, прокуратуры, внутренних дел, юридических отделов (отделений) министерств и ведомств Украинской ССР. Постоянно печатаем материалы о юридической жизни в других союзных республиках. В нынешнем году в журнале публикуется много статей, комментариев, откликов, посвященных недавно принятым законам о сельских и районных Советах депутатов трудящихся, о статусе депутатов. Не сходит со страниц журнала тема пропаганды советского законодательства и правового воспитания граждан.

Вот лишь несколько рубрик, достаточно полно, думаю, характеризующих и широту охвата юридических проблем в журнале, и общую направленность: «Государство и право», «Советское строительство», «Судебная практика», «Сельское хозяйство и право», «Адвокатская практика», «Нормативные акты», «Из практики Верховного суда УССР».

Должен сказать, что на страницах нашего журнала регулярно появляются материалы буквально по всем злободневным юридическим проблемам, интересующим и специалистов, и широкую общественность. В 1958 году наш журнал выходил тиражом в 6 тысяч экземпляров, за последние годы тираж вырос более чем в десять раз.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

Перлов И. Д. НАДЗОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. 256 стр., 1 руб. 01 коп.

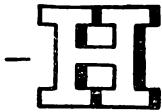
В книге рассказано о сущности, понятии и значении законной силы приговора, о стадиях надзорного производства, его системе, задачах. Большое внимание уделено рассмотрению вопросов предела прав суда надзорной инстанции. Автор рассказывает также о принципах независимости судей, об оценке доказательств по внутреннему убеждению, об основаниях для отмены или изменения приговоров, определений и постановлений суда.

Чуйков Ю. Н. ЧАСТНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ. 120 стр., 34 коп.

Одним из важнейших средств воспитательной работы советского суда являются частные определения, которые выносятся при обнаружении судом нарушений законности, правил социалистического общежития, существенных недостатков в работе предприятий, учреждений, организаций. В книге рассматривается о сущности частного определения, анализируется его форма, содержание, порядок вынесения и исполнения. Рассматривается также порядок обжалования частного определения.

гва гонроса

ет, доктор, вы, пожалуйста, оставайтесь.

Наконец после долгих объяснений и уговоров она смилостивилась и допустила меня в палату.

...Затянутая в белоснежный халат женщина. И шапочка, и узкие белые брючки, и такие же тапочки, и даже руки с коротко и ровно остриженными ногтями — все стерильно. Если бы не черное крылышко волос из-под шапочки и глаза влажные, как осенний вечер, она казалась бы неживой, гипсовой. И ее неумолимость была бы понятней. Но она не только отвечала за жизнь смертельно раненного человека. Боролась за нее. Как упорный следователь — за раскрытие тяжкого преступления.

— Ваше присутствие необходимо. А после допроса вы подпишете протокол. Так положено. Он же не только подписать — говорить не в состоянии.

— И не должен,— поправила она и села у изголовья кровати.

— Наверно. Но ему и не придется говорить.

Кровать стояла в центре палаты, в ярком конусе света от большой лампы. Остальное в темноте. Так на театральной сцене осветитель оставляет героев перед залом одних. В непрочной ночной тишине больницы продолжалось главное действие.

То, что оно было главным, я заметил еще днем, когда приезжал впервые. По настороженным взглядам, шепоту за спиной, той тревожной атмосфере, которой быстро заряжается больница в исключительных случаях.

...Мягко, уютно светили лампочки на столиках дежурных сестер. Позвякивали инструменты в процедурной. Доносился чей-то кашель. Запахнувшись в байковый халат, брел в туалет больной. Кто-то тихо, но настойчиво звал няню. У каждого своя боль и надежда. Своя бессонница и свой храпящий сосед. И свое утро. Солнечное или хмурое, но его ждут все, что бы ни принесло с собой. Когда болен, утро легче ночи.

Человек в чрезвычайной палате не ждал утра. Он еще не вошел в этот мир процедур, раздачи лекарств, перевязок, продуктовых передач. Несмотря на боль и неподвижность, оставался в своем мире, там, где наряды, задания, патрули и происшествия. Его утро было оборвано выстрелом. А когда вернулось сознание, попросил пить. И позвал следователя...

Над кроватью сложная конструкция из никеля, стекла и резиновых трубок. В стеклянных банках прозрачная жидкость. Она сочилась к игле, проникая сквозь нее в желтую, как солома, рuku.

Раненый был накрыт простыней до подбородка.

Над белым полотном восковое лицо. Голубые веки сжаты ресницами, как скрепками. Сухие, пепельные губы.

Он пошевелил ими. Врач наклонилась, прислушалась.

— Что он сказал? — спросил я.

— Вас позвал.

— Меня? По имени? — удивился я.

— Нет. Только сказал — «следователя».

— Вот видите, он заодно со мной,— попробовал я пошутить, разрядить напряженную обстановку.

— Видно, что вы из одного теста,— сказала она, но в ее синих глазах не было смешинки.

— Из одного,— подтвердил я.

Из одного. От постового до генерала.

...Поздно вечером генерал вызвал меня и сказал:

— Пришел в сознание. Я только что справлялся. Врач — ни в какую. И все же поезжай. Может, уломаешь. Сам знаешь, как нужны его показания. Приметы. Нужны приметы!

— Знаю, товарищ генерал.

— Буду ждать,— сказал он и устало положил голову на руки, запустив пальцы в густую седину.

Он уже привел в действие милицейский механизм. Оставалось ждать. Генерал умел ждать, не понукая, не дергая. Знал, что его указания исполнят в срок и точно.

Редко кто входил в просторный кабинет со старинной черной мебелью. Ни спешки, ни суеты. Молчал даже телефон. Все откипело утром и не здесь. В райотделе, куда генерал прибыл сразу после тревожного сообщения. Там каждый старался проявить свое оперативное умение, инициативу, исполнительность.

Приносили справки, фотографии, рапорты, архивные документы. Хлопали дверцы машин. Кого-то привозили и проводили по коридорам. В кабинетах шли допросы. Горячие, дотошные и почти безнадежные. И каждое новое донесение казалось точнее прежнего. Всякий раз сигнальной ракетой вспыхивала надежда. И так же быстро гасла.

Генерал не мог не приехать. Стреляли в молодого и, видимо, не слишком опытного парня, которого генерал не только не знал — даже не слышал о нем. Но он был доверен ему, генералу. Родителями, женой, родиной. Стреляли в младшего, боевого товарища. И трудно сказать, чью пулю принял в себя сержант, кого загородил. В генерала тоже стреляли не раз. И он бредил на госпитальных койках. Но прошел свой долгий, нелегкий путь от постового до началь-

ника управления. А парнишка только начал. И очень хотелось генералу, чтобы и сержант прошел весь этот путь, раз уж вступил на него. И еще казалось ему, что там, на операционном столе в Сокольниках, вот-вот оборвется его собственная молодость. И если оборвется, то стоять ему под тремя залпами прощального салюта и казнить себя, что лично не довел дела до конца, не поймал преступника. Только и успел, что проститься.

Он сидел молча, закрыв ладонями глаза, опустив на них большую, седую голову. И подчиненные старались не тревожить его зря. ...Стрелка спидометра лежала на правом боку. Снова «Волга» рассекала улицы сиреной. Но теперь ей было легче, чем днем.

Продираясь утром сквозь густое движение со средней скоростью сто километров в час, мы не успели.

Запомнился последний отрезок. Шли аллеей. Слева и справа улетали назад деревья. И вдруг из-за поворота наперерез машине выехал велосипедист. Счастье, что среагировали оба — водитель машины и он. Велосипедист круто свернул и упал. Машина, обдирая левый бок о кусты, пролетела мимо. Серебряным зонтом сверкнуло задранное, крутящееся колесо велосипеда. И торчал кулак. Успел показать.

Кто-то из нас засмеялся. Водитель навалился на руль, вцепился в него побелевшими пальцами. И, не поворачивая головы, сквозь зубы выругал весельчака.

Несмотря на адскую гонку, не успели. Подхватив звуковую волну милицейской машины, ушла «скорая». По парку, разворачиваясь в цепи, шли милиционеры, солдаты, дружинники.

«Весельчак» отомстил водителю:

— Тебе не в МУРе, а в похоронном бюро служить. Там за тихую езду премии дают.

А что мы, собственно говоря, могли застать?

Как гребнем, прочесали лес. Никаких следов. Собака прытко вывела на дорогу, а на асфальте повертелась, поскулила и подняла виноватую морду.

Позже позвонили в больницу. Операция подходила к концу. Пуля попала в живот, ударилась о позвоночник и пошла рикошетом вверх, прошивая внутренности. Истратив силы на длинную, страшную дорогу смерти, обессилела. И уперлась в кожу между лопаток. Там и сидела, выпирая тугим, синим желваком. Пуля оказалась от гана...

Я сел на белый табурет у изножья кровати, чтобы хорошо видеть лицо раненого.

— Алексей Васильевич, вы меня слышите? — постарался сказать не очень громко, но внятно. Понимал, что каждый звук молотком отдавался в его мозгу.

Раненый разлепил веки и снова сомкнул. Так штангисты берут свой последний вес.

— Я буду говорить, а вы молчите. В ответ на мои вопросы, если вам нужно ответить «да», вы лишь открывайте глаза. Если же — «нет» или не знаете, что ответить, не открывайте. Держите закрытыми. Я пойму. Вам понятно?

Он чуть приподнял веки.

— Достаточно. Так и будем беседовать, — сказал я и спросил врача: — Так можно, доктор?

— Так лучше.

Я заполнил анкетные данные. Они были известны: Свиридов Алексей Васильевич, где и когда родился, сержант милиции, номер отделения, образование, домашний адрес.

— Об ответственности за дачу заведомо ложных показаний предупрежден, — зачитал я конец анкетной части.

Свиридов приподнял веки.

— Пожалуйста, доктор, распишитесь за свидетеля, что ему объявлено предупреждение.

Я протянул ей бланк, и она, пожав плечами, подписала протокол.

Протокол допроса свидетеля требуется составлять по всей форме. Иначе допрос не получит силу доказательства. Не зачитай я предупреждения, любой юрист может опротестовать это свидетельское показание. Скажет, что вольная запись, а не допрос. А если показание окажется единственным? Объясняй тогда ситуацию и что стоило давать его Свиридову. Суду не до эмоций. Ему подавай доказательства.

Другое предупреждение, тоже положенное по закону и отпечатанное типографским шрифтом на бланке, — об ответственности за отказ от дачи показаний — я вычеркнул жирной чертой. В том состоянии, в каком он находился, милиционер Свиридов имел полное право отказаться от допроса.

...Когда он осознал, что тяжело ранен и в больнице, его сразу стала тревожить мысль о преступнике. Поймали или скрылся? Если скрылся, то кто, кроме него, Свиридова, найдет? И тяжело стало милиционеру от беспомощности.

Он попросил воды. Сестра, неотрывно сидевшая около, провела по сухим губам влажной, холодной ваткой. Большой дозы не полагалось — опасно.

Свиридов пошевелил губами. Сестра наклонилась.

— Следователя... Позовите следователя,— еле расслышала она горячий шепот, слова по складам.

Девушка прижала ладонь к его губам, велела молчать. И побежала за врачом. Больной пришел в сознание!

Врач пришла немедленно. Посмотрела ласково и сказала:

— Какой молодец! Прямо герой!

Он зашептал, повторяя просьбу.

— Молчите, Свиридов,— сказал врач.— Какой еще следователь! Вам нельзя говорить, рано. Лежите смирно, спокойно.

Тогда он попросил:

— Пить.

Она сама приложила мокрую ватку к его губам. Но он сжал их.

Врач удивилась и отняла «питье».

Свиридов опять попросил. Но только ему поднесли, упрямо закрыл рот. Это был своеобразный протест. И она поняла его. В это время я и приехал в больницу во второй раз.

Врач вышла и сказала:

— Ну и скорость! Мы только что звонили вашему начальнику, а вы уже тут как тут.

И сообщила о поведении раненого, о протесте.

— Вы словно сговорились,— сказала она.

— Да, доктор, вы не ошиблись.

Стоило ли говорить громкие слова о присяге? У них, у врачей, есть своя присяга. И они верны ей без громких слов.

— Я знаю, вы делаете все, чтобы раненый выжил,— сказал я.— Но и он тревожится не о себе. Убийца-то на свободе. С оружием. Кто поручится, что не к вам, так в другую больницу не доставят еще одного раненого? Если не сразу в морг.

— А если ему станет хуже?

— Я, конечно, не дока в медицине, но уверен, что молчание ему просто невыносимо. Хуже некуда.

— Я не страхуюсь,— сказала она тихо.

— Понимаю. Но он думает так: раз я жив — значит, еще на посту. Долг уходит со смертью.

— Красивые слова.

— Точные, доктор. Дайте ему высказаться. Этим поможет.

В уголовном розыске не сидели сложа руки. Сотни людей старались установить, найти преступника. Не сегодня — завтра станет известно и кто он, и его приметы. Не скроется. Но бежит время. Могут быть новые жертвы. И хотя чем больше натворит, тем скорее

попадется, от этого не легче. Ни людям. Ни ему. Сколько раз они, бывало, упрекали нас: «Что же меня вовремя-то не взяли?»

Врач разрешила допрос...

— Это случилось в том месте, где вас нашли? В парке? — спросил я Свиридова.

Раненый открыл и закрыл глаза.

— Когда это случилось? Я начну с одиннадцати часов. Итак, одиннадцать, одиннадцать пять, десять, пятнадцать,— считаю дальше, дохожу до двенадцати и снова прибавляю по пять минут.

— ...Двенадцать пятнадцать...

Стоп. Глаза открыты. Время установлено.

— Хорошо. Пойдем дальше... Вы его заметили в момент нападения или раньше? Раньше?

— Да.

— Намного раньше? Минута? — Я хотел считать дальше, но он открыл глаза.

— Он напал на кого-нибудь?

— Нет.

— Нарушал порядок?

Молчание.

— Вы вышли на него?

Молчание.

— Он вышел на вас?

Глаза открылись.

— Почему же он стал стрелять?! — вырвалось невольно. Но врач осадил меня строгим взглядом.— Когда вы увидели его, у него был в руках наган?

— Нет.

— Но он сразу же его достал?

— Да.

— И сразу выстрелил?

— Да.

— Его лицо было спокойным? Испуганным?

— Да.

— Вы успели ему что-нибудь сказать?

— Нет.

— Он достал наган из кармана брюк?

— Да.

— Вокруг вас или чуть в отдалении были люди?

Молчание.

— Вы видели людей в этот момент?

— Нет.

— Его вы раньше видели?

— Нет.

— Может, задерживали? Доставляли куда-либо? Припомните.

Молчание.

— Когда вас нашли, кобура была расстегнута...

Глаза Свиридова стали непривычно большими. Словно увидел что-то ужасное. И весь напрягся. Я понял свою оплошность. Черт бы меня побрал! Этого и опасался врач.

Свиридов силился что-то сказать. Но лишь свистящие звуки вырывались из его горла, из воспаленного, казалось, обугленного рта.

— Нет, Алеша! Пистолет цел! — крикнул я. Слова казались спасательными кругами. «Вот и узнал приметы! Будь проклята та сволочь со своими приметами!»

Женщина хлестнула взглядом. Не синим, совсем темным. Черным взглядом. Проворно достала из металлической коробки шприц и ампулы. Надрезала две, хрустнула и, насадив на шприц иглу, втянула из них жидкость. Сменив иглу на тоненькую, подняла вверх и выжала две капли.

Я считал эти капли; казалось, что сейчас все зависит от них.

— Вам позже, — сказала врач иронически, угадав мое состояние. И сделала инъекцию Свиридову.

«Накрылся допрос», — подумал я, но врач села около раненого. А я переводил взгляд со Свиридова на врача, и мне было не по себе.

Вдруг Свиридов улыбнулся. Слабо. Наверно, собрал для этой улыбки все силы. Точно, улыбнулся. И что-то шепнул.

— Что он хочет сказать? — спросил я нетерпеливо.

— Он хочет сказать: «Успокойте следователя». — И она подмигнула ему заговорщицки, погладив его плечо.

— Ты, Свиридов, брось перемаргиваться с врачом. Рано еще, — сказал я с деланной суровостью и засмеялся. И так захотелось обнять, стиснуть, расцеловать этого парня.

— Пистолет твой цел, Алеша. Остался в кобуре. Ты успел только расстегнуть, видно, хотел предупредить выстрел...

— Точно, — ответили глаза Алеши.

— Значит, его выстрел был неожиданным? Беспричинным? — спросил я, продолжая допрос.

— Да.

— Что ж, задержим, выясним, что у него было на уме. Может, хотел украсть пистолет? Но тогда бы сзади напал... Ладно. Теперь приметы. Начнем с роста. Высокий? Среднего? Ниже среднего?

— Да,— ответили глаза.

— Толстый? Худощавый? Среднего телосложения?

— Да.

— Возраст. Я буду считать от семнадцати...

Остановились на двадцати четырех.

Вырисовывался портрет преступника. Глаза темные, карие, с узким разрезом. Под черными густыми бровями. Такие же черные, коротко стриженные волосы. Прическа модная по тому времени. Низкий лоб. Прямой нос. Толстые губы. Вот это наблюдательность! Срисован за мгновенье.

— Перечислим одежду. Пиджак был?

— Да.

— Цвет. Серый? Черный? Синий?

— Синий.

— Головной убор?

— Не было.

— Сорочка. Белая?

— Да.

— Чистая?

— Нет.

— Очень грязная?

— Нет.

«Понятно. Видно, москвич, но мог не ночевать дома»,— подумал я.

— Брюки. Черные?

— Да.

— Галстук был?

— Был.

Одежда известна. Даже указан модный галстук.

— Достаточно, Алеша, вполне достаточно... Доктор, заверьте, пожалуйста, своей подписью его показания.

Она подписалась. Не так, как вначале, с кажущейся непричастностью. Ее захватил допрос. С каждым вопросом и ответом, чувствуя, как нарастало его напряжение, она невольно становилась активным участником допроса, хотя и сидела молча.

— Поправляйся, друг. Обязательно поправляйся. Это приказ.

Свиридов открыл и закрыл глаза. Было видно, как сильно он устал. И, может, сказал последнее «да». Не только на этом единственном в его и моей практике допросе.

Я нащупал его руку под простыней, ту, в которой не было иглы. И слегка пожал. Если бы можно было, как по этим трубкам, через пожатие передать часть своего тепла, энергии!

Глаза у доктора стали как зимний рассвет, синие-синие. Хотя в щелях зашторенных окон палаты уже голубел летний. От подъезда больницы рванула «Волга». Заждалась. Скорее, скорее.

Несколько минут гонки по еще спящему городу, и протокол с описанием преступника лег перед генералом. Примет ждали, как ждут в пургу летнюю погоду. Генерал включил селектор. И они пошли во все подразделения, службы, на все посты московской милиции.

В первой половине наступившего дня на станции метро «Динамо» преступник был схвачен инспектором уголовного розыска. Вместе с наганом.

Кроме той, что лежала в пакете на моем столе, все пули были в барабане.

II

Когда задержанного привели в мой кабинет, я узнал его сразу. Узнал бы и на станции «Динамо», попадись на глаза, или, скажем, на «Таганской», какая разница.

Многие считали, что инспектору повезло. Но преступник не вынырнул из туннеля. До «Динамо» добирался среди людей. Наверно, попадался и нашим: в штатском и в форме. «Повезло» — не то понятие. Скорее, тренированная память, зрительное воображение и острая наблюдательность инспектора. Могло повезти и другому, пораньше, не в час дня.

Инспектор брал преступника в толпе, когда она поредела. Медлить было нельзя.

Со стороны глядеть: один гражданин напал на другого. Кто сыщик, кто преступник? А у преступника наготове наган с боевыми патронами. На предельной готовности. И рука за пазухой. Потому что чует погоню, хотя и не видит ее. Откройся, промедли — сразу начнет стрелять. Кругом люди, хотя и не впритык. А ему, кроме своей шкуры, терять нечего.

Инспектор умел ориентироваться в обстановке и хорошо владел самбо.

Это не был враг, достойный ненависти. Пусть под броней объективности, но она вправе быть у людей, призванных разоблачать насильников, взяточников, убийц.

Я увидел щенка, злобного и трусливого. Его только что вынули из ледяной, грязной лужи. И он дрожал. Насквозь промок страхом. Позже его малость отпустит. Пообвыкнув, хотя нет-нет да задрожит,

как неотрегулированный холодильник, попытается вернуть хоть видимость самомнения. Второй стакан воды выпьет, уже не лязгая зубами. Но до конца так и не обсохнет.

Не скажу, что он не был мне любопытен. Но интерес к нему не рос, как скорость нашей машины: кончилась погоня. Конечно, я был благодарен генералу, что его доставили без задержки. Обошлось без предварительных встреч и переговоров. И он задал мне первому свой главный вопрос:

— Меня расстреляют?

Я отложил изъятые у него фотографии и перевел взгляд на nature. Как мало походил он на лихого парня с этих фотографий! Тот стоял твердо. Широко расставив ноги, руки — в брюки. Рубашка расстегнута, воротник пиджака торчком. Стоял на фоне людей и машин и презирал этот фон. Губа прикушена, глаза прищурены. Эдакий су-пермен.

На другой фотографии он был в щегольском пиджачке, с галстуком, похожим на длиннокрылую стрекозу, и, запрокинув голову, прямо из бутылки пил коньяк. Может, лимонад. Все равно эти-

кетку не разглядеть. На этот раз фоном служил плюшевый занавес фотостудии.

Сейчас он сидел без яркой «стрекозы», бутафорской бутылки и презрительного прищура. Не было нагана. А вместо белых манжет на опущенных руках розовели следы от наручников.

Дозрел.

Дозрел ли? Не слишком ли быстро и легко проскочил в мыслях своих неблизкий и трудный путь к исполнению приговора? Приговора исключительного. Минуя все следственные и судебные процедуры. Хотя промахнись он, и милиционер Свиридов свел бы эти процедуры к нулю.

Нет, до самого смертного часа никто не верит в скорый конец. Пусть сам ищет ответа. Пусть укрепитя в справедливости этой страшной меры наказания. Ее неотвратимости. Меры, названной им самим.

Да и что ответишь, когда такой приговор реален?

— Почему вы это сделали? — спросил я вместо ответа.

Он ждал этого вопроса. Но вскинулся и выкрикнул:

— А вы поймете, если я вам отведу начистоту?!

Он выкрикнул слишком длинную фразу. Рассеки он ее пополам, до «если», поперхнись, наконец, и можно было поверить во что-то.

— Искренность всегда понятна. Хотя в нашем деле понять — еще не значит простить, — сказал я.

— Значит, меня расстреляют?

«Тебя бы убить на месте», — хотелось бросить ему в лицо эти справедливые слова. Но сказал:

— Не всех убийц приговаривают к исключительной мере. Когда я спросил, что вас заставило стрелять в человека, я и это имел в виду.

— Для меня выбора нет.

«Позерство или убежденность?» — подумал я и сказал:

— Если вы в этом убеждены, то для начала неплохо.

— Почему? — уставился он.

— Тогда искренность будет иметь большую ценность.

— Для кого? — он усмехнулся. Видно, чуть полегчало. — Для меня или для дела?

— Торговаться не в ваших интересах. Правильно поняли. Но больше для вас... Не знаю, каким будет приговор, но будет обвинительным. Преступление, по существу, доказано. Что касается мотивов... Все равно вас направят на судебно-психиатрическую экспертизу.

— Я не псих.

— Возможно. Но стрелять в незнакомого человека...

— Мне показалось, он следил за мной. Хочет задержать.

— За что же?

— Можно воды?

— Наливайте.— Это и был второй стакан.

— Вы меня презираете, я вижу...

Он не мог этого видеть. Во всяком случае, по моему лицу. Но я не стал отрицать — еще выдам себя.

— Сейчас, конечно, можно презирать,— сказал он.

Подчеркнул наше неравенство. Надо было сбить спесь.

— Раз вы безоружный...— сказал я.

— Да! Да! Да! — закричал он. Вода не пошла впрок.— Вы угадали!

— А до этого целых два дня ходили гордым и смелым? Не долго.

— Мне было достаточно. Зато каждому, кто посмотрел не так, была бы пуля.

— И стали бы стрелять?

Пусть выговаривается. Проглянула цель хищения оружия. Первые штрихи.

— Стал бы. Разве презрение не тот же удар по лицу? Это мое право на самооборону.

— От презрения?.. Ничего себе самооборона...

— Да, да. Вас это удивляет. В средние века за один косой взгляд убивали на месте...

— Вы уж случайно не на машине времени подкатали к Сокольническому парку? — не утерпел я.— Но и во времена мушкетеров не убивали из-за угла. Порядочные люди, конечно.

— По вашим правилам, можно стрелять только тогда, когда стреляют в тебя. Я знаю эти правила.

— Это рыцарские правила.

— Пуля в тебя, а ты вверх. Так? Гуманизм! Мне тоже жаль вашего милиционера. Не опутали бы правилами — меня бы сейчас в море допрашивали...

Я не перебивал его. Спорить было бесполезно. Не на дискуссии — если противно, встанешь и выйдешь. Когда расследуешь убийство, важно установить мотив. Здесь не до брезгливости.

Вначале я подумал, что передо мной маньяк и все сведется к невменяемости. Но ошибся.

— Вы ищете причину. Она в моем унижении. Да, да. В презрении ко мне. И вы меня презираете. Не скрывайте, не поверю...

— И в страхе...

Он не стал отрицать. Слишком наглядно его колотило.

— Я был сыт этим по горло. Вам смешно...

Мне не было смешно. Мне уже казалось, что между нами не зеленый, как футбольное поле, твердый стол, а болото. И он ведет меня по этому болоту за собой. Так однажды в войну вел нас, разведчиков, проводник, ненадежный человек. Но он один знал дорогу. И жизнь ему была так же дорога.

— Что ж тут смешного,— сказал я и спросил: — Где вы ночевали все это время?

— Не дома... В разных местах...

Позже он расскажет, где ночевал, с кем встречался, на все вопросы ответит. Сейчас его волновало другое...

Он дорвался до благодарного слушателя. И выговаривался. Прямо вываливал свою откровенность.

— Я искал таких, чтобы на лице написано, как говорят, угоение счастьем. Ходил по кафе, ресторанам, паркам. Искал.

— Чтобы стрелять?

— Угадали.

— Не трудно. Ну и нашли?

— В «Праге». Там была свадьба.

...Мы шли по болоту гуськом. Шли тяжело, если вообще словом «шли» можно выразить наше передвижение. То и дело проваливались по пояс в вонючую жижу, с трудом вытаскивая ноги...

— Невеста сияла чистотой,— продолжал он.— Прямо светила вся, как свеча в церкви. Ее и приглашу, решил, пусть попробует отказаться. Знал, что будет скандал, драка, на меня попрут жених с дружками. Но был готов, сам нарывался.

Я встал и решительно пошел к невесте. Они и подумать не успели, что иду приглашать ее на танец. Кто-то положил мне на плечо руку и сказал: «На минуточку». Я обернулся. Сзади стоял незнакомый мужчина. Бородка серпиком и губы красные, мокрые. И чему-то улыбался. Я спросил, что ему надо. А сам в карман. За наганом. В морду бы ему и пальнуть тогда. Пузатый такой, противный... Но он взял меня за руку, довольно крепко, и посадил за свой столик. «Выпей и успокойся,— сказал.— И не лезь не в свое дело». Я уж подумал, что влип, что он из ваших. Но это, наверно, от страха.

«Кто же это был?» — подумал я. Мы начали поиск только после выстрела в парке. Руководители предприятия, где он работал охранником, даже не удосужились сообщить в милицию, что их человек сбежал с оружием и не появляется третьи сутки.

— «Мне сегодня тоже одиноко, как и тебе, парень,— вздохнул бородатый и разлил по рюмкам коньяк.— Выпьем лучше за здоровье невесты. Я видел, ты шел к ней. Не надо ее трогать.— И добавил: —

Сегодня.— Выпил и продолжил свою речь: — Посмотри, какая она беленькая! Сама невинность. Как Снегурочка! — И ухмыльнулся: — А знаешь, я только вчера с ней спал... Можешь мне поверить. И завтра буду спать. Не откажет». И не заплакал, сволочь, а заржал. Как последний подонок. Бывает же такое!

Мы оба смеялись. Над женихом, конечно. Над родными этой парочки. Над всем миром. Ржали так, что люди оглядывались. А за свадебным столом орали «горько». Не понятно было, кому горько. Но стрелять уже не хотелось. Не в кого было стрелять.

— Потом?

— Свадьба выкатилась из ресторана. И мы следом. Его никто не знал, а невеста, может, заметила, но виду не подала. Хотел я его погугать на улице, да плюнул.

Он помолчал. Я не подталкивал.

— Ночевал я последнюю ночь у него.

— У него? — удивился я.

— Ага. Почему позвал, сам не знаю. Живет в центре, в общей квартире. Комната грязная, неприбранная. Правда, книг много. Всюду книги. И иконы по стенам, кресты. Лампада в углу. Журналы вся-

кие с картиночками разными. Полюбоваться есть чем. Он с японского или с китайского что-то переводит, дома работает. Кофе сварил, крепкий, хороший кофе. Ликером угостил. Ночевать противно было. Постелил на полу, какую-то овчину кинул, тулуп. По-моему, он всю ночь не спал, подглядывал за мной. Боялся, что иконы сопру. Я про себя почти не рассказывал, а он про церкви, про иконы. Говорил, иностранцы ценят. Утром выпроводил меня, ждал какую-то девицу. Третий день пошел, как я с объекта своего удрал. Отправился в парк.

— Зачем?

— Скрывался же... Денек был в самый раз для влюбленных. Солнечный, будни, народу нет... Заметил одну парочку, подобрался. Думаю, погляжу, как Ромео свою Джульетту защищать будет, небось поползет на коленях, а то и вовсе деру даст... Взвел курок. А на встречу милиционер, прямо на меня. Я испугался и выстрелил.

И почти без паузы он повторил свой первый, самый главный для него вопрос:

— Меня расстреляют?

Опять я не ответил. А хотелось сказать: «Как мы ценим свою и не считаемся с чужой жизнью».

— Я же все рассказал.

— Нет, не все. Почему покинули пост и украли оружие?

— Я не покидал. Меня сняли с него.

— За что сняли?

— Я был выпивши.

— Значит, за дело. С утра явились пьяным?

— Нет, после обеденного перерыва.

— И часто так случалось?

— Впервые.

— Что же заставило вас выпить в этот день?

Он споткнулся, но ответил:

— У меня была одна встреча.

— С кем?.. Вас напоили?

— Нет. Я пил один.

Он явно не хотел называть того, с кем встретился. Видимо, эта встреча и дала толчок остальному.

— С кем вы встретились? Отвечайте.— Но он молчал. И тогда я ударил вопросом в цель: — С Джульеттой? — и попал.

— Ее не Джульеттой зовут.

— Кто она, мы установим. Если сами не изволите сказать,— я полистал его записную книжку.— Сколько имен! Придется вызывать всех подряд. Нудное дело.

И нанес второй удар:

— Она дала вам отставку.— И было видно по его лицу, что снова попал.— И вы напились с горя. Вас сняли с поста...

Так чистят капустный кочан, у которого листья в черных точках. До кочерыжки. Противно видеть у ног червяка. Но я обязан был сорвать маньячную покрывку с этого бутафорского супермена. Обнажить его перед законом.

— Ушли и унесли оружие. Протрезвев, поняли, что украли, а как вернуть? И зарядили себя обидой, досадой и злобой, как наган патронами. На весь мир. И бессилием. Но мир огромен, а человек, когда вне его, ничтожен. Даже с оружием...

— Играл,— сказал он,— и доигрался.

Первые слова, достойные человека. Я сказал ему об этом.

— Тяжело выворачиваться наизнанку,— ответил он.

— Тяжело,— согласился я. Если осталась хоть капля стыда, хотел я добавить, но не сказал.

— Девочка, конечно, была первый сорт,— сказал он. Не знаю, как насчет стыда, но лексика его осталась прежней.— У меня таких еще не было. На одном вечере познакомилась, на танцах. Танцую я — будь здоров. Слово за слово, в общем прилепил. Сам удивлялся, как удалось такую подцепить. Ребятам своим показал ее издали. Позавидовали... Она учится в институте, а у меня, сами знаете, семь классов и коридоры. Но язык подвешен, трепаться могу. Им, между прочим, здорово пыль глаза забивает. («Что верно, то верно», — подумал я). Как-то в ресторане стали танцевать, она рукой коснулась пояса и наткнулась на кобуру под пиджаком. Без нагана, конечно. Я ее для форсу надел. Она удивилась, спросила, что это значит. «А это значит, Юля,— так ее зовут,— что я выполняю особое задание. Не успел снять. Расскажу как-нибудь...».

Его не тянуло к труду, без которого не может обойтись настоящий человек. Все равно, к физическому или умственному, но с осязаемыми плодами. Когда главный результат — не деньги, а деталь, зерно, стихотворение, удачный эксперимент. Он не любил своей работы, хотя выбрал сам. Она устраивала: отдежурил сутки — трое гуляй.

Его коллеги, бойкие старики с морщинистыми лицами и острыми глазами, частенько говорили: «Эх, парень, мы в твои годы...» Им было что вспомнить из прожитого, а на их черных, форменных гимнастерках цветились планки боевых и трудовых наград. Они идут на эту работу, потому что не привыкли к безделью.

Он же был бездельник по природе, потому и выбрал такую работу. А добавку к зарплате находил в окрестных торговых точках.

Что-то разгружал, подтаскивал, убирал и получал наличными. И, конечно, стыдился этой деятельности, не свойственной его молодости и здоровью, скрывал ее.

— ...И я ей рассказал: «Мы вот с тобой, Юля, на детективы ходим, про шпионов, разведчиков. А ведь это мою жизнь показывают. Извращают, конечно, фантазируют, в жизни все суровее и проще». И вставил: «Например, встречаюсь с тобой, а кто твои родители, не знаю. Если у нас серьезно, познакомь». Она поверила моей брехне. Предъявила предков. Солидные люди. Квартира первый сорт. Дача своя. На машину записаны. Вот так, гражданин следователь, налаживался мой быт,— заключил он, не стесняясь.— Теперь рухнул. Окончательно гробанулся. И не от выстрела в милиционера, нет. За два дня до него, до выстрела...

Он иногда читал газеты, в вахтерке не умолкало радио, во дворе предприятия висели портреты передовиков. Но он не верил, что слава людей, о которых писали и говорили, достигается их волей и трудом. Он считал, что все зависит от удачи. И потому не перенимал, а завидовал. До посинения.

Посмотрев как-то зарубежный фильм, в котором показали игральные автоматы, он стал повторять в кругу приятелей: «Жизнь — это игровой автомат. Один монету за монетой просаживает состояние, другой на одну берет капитал». Встречу с красивой и неглупой, но наивной девушкой он расценил как выигрыш в лотерею. Но главным козырем в этой удаче были ее родители, «богатые предки». Девушку надо было удержать любым путем. И прежде всего он сложил миф о своей личности. Он знал свои возможности и, хотя завышал себе цену, в то же время не мог не чувствовать, что люди его презирают. Он искал и находил это презрение в глазах других, даже когда его и не было в помине.

Он помолчал. Собрался с духом.

— Вышел из будки своей за пивом. Мы, кто свободен был, козла забивали, захотелось пивка. Выскочил с бидоном и наткнулся на нее. Как оказалась на этой улице, не знаю. Увидела меня и опешила. Еще бы! Форма на мне, сами знаете, бидон в руках. Особое задание!.. И засмеялась. Оглушительно. Я наутек, в вахтерку. И была бы еще одна, а то парень с ней был какой-то, наверно студент. Она смеялась, а он спрашивал ее о чем-то. О причине смеха, конечно. На меня оглядывался. Она тоже посмотрела. И ушла. И парень с ней. И такое презрение было в ее глазах!.. Дальше вы знаете.

Свиридов не слышал его показаний, этих откровений, зловонных, как болотная жижа. Он опять потерял сознание. И опять над его насквозь простреленным телом бились синеглазый доктор, знамени-

тый профессор, сестры и простые нянечки. И еще десятки людей предлагали свою помощь, фрукты, соки и кровь. Не надо думать, что мы имеем дело только с грязью.

Когда Свиридов снова пришел в себя, ему сказали, что преступник обезврежен. Наверно, это известие пошло ему на пользу. К тому времени я успел допросить и Юлю, и бородатого переводчика японского языка, и многих других, с кем имел дело обвиняемый. Юля оказалась чистой, веселой девушкой. Нечаянно разоблачив своего знакомого, она не испытала к нему презрения. Ей просто стало смешно, а потом жалко его. Юля не презирала молодых вахтеров, как не презирала пожилых дворников, а также кандидатов наук, официантов, инженеров, представителей любых профессий. Но она ненавидела ложь. И ужаснулась, когда узнала, что он натворил.

А бородатый не был переводчиком. Бородатый был фарцовщиком. Скупал вещички у иностранцев и сбывал им иконы. К «Снегурочке», невесте из «Праги», он не имел никакого отношения. Этот делец любил пофантазировать за рюмкой коньяка после удачной операции. Год спустя мы встретились с ним снова. По другому делу. И только тогда ответил, почему пригласил его ночевать к себе.

— Я понял, что он подходит. Хотел привлечь к своим делам... Такой тип не полезет в чужой карман или в форточку, я уже не говорю о сейфах. Для этого, как минимум, нужна смелость и сноровка. Но не всякий вор, я вам скажу, станет отдирать от церковных стен икону. И потом — надо долго объяснять, куда, собственно, пойдут иконы. От слова «иностранец» они шарахаются, как черт от ладана. А у него, я подумал, не было ничего святого. Ему бы это только доставило удовольствие и большой заработок. Я сразу его раскусил. Еще в ресторане «Прага». Мне он подходил...

Алеша Свиридов был одного возраста с ними. Но он знал другую жизнь, другие заботы и запросы. И был далек от таких понятий, как болезненное самолюбие, зависть, трусость и злоба. Хотя, как всякому нормальному человеку, и ему был ведом страх. Но за людей, не за собственную шкуру. Может, поэтому пошел в милицию.

Свиридова спасли. Врачи и крепкий организм победили смерть. Хотя ранение не давало почти никакой надежды.

И еще один был спасен. Который страшно боялся смерти милиционера и, если бы знал кому молиться и что молитва дойдет, лоб бы разбил. Только в сохранении жизни Свиридова видел свое спасение. И когда выслушал приговор, не тот, смертный, который сам себе определил еще на первом допросе, а мягче, ему показалось, что он родился заново.

Начальник СМУ-9 треста «Севкавказстрой» издал приказ, согласно которому ответственные работники управления, не сдавшие рабочих нарядов и материальных отчетов к установленному сроку, все последующие до завершения подготовки документов дни будут считаться прогульщиками.

Прокурор Лискинского района (Воронежская область) опротестовал этот приказ, так как согласно Типовым правилам внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций, утвержденным Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы по согласованию с ВЦСПС, прогулом считается неявка на работу без уважительной причины в течение всего рабочего дня; равным образом считаются прогульщиками рабочие и служащие, появившиеся в нетрезвом состоянии на работе. Что же касается невыполнения работниками без уважительных причин установленного порядка сдачи нарядов и отчетов, то на виновных в этом лиц может быть наложено дисциплинарное взыскание.

Незаконный приказ отменен.

Исполнительный комитет Архангельского городского Совета депутатов трудящихся решением «Об утверждении акта государственной комиссии по приемке закрытого плавательного бассейна» обязал Северный бассейновый совет добровольного спортивного общества «Водник» выделять городскому комитету физической культуры и спорта бассейн в бесплатное пользование три раза в неделю для тренировок сборной команды города.

Прокурор Архангельской области опротестовал эту часть решения по следующим основаниям: согласно статье 102 Гражданского кодекса РСФСР профсоюзные и иные общественные организации владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им на праве собственности имуществом в соответствии с их уставами (положениями); право распоряжения имуществом, составляющим собственность профсоюзных и иных общественных организаций, принадлежит исключительно самим собственникам.

В связи с протестом прокурора нарушение закона устранено.

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

ИНФОРМАЦИЯ

**судебная
хроника**

Тракторист Оленгуйского лесопромышленного комбината Читинской области Кудашев был направлен в совхоз бригадиром бригады по заготовке кормов. Поработав некоторое время, Кудашев решил, что совхозу заготовлено уже достаточное количество кормов и пора обеспечивать ими себя. С этой целью он на тракторе вывез к себе домой полторы тонны совхозного сена.

Читинский районный народный суд приговорил Кудашева за хищение сена к одному году лишения свободы.

Водитель Анапского городского комбината бытового обслуживания населения Шестунов, проезжая по городу, проявил невнимательность, в результате которой машина выехала на левую сторону улицы и столкнулась с мотоциклом. Один из ехавших на нем получил тяжкие телесные повреждения и был отправлен в больницу.

Шестунов осужден народным судом.

Житель Сухуми Лapidус, не желая утруждать себя работой, решил заняться каким-нибудь прибыльным делом. Используя не принадлежащий ему льготный проездной билет, он под видом студента Тбилисского пединститута стал разъезжать по городам, приобретать там и перепродавать различные дефицитные вещи. Деятельность спекулянта была пресечена в самом начале.

Народный суд приговорил его к трем годам лишения свободы условно. Было учтено, что Лapidус впервые на скамье подсудимых и искренне раскаялся в своем преступлении.

СЛЕДОВАТЕЛЬ ГРИГОРЬЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

Выезд на место преступления, осмотр места происшествия, точное описание оставшихся следов преступников, назначение экспертиз, допрос свидетелей, потерпевших, подозреваемых, анализ фактов и сведений. Нелегко труд следователя. Труд во имя поисков истины, Труд во имя справедливости.

Орденом Трудового Красного Знамени отмечена работа одного из лучших следователей УВД Краснодарского крайисполкома Николая Павловича Григорьева.

Недавно группе следователей, возглавляемой Н. П. Григорьевым, удалось обнаружить опасных махинаторов, орудовавших на оптовой базе райпотребсоюза.

В приказе по управлению майору милиции вынесена благодарность. Слова приказа звучат сухо, но в них — точная оценка: «За добросовестное отношение к исполнению служебного долга, умение и инициативу, проявленные при разоблачении особо опасных преступников...».

Фотографии нашего фотокорреспондента В. Зимина рассказывают о работе следователя Н. П. Григорьева и его товарищей.

Поступило сообщение о преступлении, и сразу к милицейской машине направляются старший инспектор уголовного розыска В. Н. Шамраев, эксперт-криминалист Л. А. Богословская, Н. П. Григорьев и проводник служебно-розыскной собаки В. Л. Ивашенко (1-я стр. обложки).

На месте происшествия. Поиски следов преступников. Слева направо: Л. А. Богословская, В. Н. Шамраев и Н. П. Григорьев (1-я стр. вкладки).

Помощник и советчик следователя — эксперт-криминалист Л. А. Богословская изучает царапины на корпусе автомобиля (2-я стр. вкладки).

Допрос свидетеля (3-я стр. вкладки, сверху).

Н. П. Григорьев у заместителя начальника следственного отдела В. В. Харитонова (3-я стр. вкладки, внизу).

Активно работает добровольная народная дружина на Череповецком ордена Ленина металлургическом заводе имени 50-летия образования СССР.

На с н и м к е: сталевар мартеновского цеха, командир народной дружины цеха И. Н. Яроцкий и первый подручный сталевара, дружинник Р. С. Гареев.

Фото В. ЗИМИНА.

Что учитывается для оплаты отпуска

Отпуск оплачивается из расчета среднемесячного заработка, исчисляемого по специальным правилам.

В подсчет среднего заработка включаются: основная заработная плата — повременная (почасовая, поденная, помесечная, доджностной, персональный или сохраненный оклад или ставка) и сдельная (индивидуальная, коллективная, прямая, косвенная, простая, сдельно-прогрессивная, поэлементная и аккордная); доплаты и надбавки; производственные премии (выплаченные за счет фонда заработной платы по действующим системам оплаты труда, премии и вознаграждения из фонда материального поощрения и другие премии, включение которых в средний заработок для оплаты отпуска установлено законодательством); средний заработок, сохраняемый за время служеб-

ных командировок; заработная плата за время использования отпуска; средний заработок, сохраняемый за время исполнения государственных и общественных обязанностей; оплата простоя не по вине работника; оплата времени вынужденного прогула; суммы пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам.

К числу наиболее распространенных доплат и надбавок, которые учитываются при оплате отпуска, относятся следующие: за сверхурочную работу; за работу в ночное время; за работу в дни еженедельного отдыха (в тех исключительных случаях, когда отгул не был предоставлен); за совмещение профессий (должностей); за расширение зон обслуживания или объема выполняемых работ, за многостаночное обслуживание; за исполне-

ние обязанностей недостающих по штату работников на судне в период его эксплуатации; за классность; за руководство бригадой; доплаты до 30 процентов оклада начальникам цехов, мастерам и другим инженерно-техническим работникам, работающим непосредственно в цехах; доплаты рабочим-повременщикам, выполняющим временно, наряду со своей работой, обязанности отсутствующих рабочих (в случае болезни, отпуска, командировки и по другим причинам); доплаты сдельщикам в связи с изменением условий работы (за сложность обработки, непригодность инструмента и так далее); доплаты, обусловленные в коллективном договоре, сдельщикам, выполняющим работу ниже присвоенного им разряда (так называемая межразрядная разница); доплаты до среднего заработка при переводах на другую работу; доплаты несовершеннолетним в связи с сокращением их рабочего дня; оплата за время перерывов на кормление ребенка; оплата брака не по вине работника; доплаты при невыполнении норм выработки не по вине рабочего; оплата временного замещения; районные и поправочные коэффициенты; надбавки за особые условия труда (вредность, тяжесть, опасность); надбавка за работу в районах Крайнего

Севера и в местностях, приравненных к этим районам.

Что касается премий, то при исчислении среднего заработка для оплаты отпуска учитываются производственные премии, выплаченные из фонда заработной платы на основании действующих положений об условиях оплаты труда или положений о премировании, независимо от режима выплаты, а также от занимаемой должности и характера выполняемой работы.

Наряду с этим для оплаты отпуска учитываются премии и вознаграждения из фонда материального поощрения.

На предприятиях и в организациях, перешедших на новую систему планирования и экономического стимулирования, из фонда материального поощрения выплачиваются: премии рабочим, руководящим, инженерно-техническим работникам и служащим, предусмотренные Типовыми положениями о премировании, утвержденными Госкомитетом по труду и ВЦСПС; единовременные поощрения работникам предприятий, отличившимся при выполнении особо важных производственных заданий; вознаграждения за общие результаты работы предприятия по итогам за год; премии победителям во внутриводском социалистическом соревновании.

Из фонда материального поощрения выплачиваются суммы для оказания материальной помощи работникам предприятий. Эти суммы не учитываются при подсчете среднего заработка для оплаты отпуска. Не учитываются также премии, хотя и выплаченные из фонда материального поощрения, но не связанные с производственной деятельностью (за достижения в художественной самодеятельности и другие).

Премии не из фонда заработной платы или материального поощрения, как правило, не учитываются при исчислении среднего заработка для оплаты отпуска. Однако законодательство предусматривает ряд исключений из этого правила. В частности, учитываются: премии за экономию топлива, электрической и тепловой энергии; премии плавсоставу судов морского и речного флота за экономию топлива; премии работникам государственных предприятий сельского и водного хозяйства за экономию горючего и смазочных материалов; премии шоферам автомобилей, рабочим и инженерно-техническим работникам автохозяйств за экономию автомобильного топлива против установленных норм; премии работникам строительных и монтажных организаций за экономию строительных материалов и сохранность сборных конст-

рукций и деталей; премии руководящим работникам, специалистам и служащим совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства за получение прибыли и некоторые другие премии, в отношении которых имеется специальное указание о включении их в средний заработок.

Выплаты, учитываемые при исчислении среднего заработка для оплаты отпуска (в том числе и премии), включаются в заработок того месяца, на который они приходятся по расчетной ведомости на заработную плату. Так, если премия за I квартал выплачена в мае, она учитывается вместе с заработком за май. При этом не имеет значения, что в подсчет среднего заработка не попал ни один месяц того квартала, за работу в котором премия была начислена.

Так как премии учитываются по месяцу их выплаты, то не производится никаких перерасчетов среднего заработка в связи с получением премий, начисленных за работу в учитываемом периоде, но выплаченных по его окончании.

Вознаграждение за годовые итоги работы предприятия, выплаченное из фонда материального поощрения, также учитывается при оплате отпуска по месяцу включения его в ведомость на выплату заработной платы.

При подсчете среднего заработка не учитываются: выплаты (в том числе и премии) не из фонда заработной платы; не из фонда материального поощрения (за теми исключениями, о которых говорилось); заработная плата по совмещаемой работе; выплата за работы, не входящие в круг обычных обязанностей работника по занимаемой им должности или выполняемой работе; компенсационные выплаты при командировках и переводах (суточные, квартирные и тому подобное); единовременные и компенсационные выплаты; единовременное вознаграждение (но не процентные надбавки) за выслугу лет; натуральные выдачи, а также суммы, выплаченные взамен их; квартирные деньги и стоимость бесплатных квартир и коммунальных услуг и топлива; выплаты, причитающиеся за прошлое время до учитываемого периода (это правило не распространяется на премии).

При оплате отпуска не учи-

тываются также единовременные (разовые) премии и вознаграждения, не входящие в систему оплаты труда, к которым, в частности, относятся: премии из фонда предприятия (не следует смешивать их с премиями из фонда материального поощрения); премии из средств, выделяемых по государственному бюджету в распоряжение министров и руководителей ведомств; премии из фонда мастера; премии по итогам социалистического соревнования (кроме выданных по итогам внутризаводского соревнования из фонда материального поощрения); вознаграждения и премии за открытие, изобретение, рационализаторское предложение; за содействие внедрению изобретений и рационализаторских предложений.

Споры, связанные с оплатой отпуска, разрешаются в общем порядке (последовательно в комиссиях по трудовым спорам, фабричном, заводском, местном комитетах профсоюза и народных судах).

Ю. ЦЕДЕРБАУМ,
начальник юридического отдела
Министерства социального
обеспечения РСФСР

Дополнительная оплата работ на весеннем севе

Плата труда рабочих совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства, занятых на сельхозработах в растениеводстве, производится в зависимости от условий производства по аккордно-премиальной, сдельно-премиальной и повременно-премиальной системам оплаты труда. При этом сдельные расценки определяются исходя из норм выработки и тарифных ставок, установленных для рабочих, занятых на конно-ручных работах, а также для трактористов-машинистов совхозов.

Типовым положением об оплате труда рабочих совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства предусмотрена также дополнительная оплата труда для рабочих, занятых на выращивании зерна, сахарной свеклы, хлопка, картофеля, масличных, овощных и других культур. Производится она за высокое качество сева при получении хороших всходов; проведении междурядных обработок в лучшие агротехнические сроки при сохранении установленно-го количества растений на гектар, качественное выполнение других важнейших сельскохо-

зяйственных работ в установленный срок или досрочно.

Конкретный порядок и размеры дополнительной оплаты устанавливаются в хозяйстве. При этом общая сумма дополнительной оплаты для одного рабочего за сезон не должна превышать месячного, а по пропашным культурам — полуторамесячного заработка.

Дополнительная оплата должна выдаваться за наиболее важные, решающие работы, от качественного и своевременного выполнения которых зависит получение высокого урожая.

Дополнительная оплата выдается по окончании каждого вида работ в процентах к сдельному заработку, начисленному за выполнение этой работы. Поясним порядок расчета на примере. Механизатор совхоза засеял 72 га зерновых, выполнив семь дневных норм. За эту работу ему начислено по тарифу 37 рублей 80 копеек. После появления всходов комиссия признала качество работ хорошим и администрация совхоза начислила ему дополнительную оплату по действующему в хозяйстве положению в размере 30 процентов к заработку по тарифу. Размер по-

ощрения составит в данном случае 11 рублей 34 копейки.

Что касается материального поощрения рабочих семеноводческих свекловичных совхозов и семеноводческих свекловичных хозяйств научно-исследовательских учреждений, то размер повышенной оплаты для них зависит от вида выполняемой работы и ограничен определенным количеством дней, в течение которых производится повышенная оплата труда. Общая сумма дополнительной оплаты для одного работника не должна превышать за сезон полуторамесячного сдельного заработка.

На обработке плантаций сахарной свеклы вместе с постоянными рабочими трудятся и сезонные рабочие. Им (если они за сезон работали от 80 до 120 дней) при условии высоких показателей устанавливается дополнительная оплата — до 20 рублей, а проработавшим более 120 дней — 40 рублей.

Поощряется двухсменная работа техники и ее более производительное использование. Старшему трактористу-машинисту при выполнении им и его сменщиком сменных норм выработки выплачивается дополнительно 10 процентов его заработка за смену. За работу на тракторе без прицепа, хотя он полагается, а также при совмещении работ в агрегате, не предусмотренных нор-

мой, трактористам-машинистам выплачивается надбавка в размере 20 процентов сдельного заработка за объем выполненных работ при условии, что такое совмещение допускается правилами техники безопасности и обеспечивает качественное проведение работ. Основанием для выплаты надбавки является отметка об объеме выполненной работы без прицепа или при совмещении работ в агрегате, сделанная в наряде бригадиром или агрономом.

Время, необходимое по нормам на перегон тракторов и сельхозмашин, оплачивается по II разряду тарифной ставки сдельщика, установленной для трактористов-машинистов на механизированных работах. Нормы времени на перегон сельскохозяйственной техники устанавливаются директором совхоза по согласованию с рабочим комитетом профсоюза. В соответствии с Типовым положением оплате подлежит только время, не учтенное в нормах выработки, например при перегоне техники с железнодорожной станцией, из ремонтной мастерской отделения Сельхозтехники, с центральной усадьбы совхоза в отделение, из отделения в другое отделение, а не при обычном переезде с поля на поле в связи с окончанием каждого вида работы.

Кроме указанных выше надбавок и доплат механизаторам на весеннем севе выплачивается надбавка к заработку, начисленному на механизированных работах, оплачиваемых по тарифной сетке трактористов-машинистов: за первый класс — 20 процентов, за второй класс — 10 процентов. На эту надбавку рабочим начисляются доплаты за продукцию, произведенную бригадой или звеном.

Работникам, занятым на весеннем севе, установлено премирование и за экономию горючих и смазочных материалов, но при условии соблюдения агротехнических требований к качеству тракторных работ. Эти премии выплачиваются в следующих размерах: трактористу-машинисту — 35 процентов стоимости сэкономленного им горючего и смазочных материалов, бригадиру тракторно-полеводческой бригады — 7 процентов, помощнику бригадира — 3 процента, мастеру-наладчику — 5 процентов и заправщику горючего — 3 процента стоимости горючего и смазочных материалов, сэкономленных по бригаде. Механику отделения совхоза — 3 процента стоимости горючего и смазочных материалов, сэкономленных по отделению. За ведущему нефтехозяйством — 3 процента, рабочим ремонтных мастерских, занятым на работах по регулировке топливной

аппаратуры, — 5 процентов стоимости горючего и смазочных материалов, сэкономленных в целом по хозяйству. Следует отметить, что указанное премирование может вводиться в хозяйствах, где внедрены технически обоснованные нормативы расхода нефтепродуктов.

Во время весенних полевых работ на помощь сельским труженикам выезжают работники предприятий, учреждений и организаций. Лицам, прибывшим на работу в качестве механизаторов, сохраняется 75 процентов их среднего заработка по месту основной работы. Кроме того, выплачивается средний заработок за время нахождения в пути и стоимость проезда до временной работы и обратно. Поэтому суточные и квартирные не выплачиваются. Средний заработок исчисляется из суммы заработка за последние два месяца по месту основной работы. При исчислении среднего заработка учитывается как основное, так и дополнительное вознаграждение, носящее постоянный характер (премии, особые доплаты и надбавки, процентное вознаграждение и тому подобное).

Труд работников, привлекаемых для работы в совхозах в качестве трактористов-машинистов и других механизаторов, оплачивается в порядке, установленном Типовым поло-

жением об оплате труда работников совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства для временных работников совхозов.

Заработная плата им начисляется исходя из выполненного объема работ по действующим в хозяйствах нормам выработки и расценкам. При этом доплата за продукцию и премии, которые начисляются основным (постоянным и сезонным рабочим), временным рабочим не выплачиваются. Однако механизаторы, привлекаемые на весенне-полевые работы, могут премироваться директором хозяйства за выполнение работ при хорошем качестве в установленный срок и досрочно в

размере до 20 процентов их заработка, начисленного на этих работах.

Правлениям колхозов рекомендовано оплачивать труд работников, направляемых с промышленных, транспортных и других предприятий, из учреждений и организаций в качестве трактористов-машинистов и других механизаторов на работу в колхозы по нормам и расценкам, утвержденным в совхозах. Премии рабочим могут начисляться по решению правления колхоза за выполнение работ при хорошем качестве и в установленный срок или досрочно в тех же размерах, что и работникам, привлекаемым на работу в совхозы.

В. ВОЛКОВ,
заместитель начальника
юридического отдела
Госкомтруда СССР

**Читатель
на приеме
у юриста**

**Расскажите, пожалуйста,
о правовой охране
тишины,— просят
В. Галкин и
Т. Коновалова
из Москвы,
Е. Петрусенко из Киева.**

В последние годы рост городов, колоссальное сосредоточение в них промышленной, транспортной и иной техники породили так называемую проблему шума. А вместе с тем доказано, что нормальная жизнедеятельность человека может протекать лишь в том случае, если шумовое воздействие на организм не превышает определенных пределов. Поэто-

му закон в нашей стране обеспечивает защиту человека на производстве и в быту от чрезмерных звуковых перегрузок, создаваемых промышленной техникой, транспортом и бытовыми источниками.

Не допускается, например, эксплуатация неисправных промышленных установок, оборудования, механизмов на стройках и транспорте, создающих повышенный в сравнении с нормально работающей техникой шум. Органы санитарного надзора, техническая инспекция профсоюзов имеют право запретить работу неисправных установок, оборудования и транспортных средств. На автомобильном транспорте такой контроль осуществляет также автоинспекция МВД СССР.

Обязательные нормы по охране тишины для предприятий промышленности, строительства и транспорта разрабатывают местные Советы, которые вправе устанавливать за нарушение этих норм административную ответственность.

Местные Советы могут разрешать наиболее острые вопросы по охране тишины в пределах, не требующих установления технических характеристик уровня шумов. Так, по решению местных Советов могут быть запрещены строительные и ремонтные работы в ночное время с использованием компрессоров, отбойных молотков, бульдозеров и тому подобных источников шума, особенно вблизи больниц и детских учреждений. С учетом местных условий могут быть запрещены также езда в ночное время на спортивных автомобилях и мотоциклах, регулировка во дворах домов сигналов, тормозов, ремонт автомобильных двигателей.

Правила пользования жилым помещением запрещают установку на балконах и подоконниках (при открытых окнах) радиоприемников, радиол, магнитофонов и любой шум с 23 до 7 часов в квартирах.

Однако в настоящее время эти и подобные им меры по охране тишины уже не могут быть признаны достаточными. Поэтому в принятом недавно постановлении правительства о мерах по снижению шума на промышленных предприятиях, в городах и других населенных пунктах перед министерствами и ведомствами поставлена задача не только разработать и внедрить в жизнь инженерно-технические комплексы по снижению уровня шума, но и создать базу для дальнейшего усиления правовой охраны тишины.

Министерствам тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения, станкостроительной и инструментальной промышленности, авиационной промышленности, автомобильной промышленности и некоторым другим поручено в 1973—1974 годах совместно с Министерством здравоохранения СССР и ВЦСПС разработать перечни изделий, в стандартах и технических условиях на которые

должен быть установлен предельный уровень шума, допустимый при их работе.

Министерству гражданской авиации поручено совместно с Госстроем СССР, Министерством авиационной промышленности и Министерством здравоохранения СССР разработать проект государственного стандарта, регламентирующего допустимый уровень шума, создаваемого самолетами в районах жилой застройки, расположенных вблизи аэродромов и аэропортов.

Таким образом, применение источников шума будет нормировано ГОСТами. Несоответствие ГОСТу уровня шума у механизмов, машин и оборудования повлечет за собой запрещение их выпуска и применения. Утверждение ГОСТов даст возможность контролировать шумовые процессы, для чего постановление предусматривает также серийный выпуск шумоизмерительной аппаратуры.

В. МАРТЕМЬЯНОВ,
кандидат юридических наук

Мои родители уже в пожилом возрасте развелись. Мать была нетрудоспособна и поэтому получала с отца алименты. После ухода отца на пенсию размер алиментов значительно уменьшился. Как же маме теперь жить?
А. Новиков, Киев.

По закону, в случае изменения материального или семейного положения одного из супругов (в данном случае вашего отца) каждый из них вправе обратиться в суд с иском об изменении размера алиментов. Ваш отец так и сделал.

Вы спрашиваете: как же будет жить мать? Совершеннолетние дети обязаны содержать нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них. И если вы у родителей единственный взрослый сын, значит, вам придется позаботиться о своей маме.

Размер алиментов, в том случае если дети не помогают родителям добровольно, определяется судом, исходя из материального и семейного положения родителей и детей, в твердой денежной сумме, выплачиваемой ежемесячно.

Т. ФЕРДИНАНДОВА,
юрист

Мой отец пропал без вести на фронте, мать — пенсионерка, живет в моей семье (муж и дочка 5 лет). Пользуется ли наша семья льготами при предоставлении жилой площади из десятипроцентного фонда как семья погибшего воина? Если да, то кто обязан предоставить нам площадь — горвоенкомат, исполком или по месту работы? Дорофеева, учительница; г. Клин Московской области.

из десятипроцентного фонда, ведется исполкомами городских (районных) Советов.

Члены семей погибших военнослужащих по месту работы также пользуются преимущественным правом на получение жилой площади. Горвоенкоматы вопросами распределения жилой площади не занимаются.

Т. КАНДЫБИНА,
член **Московского областного суда**

Расскажите о надбавках за классность водителям автомобилей, — просит А. Горкунов из Ростова.

первый класс, затем — второй и третий классы.

Водителям автомобилей (в том числе и специальных) выплачиваются ежемесячные надбавки за классность в следующих размерах: имеющим первый класс и работающим на автобусах, автомоби-

Членами семьи, имеющими право на получение жилой площади из десятипроцентного фонда, считаются граждане, которым по закону выплачивается пенсия в связи с гибелью военнослужащего (как его иждивенцам), а также родители и супруги (не вступившие в другой брак) независимо от получения пенсии. Если кто-либо из членов семьи погибшего создает свою семью, то этой льготой он уже не пользуется.

Семьи военнослужащих, пропавших без вести в период военных действий, приравниваются к семьям погибших на фронте.

Поскольку вы и мать живете одной семьей, то на вашу семью могут распространяться льготы по преимущественному обеспечению жилой площадью. Учет граждан, имеющих право на получение жилой площади

Для материальной заинтересованности водителей автомобилей в систематическом повышении своей квалификации введены надбавки за классность. Установлено три класса квалификации водителей: высший —

лях скорой медицинской помощи и легковых пожарных оперативных автомобилях, оборудованных специальным звуковым сигналом,— 15 процентов (с учетом того, что тарифные ставки им установлены исходя из второго класса квалификации);

имеющим первый класс и работающим на грузовых и легковых автомобилях — 25 процентов;

имеющим второй класс и работающим на грузовых и легковых автомобилях — 10 процентов.

Надбавки выплачиваются к месячным тарифным ставкам, а после введения новых условий труда — к установленной тарифной ставке за отработанное в качестве водителя время.

При переводе водителей на работу по ремонту автомобилей оплата их труда производится по условиям, установленным для рабочих, занятых на техническом обслуживании и ремонте автомобилей. При этом водителям присваиваются квалификационные разряды слесаря-авторемонтника в соответствии с квалификационными характеристиками действующего ЕТКС рабочих сквозных профессий. Поэтому надбавка за классность за время, оплаченное по тарифным ставкам ремонтных рабочих, водителям не выплачивается.

Я. МАСНЫЙ,
старший инспектор
Госкомтруда СССР

**Прошу разъяснить,
при каких условиях
и в каком размере
возмещаются средства,
затраченные на лечение
граждан, потерпевших
от преступления,—
спрашивает
Л. Кукушкин
из Хабаровска.**

Уголовным законодательством СССР предусмотрены строгие меры в отношении лиц, совершивших умышленное преступление против жизни и здоровья граждан. Однако осуждение таких лиц в уголовном порядке не является единственной мерой воздействия на них. Весьма эффективную роль играет и взыскание с преступников причиненного ими ущерба.

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О возмещении

средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий». Согласно Указу средства, затраченные на стационарное лечение граждан в случае причинения вреда их здоровью в результате преднамеренных преступных действий (за исключением причинения вреда при превышении пределов необходимой обороны

или в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего), подлежат взысканию в доход государства с лиц, осужденных за эти преступления.

Совет Министров СССР 31 августа 1973 года установил нормы для исчисления средств, затраченных на стационарное лечение граждан, в размере 8 рублей за пребывание потерпевшего в лечебном учреждении в течение суток.

Взыскание этих средств производится судом одновременно с постановлением приговора. При этом суд вправе решить вопрос о взыскании указанных средств и в том случае, если гражданский иск не был предъявлен.

Если же при постановлении приговора решение о взыскании этих средств не было принято, взыскание их производится в порядке гражданского судопроизводства.

А. АДУЕВ,
кандидат юридических наук

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

По следам наших выступлений

Под заголовком «Волокита со стажем» в № 12 нашего журнала за 1973 год была опубликована статья Я. Шестопала, в которой остро критиковались самочинные, в обход закона, действия правления ЖСК «Мосфильм-2», а также некоторых должностных лиц исполкома Гагаринского районного Совета депутатов трудящихся г. Москвы. Речь шла о том, как пенсионерка Е. М. Тревогина, принятая общим собранием членом-пайщиком ЖСК, в течение почти двух лет не могла получить документы на свою квартиру, так как в нарушение Устава ЖСК ордер на эту же квартиру был незаконно выдан другому человеку.

Через четыре месяца редакция получила следующий ответ из Гагаринского исполкома: «Отдел учета и распределения жилой площади исполкома Гагаринского райсовета в ответ на статью «Волокита со стажем», опубликованную в 12-м номере журнала, в части задержки в выдаче ордера гр. Тревогиной Е. М. сообщает, что ордер ей на однокомнатную квартиру выдан. Гр. Тревогина Е. М. в этой квартире прописана и проживает, а гр. Лещ В. Н. выписан в другой адрес. Зав. отделом учета и распределения жилой площади исполкома Е. Федотов».

Если принять терминологию товарища Е. Федотова, то отныне волокиту следует называть «задержкой в выдаче ордера». Вряд ли приемлема такая подмена понятий. Волониту надо и называть волонитой. А поэтому редакция ждет от исполкома Гагаринского райсовета принятия к волонитчикам мер по существу, а не отписок.

ГДР: ЗАКОН О МОЛОДЕЖИ

В НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЯ ЭТОГО ГОДА НА СЕССИИ НАРОДНОЙ ПАЛАТЫ ГДР БЫЛ ПРИНЯТ «ЗАКОН ОБ УЧАСТИИ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И О ЕЕ ВСЕСТОРОННЕМ РАЗВИТИИ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ».

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Т. КУРЕЛЛА ВСТРЕТИЛАСЬ В БЕРЛИНЕ С ЭГОНОМ КРЕНЦЕМ — ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА СОЮЗА СВОБОДНОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ФРАКЦИИ ССНМ НАРОДНОЙ ПАЛАТЫ ГДР И ПОПРОСИЛА ЕГО ОТВЕТИТЬ НА НЕКОЛЬКО ВОПРОСОВ.

— Товарищ Кренц, как известно, всякий закон несет в себе черты общества, которому он призван служить. Полезно бывает оглянуться на прошлое, чтобы понять и оценить новый закон в исторической перспективе. Расскажите, пожалуйста, как разрабатывалось в ГДР молодежное законодательство.

— Молодежь нашей страны вместе с молодежью Советского Союза и братских социалистических стран имеет счастье жить и трудиться в условиях общества, свободного от любого вида эксплуатации, подавления и унижения человеческого достоинства. Молодым людям в ГДР созданы все условия для свободного и творческого развития личности, талантов и способностей. Впервые в истории немецкая молодежь наравне со всеми трудящимися участвует в государственном строительстве.

Этот факт трудно переоценить. Все мы помним, что в течение почти двенадцати лет,— и это не такое уж далекое прошлое,— немецкая молодежь находилась под растлевающим влиянием фашистской идеологии. Гитлеровская пропаганда воспитывала ее в духе воинствующего национализма. Молодым людям внушались идеи расового превосходства и одновременно в них культивировались рабская покорность, бездумное повиновение. Молодежь служила пушечным мясом для немецких империалистов.

Мы никогда не забываем, что нынешнее социалистическое развитие страны стало возможным только после исторической победы Советского Союза и антигитлеровской коалиции над фашизмом.

В жестокой борьбе против темных сил реакции, в созидательном напряженном труде во имя победы социализма в нашей стране выросло и утверждалось поколение молодых сознательных социалистов ГДР. И в немалой степени этому способствовали наши законы о молодежи.

Первый съезд Союза свободной немецкой молодежи в 1946 году провозгласил основные права молодого поколения: политические права, право на труд, отдых и образование, право на счастливую, радостную жизнь. Все это спустя три года было записано в первой Конституции ГДР. Знаменательно, что первым законом, принятым Народной палатой, стал в 1950 году «Закон об участии молодежи в построении ГДР и о развитии молодежи в профессиональной жизни и в школе, в спорте и на отдыхе». Это было время, когда молодая немецкая народная демократия бралась за решение труднейшей задачи построения нового социалистического общества. На молодежь возлагались самые большие надежды. В повседневной целенаправленной деятельности юное поколение глубоко прониклось коммунистическими убеждениями, училось твердо руководствоваться ими в практической жизни, овладевало навыками самостоятельной идейной и политической ориентации.

Изменившиеся общественные отношения, успехи в социалистическом строительстве потребовали усовершенствования молодежного законодательства. В мае 1964 года был принят «Закон об участии молодежи в борьбе за развернутое строительство социализма». И этот закон также был успешно претворен в жизнь.

Теперь, как вы уже знаете, принят третий в истории ГДР закон о молодежи, который учитывает большие перемены за последние десять лет.

В июле минувшего года в газетах ГДР был опубликован проект будущего закона, который обсуждался потом в течение полугода

на молодежных и профсоюзных собраниях, а также на собраниях различных общественных организаций Национального Фронта, на встречах с депутатами, партийными, государственными и хозяйственными руководителями, в родительских комитетах школ.

В начале этого года совместная комиссия Совета Министров ГДР и Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи, проанализировав все предложения, высказанные в ходе обсуждения, представили переработанный проект в Народную палату. На очередной сессии новый закон был утвержден и введен в действие.

— Изучение текста нового закона убеждает, что в основе его — высокая требовательность, опирающаяся на доверие к молодому поколению, на его чувство ответственности и энтузиазм в деле строительства развитого социалистического общества в ГДР.

— Вы правы, вся молодежная политика в ГДР исходит из ленинского принципа: оказывать подрастающей смене доверие, воспитывать ее в духе ответственности. Новый закон созвучен духу эпохи, отражает общественные процессы, происходящие в стране, мысли, чувства и дела молодежи.

Свыше двух с половиной миллионов граждан ГДР — люди в возрасте от 14 до 25 лет. В рядах ССНМ состоит около двух миллионов юношей и девушек. Более 40 000 молодых граждан избраны народными представителями в местных советах, что составляет около 20 процентов всех депутатов страны. К этому надо добавить, что свыше 16 600 молодежных бригад и 1800 молодежных участков действуют в самых различных отраслях народного хозяйства. Все эти цифры наглядно свидетельствуют, насколько активна наша молодежь, которая со всей ответственностью участвует в политической, общественной и хозяйственной жизни страны.

В новом законе записано, и это стало практикой в ГДР, что «народные представительства, их органы и государственные руководители планомерно подготавливают молодежь, проявившую себя в своей политической и профессиональной деятельности, к принятию на себя ответственных задач в государстве и обществе». Они передают ей знания о государстве, демократии и праве при социализме; воспитывают ее вместе с родителями и общественными организациями в духе уважения законности и норм социалистического общежития; обеспечивают действенную защиту молодежи от влияний, представляющих угрозу для развития социалистической личности, контроль над соблюдением законов и других правовых норм в защиту молодежи и ее интересов.

Новый закон предъявляет высокие требования молодежи и одновременно обеспечивает условия для ее всестороннего и планомерного развития. Известно, что в ходе осуществления решений VIII съезда СЕПГ наша страна добилась заметных успехов. Экономика ГДР стабильна, с каждым годом улучшаются условия труда и быта населения, успешно проводятся в жизнь планы, намеченные в рамках комплексной программы экономической интеграции социалистического содружества. Все это имеет большое значение для молодежи.

Молодым людям есть к чему приложить руки. Новый закон отвечает революционным стремлениям молодежи, охватывает все решающие стороны жизни молодых людей в ГДР, обеспечивает всестороннее развитие их личности, творческих сил в труде, учении, культурной деятельности, при выполнении почетной обязанности защиты Отечества. Он способствует воспитанию социалистического мировоззрения, укрепляет интернационалистические позиции молодого поколения. Молодежь получает право еще шире участвовать в управлении государством, проявлять инициативу в делах производства. Закон ориентирован на то, чтобы создать все условия для радостной, целесообразной и оптимистической жизни молодого поколения.

— Это, так сказать, общая направленность нового закона. Нашим читателям было бы интересно узнать, что конкретно новое внесет он в жизнь молодежи ГДР.

— В новом законе предусмотрены такие конкретные меры, как увеличение отпуска для учеников профобразования, улучшение условий быта в молодежных общежитиях и интернатах, дальнейшее развитие туризма. Кроме того, в распоряжение молодежных организаций для проведения вечеров, творческих конкурсов, спортивных состязаний бесплатно предоставляются учреждения культуры и спортивные сооружения.

Заботой и вниманием окружены в стране молодые семьи. Супружеские пары получают материальную поддержку при получении квартиры и ее оборудовании. Всемерно улучшаются условия ухода за детьми, планомерно расширяются бытовые услуги. При рождении ребенка семья получает согласно действующему правовому порядку материальную поддержку от государства и общественных организаций.

Местные народные представительства обеспечивают содержание, строительство и реконструкцию детских и юношеских учреждений:

молодежных и спортивных клубов, пионерских домов, станций юных техников, туристических баз.

Вас, конечно, не может не заинтересовать, как все это обеспечивается материально. Для этого создается «Счет молодых социалистов». Сюда будут заноситься все средства, заработанные молодежью сверх плана, доходы, полученные от рационализаторских предложений и изобретений, разработанных молодыми рабочими, инженерами, учеными. Эти средства, как записано в законе, «используются по предложению Союза свободной немецкой молодежи прежде всего для оказания поддержки политических, культурных, спортивных, туристических и других инициатив молодежи, а также для планомерного расширения материальных условий для работы молодежи».

Хочется сказать в заключение, что, когда готовился проект нового закона, группа наших специалистов ездила в СССР изучать советские законы и практику их применения. Известно, что в вашей стране нет отдельного молодежного законодательства. И тем не менее именно в Советском Союзе впервые в истории разработана целая система правовых норм, всесторонне охраняющих интересы молодых рабочих, колхозников, служащих, ученых, интересы школьников и студентов, детей и их родителей. Все это было тщательнейшим образом изучено и в значительной мере облегчило нашу работу.

ПОВЕСТЬ

МАРЧИН ДОР

ПОДАРКИ ИЗ ФРАНЦИИ

Я

не предполагал, что в квартире Кречета мне придется встретиться с инженером. Он был там. Погрузившись по плечи в кресло, курил трубку.

— Ну как? — спросил он. — Как поживает Иоанна Кристина Тышко?

— Отлично, — ответил я, вручая ему пачку долларов. — Она рассказала мне трогательную историю о краже в отеле, но вовремя успела припомнить, что это не ее обокрали.

— Так... — инженер взглянул на Кречета, стоящего у окна. — Пять раз сработала чисто, а на шестой — не выдержала. Как же это вам удалось ее переубедить?

— Она сама вспомнила о самоубийстве доктора Сторда, — сказал я.

Инженер вздрогнул, из трубки посыпались искры. Безмолвно разглядывал меня несколько долгих минут.

— Доктор принял яд, — наконец отозвался он. — В квартире, кроме него, никого не было.

— На стакане, из которого он пил, не удалось найти вообще ни каких отпечатков пальцев, — добавил я. — Ни его, ни чьих-либо еще. Не правда ли, странно?

— Откуда ты знаешь? — услышал я резкий и холодный голос Кречета.

Усмехнувшись, я пожал плечами.

— Я случайно слышал в «Джюконде» пару дней тому назад беседу двух репортеров. Оба были уже навеселе. Один из них утверждал, что это было не самоубийство, и высказал гипотезу об исчезающих отпечатках пальцев.

— Как он выглядел? — спросил инженер уже спокойно, попыхивая трубкой.

— Шатен, — ответил я. — Среднего роста. В очках.

Вопросов больше не было. Кречет заварил кофе, инженер бросил себе в чашку пять кусков сахара.

— Нам не повезло, — повернулся он к Кречету. — Вжошек засыпался на таможенном контроле.

— Каким образом? — спросил Кречет, и я почувствовал в его голосе что-то неестественное. — Ведь летчиков не контролируют.

— Не контролируют, — согласился инженер. — Кто-то донес.

Они не смотрели на меня. Но я тотчас же дал себе отчет в том, что они не без причины разговаривают об этом в моем присутствии.

— Кто знал о том, что Вжошек работает с нами? — спросил я.

Как по команде, их головы повернулись ко мне.

— Очень немногие, — ответил инженер, помолчав. — Иоланта, Кречет, я и, наверное, вы.

— Да, — согласился я. — Когда вы вышли из кабинета для разговора с графиней, я открыл окно и случайно услышал фрагмент беседы Иоланты с летчиком.

Инженер принялся чистить свою трубку. Делал он это тщательно, сосредоточенно, как бы выполняя ритуальный обряд.

— Так, значит, я прав, — отозвался он через несколько минут,

продолжая заниматься трубкой — Четыре человека. Иоланта Угрот, Базиль, я и вы. Кто-то из нас должен был сыпануть.

— Хорошенькая история, — буркнул я.

— Я не предполагаю, чтобы этот кто-то сотрудничал с милицией, — медленно начал инженер. — Конечно, совершенно исключить это нельзя, но думаю, что этот кто-то скорее человек Черного. Что вы на это скажете, Томаш?

— Возможно, — сказал я. — В таком случае вы отпадаете как шеф. Трудно поверить, чтобы вы действовали против самого себя.

— Логично, — подтвердил Кречет. — Ты отпадаешь.

Они с инженером обменялись быстрыми взглядами.

— Остаются трое, — продолжал я. — Все одинаково под подозрением.

Инженер встал. Лицо его было холодно и лишено всякого выражения.

— Неправда, — сказал он, обращаясь ко мне. — Кречет тоже отпадает. Он компаньон, у него есть доля в прибыли.

— Порядок, — кивнул я. — Остаются Иоланта и я. Но, как я догадываюсь, она тоже отпадает. Я угадал, инженер?

— Угадал, — сказал Кречет.

— В таком случае это я, — усмехнувшись, я подошел к бару, нашел бутылку «Двина», налил себе рюмку. — Вынужден вас разочаровать, дорогие мои: я не агент Черного.

— Как ты это докажешь? — тихо спросил инженер. Его правая рука теперь была опущена в карман. Это могло быть и случайно, но я почувствовал себя неуютно.

— Во-первых, это Кречет обратился ко мне, а не я — к нему. Во-вторых, за меня поручился Люлек, а ему вы, видимо, доверяете. В-третьих, это именно я предупредил вас о действиях Черного на Побережье. В-четвертых, до сих пор у вас не было ко мне никаких претензий.

— Факт, — подтвердил Кречет. — Но о Вжошке знали только четыре человека, из которых трое не считаются. Ты понимаешь меня, Том?

— Понимаю, — сказал я. — Если действительно знали только четыре человека, а не пять.

— Кто может быть пятым? — быстро спросил инженер, становясь напротив меня.

Я обернулся к Кречету.

— Вспомните, пожалуйста, — сказал я. — Когда мы подъехали, у вас появилось ощущение, что кто-то на нас смотрит.

— Помню, — сказал Кречет. — Но ты пошел проверить и решил, что там никого нет.

— Я мог и ошибиться, шеф. Было темно. Шпики следят за нами, и я не удивился бы, узнав, что существует приказ о наблюдении за виллой инженера. А если кто-то и был в парке, то он мог с той же легкостью, что и я, подслушать разговор Иоланты с Вжошкой. — Они молчали. — Ваше дело отлично организовано, — продолжал я, — тем более мне не понятно, как дошло до этой беседы на террасе. Ночью голоса разносятся далеко. Надо иметь достаточно легкомыслия...

— Довольно,— прервал меня инженер.— Почему ты не сказал мне? — резко повернулся он к Кречету.

— Я был уверен, что мне показалось...— пробормотал Кречет, разглядывая носки своих ботинок.— Том пошел проверить...

— Почему ты не предложил ему хорошо проверить?

Кречет не отвечал. Инженер подошел к нему, стал лицом к лицу.

— Ты дурак,— заорал он.— Старый, круглый дурак.

— Лучше поговори с Иолантой,— неуверенно пробормотал Кречет.— Такая болтовня...

— Иоланту оставь в покое,— ответил инженер каким-то удивительным, невыразительным тоном.— Хотя я поговорю с ней, конечно. Расскажи Тому о следующем задании, я уже должен бежать.

Инженер попрощался и ушел. Кречет начал ходить по комнате, не глядя в мою сторону. Мне было жаль его.

— Простите, шеф,— бросил я.— Но вы понимаете, что я не мог этого так оставить. У меня были бы большие неприятности.

— Факт,— согласился он.— Еще бы чуть-чуть, и конец. Инженер был уверен, что это ты накапал. И тогда бы...

— Что тогда бы? — спросил я.

— Тот репортер, которого ты подслушал, был совсем неглуп,— сказал, помолчав, Кречет.— Инженер не имеет привычки шутить в делах.

Официант в смокинге принес вино, откупорил бутылку, налил мне несколько капель, я попробовал и утвердительно кивнул. Тогда он наполнил рюмки, поклонился и отошел.

— Пей, Марта, это вино имеет свойство восстанавливать кровь, может быть, ты поправишься, наберешься сил. Ты очень бледна сегодня.

Непроизвольно она потянулась к сумочке за зеркалом, я прикрыл сумочку ладонью. Она усмехнулась, глотнула вина.

— За что мы пьем? — спросила.

— За предателя,— сказал я тихо.— За человека в темноте, который спас меня от неприятностей.

— О чем ты говоришь, Том?..

— Я сегодня был в затруднительном положении,— шепнул я, наклоняясь к Марте.— Меня подозревали в измене.

— Тебя? — усмехнулась она с недоверием.— Что за осел мог тебя в этом обвинить?

Я осушил рюмку. Официант, появившись быстро и бесшумно, наполнил ее снова.

— Я вижу, ты имеешь насчет меня определенное мнение,— сказал я весело.— А если ты ошибаешься? Ведь я могу просто играть роль.

— Отстань, Том. Разве я тебя осуждаю?

— А может быть, именно это мне и не нравится? Если бы я был не уткой, а кем-то совсем другим...

— Кем?

— Шпионом.— шепнул я.— Подосланным милицией для раскрытия шайки. Это иногда практикуется.

— Плетешь...

— Но сегодня меня, однако, едва не пристукнули за это,— тихо сказал я.— Есть за что выпить, малышка. Мой шеф не цацкается с изменниками.

Я заметил ужас в ее глазах. Ногти ее впились в мою ладонь, а другая рука с ложкой, полной бульона из раков, застыла на полпути между чашкой и ртом.

— И мог бы?..

— Никто не жалеет шпиков,— сказал я.— Это грязная профессия. Самое плохое, на что может решиться человек.

Несколько минут она молча пила бульон. Делать это она старалась так же элегантно, как женщина в колье за соседним столиком. Я заметил, что она держит ложку точно так же, как и та: за кончик ручки, тремя пальцами.

— Я думаю, Том...

— О чем? — спросил я.— Не бойся, малышка. Скажи.

— О милиционерах, которых иногда подсылают...— Марта засморгалась в пустую чашку.— Для них это не предательство. Честная, только рискованная работа. Вы делаете свое, а они — свое.

— Зачем ты это говоришь? — спросил я.

— Ты хотел знать, о чем я думаю,— ответила она после длительного молчания.— Может быть, я предпочла бы, чтобы ты был из милиции... Сама не знаю.

— Если бы я был из милиции, то ты имела бы сейчас похороны своего знакомого,— пробормотал я, иронически кривясь.

Она снова отреагировала гримасой ужаса. Прямо перед собой я видел ее округленные неподвижные глаза, расширенные зрачки.

— Мне не обязательно жить как графине, Том,— услышал я.— Это совсем не обязательно. А ты? Ты не можешь без этого?

— Знаешь что,— сказал я,— я открою тебе свою тайну: мне нравится иметь деньги, но я плюю на них. В конце концов, мои запросы невелики. Я люблю что-то совершенно иное.

— Что? — спросила Марта, еле шевеля губами.

— Борьбу,— ответил я.— Красиво это звучит, не правда ли, малышка? Когда был помоложе и смотрел ковбойские фильмы, я всегда видел себя в роли героического шерифа. В ковбойских фильмах герой чаще всего шериф. Наверно, мы с тобой поженимся и заведем детей. Вот тогда я, может, и пожелаю спокойной жизни.

— Сказки, Том... Я знаю, чем ты когда-нибудь кончишь. Все вы одинаково кончаете. Зачем ты мне говоришь об этих вещах? Я не хотела бы иметь от тебя ребенка.

— Не ори,— я сжал ее руку в запястье.— Нет так нет, воля твоя.

— Чтобы папочке в тюрьму передачи носил? — продолжала она значительно тише.— Муж нашей уборщицы сидит за решеткой, седьмой год сидит за нападение с оружием в руках, семилетний сыншка еще и в глаза его не видел. Мать говорит ребенку, что его отец в Америке.

— Это печально,— вздохнул я.— Ты убедила меня. У нас не будет детей. В то же время...

Я не закончил. В зал вошел инженер в обществе Иоланты. В изящном, элегантном платье она выглядела постоянной клиенткой Диора. Двигалась свободно, как светская дама.

Они заметили меня. Инженер махнул рукой. Иоланта улыбнулась, я ответил кивком. Марта вопросительно посмотрела на меня.

— Ешь,— сказал я.— Холодная индейка похожа на жевательную резинку.

— Откуда ты ее знаешь?

— Кого?

— Ту рыжую красотку. Не выкручивайся, Том.

— Эта рыжая красотка,— ответил я,— в обычное время официантка «Джиоконды», а я кое-когда заглядываю в это заведение.

— Тебе нравится?

— Да,— попытался я сыграть роль наивного,— очень приятное заведение. Я иногда бываю там по делу.

— Я говорила об официантке.

— А я не люблю этого,— буркнул я.— Запомни, Марта. Мы с тобою не расписывались.

Она покраснела, беспомощно погрузила вилку в грудь индейки.

Я хотел сказать что-нибудь веселое, но вовремя остановился —, нельзя. Я доел индейку. К нам подошел официант, склонился к моему уху:

— Те двое просят, чтобы вы подсели к ним...

— Один?

— О вашей даме не упоминали...

— Передайте им, что я ожидал от них лучших манер,— бросил я сухо.

— Хорошо.

Он собрался отойти. Я опомнился и схватил его за локоть.

— Скажите им, что я уйду и вернусь сюда через полчаса,— шепнул я.— Приготовьте, пожалуйста, счет. Мы уходим,— сказал я Марте.

— Уже? Но почему?..— она бросила взгляд на эстраду, где как раз рассаживался оркестр: я приглашал ее на ужин и на танцы.

— Так надо,— буркнул я.— Не задавай вопросов.

Вернувшись, я сначала не заметил их. Сменили столик. Теперь они сидели в ложе, на небольшом возвышении, отделенные от публики плюшевой портьерой. Официант проводил меня. Я поцеловал руку Иоланты, холодно поздоровался с инженером. Он смотрел на меня с заискивающей скользкой усмешкой.

— Вы простите нас,— сказал он,— мы были несколько бесцеремонны, но это идея Елы. Мое общество не радует ее. Вы поддержите нашу компанию?

— Это просьба или распоряжение? — сухо спросил я.

— Я никогда не была сильна в определениях,— Иоланта указала мне на стул рядом с собой.— Что будешь пить?

— Он выпьет русский коньяк марки «Двин»,— ответил за меня инженер.— Он еще не открыл для себя настоящего прекрасного алкоголя. Но однажды боги нашьют на него прозрение, и тогда...

— Перестань болтать.

Ее тон удивил меня не меньше, чем последовавшая реакция инженера: он запнулся, быстро потянулся к джину, смешал его с апельсиновым соком и одним махом выпил.

— Потанцуем, Том?

Мы вышли на паркет. Оркестр играл танго, в центре колыхалось в танце несколько пар.

— С кем ты здесь был? Невеста?

— Что-то в этом роде,— шепнул я.— Получилось несколько грубовато...

— Ерунда,— теперь я почувствовал ее губы на ухе.— Не обращай внимания. Если любит — простит. А мне хотелось иметь тебя на сегодняшний вечер.— Она прижалась ко мне.— Ты не сердись на инженера? Я все знаю о вашей сегодняшней встрече. Этот осел Базиль ни словом не обмолвился о том, что кто-то шатался в саду. А я действительно говорила несколько громче, чем следовало: тот шенок заставил меня-таки понервничать.

— А ты не боишься, что он будет сыпать? — спросил я шепотом.

— Он знает, что это ему только напортит. У него нет доказательств.— Она посмотрела на часы.— Через пять минут мы уходим.

— Кто?

— Ты и я. Поедем ко мне.

— А инженер?

Иоланта рассмеялась:

— У инженера сегодня свободный вечер, а свободные вечера он не привык проводить с женщинами...

Я заколебался: уходя, я обещал Марте, что вернусь не позже, чем через час.

— Хорошо,— шепнул я.— Поедем к тебе.

Перед рестораном ожидала «Кортина». Сидящий за рулем мужчина в плаще и фуражке без слов открыл заднюю дверцу. Мы уселись. Дорога заняла неполных пятнадцать минут, машина покружила уличками среди каких-то старых развалюх и остановилась.

— Ты здесь живешь? — спросил я, видя перед собой облезший двухэтажный домик, вокруг которого валялись куски железа, прикрываемые сорной травой.— В чем-то эдаком?..

Она взяла меня под руку и повела по тропинке в сторону дома. Машина отъехала. Я вспомнил, что за всю дорогу Иоланта ни словом не обменялась с водителем. Даже не сказала ему «до свидания».

Иоланта отперла огромную, грязную, испачканную смолой дверь, которая была закрыта на два английских замка и тяжелый засов — процесс длился довольно долго. Мы оказались в темноте, неожиданно взорванной ярким светом. Я широко раскрыл глаза. Холл, как в американском панорамном фильме: пушистые персидские ковры, парад настоящих антикварных вещей...

— Ты здесь живешь?..— повторил я совершенно иным тоном.

Не ответив мне и на этот раз, она пошла наверх по широкой лестнице, а я за ней. Мы оказались в помещении, которое еще больше, чем холл, напоминало дворцовые покои.

— Обслужи себя сам,— Иоланта нажала на невидимую кнопку, часть книжных полок отодвинулась, открывая освещенный зеркальный тайник с рядами бутылок.— Я сейчас вернусь.

Вернувшись, она протянула мне руку:

— Перейдем в другую комнату.

«Другая комната» оказалась спальней. Иоланта подала мне сигареты.

— Ты могла бы сюда приглашать коронованных особ,— сказал я, усаживаясь в роскошное кресло и затягиваясь французской сигаретой.— Здесь бы они чувствовали себя как дома. У тебя, должно быть, крупная доля в бизнесе инженера.

Она не ответила. Подошла к кровати и легла на спину, с руками под головой, с сигаретой в уголке рта. «А ей уже за тридцать,— подумал я,— но сорока еще нет. И она цинична, особенно если речь идет о контактах с мужчинами. Тот летчик Вжошек наверняка видел эту спальню, и Кречет тоже, и еще огромное множество других мужчин; вербовка через постель — метод более древний, чем Рим».

— Ты хорошо знаешь Черного? Со мной ты можешь быть откровенен, абсолютно откровенен, Томек. Инженер нас надувает. Загребает семьдесят процентов доходов от операций. Мне уже надоело. Если ты не фраер, то мы можем вдвоем его обставить. У Черного мы зарабатываем в два раза больше.

— Ты всерьез это говоришь? — спросил я, помолчав.

— Абсолютно,— ответила она.— Подумай, Томаш

— Откуда такое ко мне доверие? — спросил я.— У тебя крупная доля в бизнесе. Если инженер узнает о твоих планах, то я могу на этом выиграть.

— Не выиграешь,— она иронически улыбнулась.— Если будешь вести себя как идиот, то инженер узнает, что ты заигрываешь с Черным. И так он тебя в этом подозревает. Наверное, ты не сомнеешься, кому из нас двоих он больше поверит. Ну, так как?

— Для этого ты меня сюда привела?

— Ну как? — повторила она.— Даю тебе шанс. Раз ты узнал о моих планах, у меня нет выбора. Либо ты согласишься, либо...

Она замолчала.

— Не согласен,— сказал я.— И я отлично знаю, что это была шутка. Такая несерьезная шутка, что я даже не расскажу о ней инженеру, чтобы он не высмеял меня. Правда, Ела?

— Не будь идиотом. Клянусь тебе, ты будешь зарабатывать в два раза больше. Я знаю Трепкевича. Если он за что-то берется, то играет с размахом. С Черным не проигрывают, понимаешь? Инженер не выдержит конкуренции, обанкротится, а у меня нет на это охоты,— сорвавшись с постели, она выдвинула ящик туалетного столика, достала оттуда конверт, бросила мне.— Читай!

В письме было всего несколько строк. «Дорогая Ела! Я предполагал, что ты откликнешься. Согласен. Мы можем встретиться на следующей неделе в Кракове. Ты знаешь, где меня найти. До свидания. Панкратий».

— Это от Черного? — спросил я.

— Да. Теперь-то ты веришь мне?

— Верю,— сказал я, немного подумав.— Очень мне неприятно, Елка. Я не люблю таких поворотов.

— В чем дело? — резко спросила она.

Я потянулся за следующей сигаретой.

— Ты не поняла меня,— сказал я.— Я не бизнесмен. Я азартный игрок. Понимаешь? А игроки следуют определенным правилам в отличие от шулеров. Эти-то правила не позволяют мне обвести вокруг пальца моих шефов, и поэтому я очень сожалел, что должен буду

побеседовать с паном инженером. Когда он увидит это письмо, то поверит мне, наверное.

Она стояла у столика спокойная, с насмешливой улыбкой.

— Инженер не увидит этого письма. Отложи его, Томек.— Я отрицательно покачал головой.— Для тебя будет лучше, если ты отдашь мне это письмо.

— Не могу, Ёла,— мягко сказал я.— Перед тобой азартный игрок.

— Ты хочешь меня уничтожить?

— Мне очень неприятно,— вздохнул я,— попробую уговорить инженера, чтобы он поступил с тобой по-благородному. Только это я и могу тебе обещать.

— Отложи письмо.

Пистолет был небольшой, наверное «вальтер». «Вальтеры» имеют ужасно деликатные спусковые крючки, кое-что я об этом слышал. Я положил конверт на ночной столик.

— Ну что ж,— сказал я.— Эту партию выиграла ты. Без письма инженер мне не поверит, поэтому я выхожу из игры.

— Не знаю, могу ли я теперь позволить тебе это...

Черное отверстие скакало перед моими глазами. Чувствовал я себя ужасно, все еще помня о деликатных курках «вальтеров».

— Оставь,— шепнул я, не отрывая взгляда от отверстия в дуле.— Ведь ты ничем не рискуешь, оставь, Ёлка...

— Перейдешь со мной к Черному?

Я не отвечал. Закрыв глаза. Это были одни из самых тяжелых секунд в моей жизни. Вдруг я услышал смех. Что-то тяжелое легло мне на колено, я открыл глаза и увидел «вальтер». Не был заряжен.

— Не чокнулась ли ты?

— Прости меня, Томек. Инженер уперся на том, что ты подослан Черным...

Я выругался. Безобразно, со злостью. Вскочил.

— Выпусти меня отсюда.

— Еще нет. Теперь мы поговорим о чем-то совершенно ином.

Я не узнал ее голоса. Он был властен, сух, тон не допускал возражений. Мы перешли в салон. Я сел на диван, она на этот раз не предложила мне выпить, хотя бар был открыт.

— Умеешь стрелять?

— Да, но...

— Это хорошо,— прервала она меня.— Поедешь со мной в Краков. На беседу с Черным. Нанесем ему визит, он его ожидает, письмо не было фальшивым.

— Так значит...

— Не прерывай! Я буду разговаривать с Черным в твоём присутствии. Если я не сумею его убедить отказаться от дела, то мы уйдем, а потом ты вернешься за моим зонтиком. Я забуду его. Понял?

— Более-менее,— буркнул я.— Но инженер...

— Глупец. Ты еще не догадался, кто здесь правит?

— Теперь догадался,— сказал я, помолчав.

— Тщательно вытрешь рукоять пистолета и вложишь его ему в руку. Стрелять будешь вблизи и в лоб, чтобы у милиции не было сомнений. Самоубийство,— она показала мне пистолет: на рукоятке виднелась маленькая табличка с инициалами «ТП».— Этот «вальтер» принадлежал когда-то Панкратию, еще во время оккупации. В пер-

вые годы после войны у него было разрешение на ношение оружия, они легко найдут в архивах номер.

— Откуда он у тебя?

— Я когда-то была подружкой Черного. Давно уже. Он подарил мне «вальтер», не предполагая тогда...— невесело усмехнулась, не закончила фразы.— Договорились?

— Не знаю... Я никогда еще не брался за мокрое дело.

— Боишься?

Я подошел к бару, наполнил коньяком рюмку.

— Ладно,— сказал я.— Но за это заплатите долларами. Две тысячи...

— Договорились.

— Три тысячи,— поправился я.— Не могу дешевле. Сама понимаешь, Ёла, это очень неприятная работа.

— Мы поедем на моей машине. Завтра, после обеда.

Глава восьмая

Старший Дрвень поглощен завариванием чая.

— Что с твоим чаем? Хочешь меня возбудить долгим ожиданием? Я выдержу.

— Выдержишь,— соглашается Дрвень.— Вероятно, ты ужасно терпелив. Но мой Болек аж зубами скрипит. А здесь надо ждать, пока хорошо настоится.

— Факт,— говорит Крупский.— Надо ждать, пока хорошо настоится — очень мудрый принцип. А что касается твоего парня, то я не в претензии к нему за скрип зубами: он молод, имеет право.

— Воду не мутит?

— Я его слегка успокоил. Мне кажется, он еще не совсем потерял ко мне доверие.

Старший Дрвень снова уходит в кухню, через минуту возвращается с двумя чашками ароматного крепкого чая, ставит их на стол. Они пьют долго, с удовольствием. Крупский смотрит на часы, неожиданно вскакивает:

— Ева устроит мне головомойку, уже полночь! А я обещал, что буду дома до одиннадцати...

Дрвень провожает его до дверей.

— Заходи почаще,— просит он,— немного нас осталось, друзей по тем временам, редеет старая гвардия.

— Зато молодая растет! — смеется Крупский.— На утешение нам. Отличного качества!

Выходит. Идет медленно вниз по темной скрипучей лестнице. В подъезде на него кто-то натывается, извиняется. Крупский узнает его по голосу.

— Добрый вечер, Болек.

— Добрый вечер, товарищ майор! Я искал вас во второй половине дня и не мог никак найти.

— Надо было заглянуть в собственный дом,— улыбается Крупский.

— Важное известие,— говорит Дрвень. Они идут опустевшей улицей, Крупский направляется к стоянке такси.— Сегодня у меня

был инженер. Кто-то забрался на его виллу, но ничего не унес. Инженер обвинял нас.

Майор слушает, поощрительно кивает головой.

— Потребовал ли инженер, чтобы мы начали следствие по этому делу? — спрашивает он.

— Наоборот, — отвечает поручик. — Я же думаю, что это отличный повод для нашего вмешательства. Вы согласны со мной, товарищ майор?

— Нет, — отвечает Крупский. — Мы выполним желание инженера.

— Но это уж слишком... — не выдерживает Дрвень. — Неужто мы не воспользуемся такой оказией?!

Крупский останавливается, берет Дрвеня под руку.

— Послушай, — говорит он. — Чтобы полностью ликвидировать шайку инженера, нам следует добыть одну вещь. Без нее вся наша работа может пойти коту под хвост.

— Какую вещь? — спрашивает поручик.

— Список, — отвечает майор. — Скорее, два списка. Один с перечнем адресатов, а другой с фамилиями людей, которые перевозят валюту на Запад. Инженер, если мы его даже осудим и посадим, не выдаст этих фамилий. Следует считать, что он единственный человек, который знает их всех. Понимаешь?

— А если такого списка не существует? Инженер может рассчитывать на свою память.

— Нет, — говорит Крупский. — Список существует.

Дрвень хочет еще что-то спросить, но Крупский останавливает такси, садится, прощается с поручиком дружеским взмахом руки.

Глава девятая

Такой машины я еще не водил: глубокие кожаные сидения, шикарный приборный щиток, старт как у гоночного автомобиля.

— У тебя три часа пятьдесят минут на дорогу до Кракова, — сказала Иоланта. — И столько же на обратный путь. Перед полуночью мы должны показаться в «Джиоконде».

Она курила уже четвертую сигарету за последний час.

— Нервничаешь? — спросил я.

— Я знаю Панкратия, — ответила она. — Этот человек не имеет привычки уступать. А если мы его не остановим, он разрушит нашу организацию. Инженер считает, что он перекупил уже многих наших людей. Панкратий умеет работать. Для того чтобы раскрутить новое дело, он не жалеет денег, переплачивает, даже теряет, но в результате выигрывает... — Она говорила быстро, на одной ноте, явно только для разрядки. — Ты слышал, конечно, об афере с произведениями искусства, это тоже его работа. Высылал в Вену десятки картин, икон, имел связь с иностранцами, всех, кроме него, в конце концов накрыли, а против него не было никаких улик, его даже к суду не привлекли.

— Крупный калибр, — буркнул я, нажимая до конца педаль газа.

— Но со мной у него этот номер не пройдет, — сказала Иоланта, прикрывая глаза и затягиваясь очередной сигаретой, вставленной в длинный, тонкий янтарный мундштук. — Я могу с ним разделаться разными способами. Панкратий был скрупулезным, брал от ино-

странцев расписки, я была тогда еще с ним, и у меня есть несколько таких бумаг.

— А ты предусмотрительна,— сказал я, улыбаясь слегка, с восхищением.

— Посмотрим, как он отреагирует, когда их увидит,— бросила она, неприятно кривя губы.— Он недооценивал меня. Он всегда думал, что я была с ним ради его денег и прекрасных глаз.

— Красивый?

— Увидишь. Но я никогда на это не клевала, во всяком случае, не считала это самым главным. Я жила с Черным, научилась от него кое-чему, он даже не понимал этого. Он покупал мне разные тряпки и думал, что я на седьмом небе от счастья. Когда же он все понял, я была уже далеко...

— Сколько тебе лет? — спросил я.

— Больше, чем ты думаешь,— тихо рассмеялась она.— Во время оккупации я была уже достаточно большая, кормила всю семью...

Она открыла сумочку. Краем глаза я заметил пудреницу, красную записную книжку и черную блестящую рукоять пистолета. Затем я почувствовал тяжесть в правом наружном кармане пиджака.

Мы вошли в обставленную скупой, по-спартански комнату. Простой стол в народном стиле, два стула, узкая тахта под ворсистой накидкой.

— Приятно, что ты обо мне помнишь.

— Не без твоей помощи.

Он ответил скромной благожелательной улыбкой, поставил на стол бутылку югославского рислинга, три рюмки.

— За нашу встречу, Ёла.

— За наше соглашение,— ответила она, поднимая рюмку. Трепкевич слегка повернул голову, глянул в мою сторону.— При нем можно говорить,— успокоила она его, перехватив этот взгляд.— Это свой человек.

Черный улыбнулся мне одними губами. Глаза остались холодными, неподвижными.

— Я не совсем понимаю,— сказал он.— Речь идет о чем-то большем, чем дружеский визит?

— У меня мало времени,— Иоланта потянулась за сигаретой. Трепкевич, не вставая, подал ей огонь.— Ты знаешь, с чем я пришла. И проявишь достаточно благоразумия.

— Я всегда стараюсь быть благоразумным,— сказал Трепкевич.— Тебе об этом известно.

Иоланта заложила ногу на ногу. Я никак не мог понять, каким образом в этой яркой женщине соединяется свежесть девушки с чем-то очень мужским, трудно определяемым. И только теперь, когда она смотрела на Трепкевича слегка прищуренными глазами, я понял, что в качестве противника она может быть грозна для любого мужчины.

— Тем лучше, Панкратий. С тех пор, как мы с тобой расстались, наши пути ни разу не пересеклись. Теперь ты зашел на мою территорию.

— Случайно. Я не сделал этого специально против тебя.

— Я верю тебе, но это ничего не меняет. Я хочу тебя просить, чтобы ты отказался от этого дела.

— Ты многого требуешь,— сказал он, помолчав немного.— Дело у меня отличное, насколько прибыльное, настолько и безопасное. Я давно искал чего-либо подобного, Ела. Я устал от риска, хочется зарабатывать спокойно.

— Я раскрутила это дело, Панкратий. Это моя идея. Ты не можешь...

— Ты говоришь так, как будто через минуту представишь мне патент,— прервал он ее с мягкой улыбкой.— Ты забываешь, дорогая, что мы разговариваем о делах.

— Не забываю,— сказала она, отвечая улыбкой на улыбку.— Я знаю, с кем имею дело.

— Ты льстишь мне, дорогая.

Иоланта потянулась к сумочке, висящей на спинке стула. Достала оттуда красную записную книжку и положила ее перед собой. Движения ее были спокойны, заранее обдуманы.

— Ты ведешь нечистую игру, Панкратий. Занижаешь цены на товар, отбираешь у нас людей, перехватываешь адреса.

— Это преувеличение.

Иоланта открыла книжку. Ту самую, которую я видел у инженера. Полистала.

— Ты переманил на свою сторону Торбеля, Мутку и Ченявского, они уже не хотят работать для нас. То же самое ты пробовал сделать с Ключняком. Мы знаем, что ты связался с Гогулей, Фиткевичем, Дворским.

Трепкевич наполнил вином наши пустые рюмки, плеснул себе немного.

— Что делать,— сказал он.— Не стану отрицать. Дело отличное, вложено в него уже много, я обязан позаботиться о прибыли. Пойми меня, Ела.

— Понимаю,— ответила она, пряча записную книжку в сумочку.— Но ты должен от него отказаться. Я была первой.

— Так ли сильно мы мешаем друг другу?— спросил Трепкевич.

— Конечно,— сказала Иоланта.— Так сильно, что один из нас должен уступить.

— Но почему я?— на лице Черного появились признаки веселости.— Почему не ты, Ела? Раньше я часто тебе уступал, наверное помнишь, но на этот раз, однако, я не могу.

— Несмотря на это, уступишь ты, Панкратий.

— Ты в этом уверена, дорогая?

— Скорее да.

— Ну, так выпьем,— он поднял рюмку и впервые улыбнулся мне.— Ваше здоровье, Томаш Бур.

Я вздрогнул. Я не представлял ему. Откуда он знал мое имя?

— У тебя отличная разведка,— сказала Иоланта.— Впрочем, в этом ты всегда был первым. Но есть что-то, о чем ты не знаешь, Панкратий.

— А именно, дорогая?— он наклонился с изысканной, подчеркнуто преувеличенной любезностью.

Иоланта снова потянулась к сумке. Вытащила оттуда квадратный листочек, похожий на фотографию, и подала его Черному. Трепкевич посмотрел на него, застыл на мгновение, потом подмигнул Иоланте.

— Замечательно! — сказал он. — Фотокопия расписки. Ты уже тогда собиралась заняться делами самостоятельно? Я недооценил тебя, дорогая.

— Факт, — согласилась она. — Лучше поздно, чем никогда. Тебе достаточно этой фотографии?

— Симпатичная карточка, — сказал Трепкевич и отдал Иоланте фото. — Жаль, что у нас с тобой нет семейного альбома. Волнующее напоминание о прошлом.

— Ты продолжаешь меня недооценивать, Панкратий. Я готова на все, чтобы заставить тебя отказаться от этого дела.

— Правда на все, дорогая? — спросил Трепкевич со скукой в голосе, но все еще вежливо. — Не буду ловить тебя на слове.

Иоланта спрятала фотографию в сумочку. Я видел ее возбуждение и то, что она все с большим трудом сдерживает себя.

— Я не люблю делать определенных вещей, — сказала она. — Но ты вынуждаешь меня. Предпочитаешь ли ты, чтобы я передала милиции эти расписки?

— Ты зря приехала с телохранителем, — сказал Трепкевич, даже не взглянув в мою сторону. — На моей территории тебе никогда ничего не будет угрожать.

— Ты уступишь или мне передать их?

Трепкевич наклонился в сторону Иоланты, не отрывая локтей от стола, и несколько секунд приглядывался к ней с иронической улыбкой.

— Ты не сделаешь этого, — сказал он. — Во-первых, я знаю все о тебе и твоих людях. Если мне и придется погибнуть, то в приятном обществе. Я бы представил гражданам милиционерам убедительные доводы деятельности Иоланты Угрот, они были бы для них настоящей находкой. Значительно более ценной, чем один из твоих людей, который работает на них.

Я крепко сжал пальцами ножку рюмки. Любопытно. Даже очень любопытно. Трюк или правда? Иоланта прикусила верхнюю губу, глядя прямо в глаза Черному.

— Ерунда, Панкратий.

— Даю слово, что это не я засыпал летчика. Паршивая овца — в вашем стаде.

Иоланта облегченно вздохнула. Ее лицо, до сих пор напряженное, расслабилось, зубы отпустили губу. Потянувшись за сигаретой, сама ее прикурила: на этот раз Трепкевич не поспешил с огоньком.

— Летчик засыпался из-за моей неосторожности и из-за глупости одного из наших людей. До сих пор я не была абсолютно в этом уверена, но теперь я не сомневаюсь.

— А во-вторых, — сказал Трепкевич, — то дело никого уже не интересует за давностью лет. С того времени были уже две амнистии. Сожалею, дорогая, но я не вижу средства, с помощью которого меня можно было бы склонить к отказу от этого дела.

Иоланта встала.

— Это твое последнее слово, Панкратий?

— По вопросу отказа от дела — последнее. Но мы можем договориться о возможном сотрудничестве. Взамен на ваши связи я был бы готов...

— Нет, — прервала она его. — Я еще помню, что ты обычно делаешь со своими компаньонами. Когда отпадает в них необходимость, с ними обязательно случается какая-нибудь неприятность.

— Не предполагал я, что ты когда-нибудь окажешься на другой стороне, — сказал он. — Откуда в тебе столько уверенности, дорогая?

— Ты хороший психолог, — ответила она, — но во мне ты так и не разобрался.

— Согласен, — кивнул он. — Даже тогда, когда ты ушла, забрав из тайника все, что имело какую-то ценность. Ты не оставила ни одной зеленой бумажки.

— Несмотря на это, ты опять на коне, — Иоланта направилась к двери. — Очень жаль, Панкратий, что мы не договорились, — бросила она с порога.

У подъезда какой-то пьяный обнимал фонарь. Другой, несколько более трезвый, пытался его оторвать.

— Так, как договорились, — тихо сказала Иоланта. — Я буду ждать здесь. Шести минут тебе должно хватить.

Я вернулся в подъезд, поднялся на третий этаж и позвонил у двери. В квартире продолжал играть приемник, это мне было на руку.

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — сказал я. — Иоланта забыла у вас свой зонтик.

Пауза. Дверь приоткрылась, на пороге стоял Трепкевич с зонтиком в руках. При виде пистолета он отступил. Я вошел в квартиру.

— Не делайте этого, — прошептал он. — Мы сумеем договориться.

Я запер дверь на засов и пошел на него, а он все отступал и отступал — так мы попали в комнату.

— Мне приказано вас убить, — сказал я спокойно. — Ничего не поделаешь.

— Минуточку, — шепнул он. — Побеседуем. Сколько вы хотите? У меня здесь много денег, но без меня вы не найдете, вы разрядите оружие, а я выплачу вам, скажем, пять тысяч...

— Нет.

— Восемь тысяч долларов, все, что есть, подумайте, пожалуйста...

Я отрицательно покачал головой.

— Пускай, — сказал он. — Я согласен на ваши условия. Уступаю. Этого вы добивались?

— Уже нет, — ответил я. — Слишком поздно, Черный. Иоланта запретила мне разговаривать с вами. Я должен вас прикончить без разговоров.

— Дорогой!.. Не стреляй!..

Я стоял в двух шагах от него. Он не двигался. Знал, что у него нет шансов, что он не успеет даже моргнуть.

И я ему кое-что сказал. Он широко открыл глаза. Я повторил. Внятно, слово за словом, чтобы до него лучше дошло.

— Ну, так как, Черный?

Пауза. Наконец он кивнул.

Тогда я выстрелил.

Мотор был включен. Я захлопнул дверцу, Иоланта резко рванула, свернула на ближайшем перекрестке, потом на следующем. Я закрыл глаза. Когда я их открыл, мы были уже на шоссе.

— Ну как? — услышал я. — Все в порядке, Том?

— В порядке, — я снова закрыл глаза, поддаваясь мягкому покачиванию. — В порядке... — повторил я.

— Почему так долго? Одиннадцать минут.

— Он не сразу открыл. Потом болтал. Предлагал мне разные вещи.

— Если бы ты попался на эту удочку, то прожил бы недолго, — сказала она, вглядываясь в желтый отрезок шоссе, окруженный глубокой чернотой. — Черный не прощает.

— Не прощает... — повторил я за ней механически.

— Ты плохо себя чувствуешь, Том?

— Я не привык к такой работе. Мерзость.

— Он испугался?

— Да, — неохотно ответил я.

— Унижался? Умолял о милосердии?

— Отстань, — бросил я. — Не хочу об этом говорить.

Глава десятая

Майор сильно прижимает трубку к уху. Плохая слышимость. Мембрана шипит, как сало на сковородке, задыхается, взрывается бурей тресков. Черт бы побрал изобретателя телефонов-автоматов, либо их изготовителя, либо тех паразитов, которые их ломают, — все равно!

— Конец уже близок... — хрипит трубка, — не более двух дней... готовности оперативную группу...

— Алло! — кричит Крупский. — Алло, вы слышите меня?! Есть ли у вас в чем-нибудь необходимость?

— Нет... — отвечает, задыхаясь, трубка. — С завтрашнего дня, с восьми вечера ждите... телефон... группа в полной готовности...

Трубка замолкает. Майор нажимает на рычаг и сразу набирает номер поручика.

— Загляните ко мне, — говорит он.

Вошедший поручик докладывает по-уставному. Крупский указывает ему на кресло, сам садится рядом.

— Есть что-нибудь новое? — спрашивает.

— Рапорт из таможенного управления, — Дрвень кладет перед майором сложенный вдвое листок. — В течение последней недели шестьсот тридцать пять посылок со свитерами. Они разыгались не на шутку. Вчера я встретил на улице инженера, смеется над нами прямо в глаза. Наглая, ироническая усмешка, поклон в пояс...

— Не обращайтесь внимания, — утешает Крупский. — Вскоре начнем действовать. Возможно, уже завтра, Болек.

Дрвень застывает. Несколько минут он смотрит в глаза Крупскому, тот усмехается слегка, по-дружески.

— Товарищ майор,— решается Дрвень,— вы что-то скрываете от меня.

— Ты говоришь, что инженер смеется над нами? Знаешь, Болек, это очень хорошо. Это значит, что он ничего не ожидает...

— А чего он может ожидать?! — взрывается поручик.— Следствие еле-еле двигается, мы переливаем из пустого в порожнее, ни одного факта, ни одной улики...

— Вот именно! — живо соглашается Крупский.— Ни одной улики. Но улики у нас скоро будут, и очень важные улики.

— Я их не добуду,— сухо говорит Дрвень.

— Но, однако, мы будем их иметь также и благодаря тебе,— улыбается майор.

Дрвень хмурит брови. Потом встает с кресла, смотрит на майора.

— Мне кажется, я начинаю понимать,— говорит он.— Я ширма. Но для кого, товарищ майор? Кто ведет настоящее следствие?

— Может быть, я...— продолжает улыбаться майор,— может быть, кто-нибудь другой... Не сердись на меня, парень... Если бы ты все знал, то в твоих действиях не хватало бы убежденности. А инженера глупцом не назовешь.

Ф и н а л

Я поглядывал в зеркальце. Автомобиль ехал с ближним светом, постоянно сохраняя дистанцию, независимо от скорости, с которой ехали мы. Иоланта дремала. Почувствовав легкое беспокойство, смешанное с раздражением, я прибавил газ, утопил педаль до предела. Сто шестьдесят. Машина шла за нами, словно на буксире.

Тогда я поехал тише. Приближался поворот, я миновал его, погасил фары и съехал на обочину. Рядом пролетел «Таунус», я успел рассмотреть номер,

— Что случилось, Том? Почему мы стоим?

— Только что проскочил Кречет,— сказал я.— Он все время тащился за нами. Странно, правда?

— Странно,— согласилась она, помолчав.— Ты уверен?

— «Таунус», его номер. Если только он не дал кому-нибудь свою машину.

— Странно...— повторила она.— Ему нечего было делать в Кракове.

— Может быть, было,— сказал я, включая фары и выводя машину на шоссе.— Профессиональное любопытство.

— Не понимаю.

— Если он ехал за нами, то только с одной целью.— Я криво усмехнулся.— Он знал, что мы собирались делать в Кракове?

— Нет. Никто, кроме инженера.

— Ну, тогда мне не надо ничего объяснять. Вспомни инцидент в саду и провал летчика. Возможно, и ты сама еще что-нибудь припомнишь?

— Ты абсолютно уверен, что это была его машина? — спросила она, подумав.

— Достаточно, чтобы с этого момента держаться от него подальше,— угрюмо бросил я.— Если нас уже не ждут на окраине, чтобы отвезти обратно в Краков.

Больше она не отзывалась. Мы въехали в город, я остановил машину за несколько кварталов от «Джиоконды».

— Делай, как хочешь, — сказал я. — Но я туда сегодня не пойду. Тебе тоже советую схать домой. Позвонишь от себя в «Джиоконду» и попросишь инженера. В случае чего мы выиграем полчаса, потому что они ожидают нас в «Джиоконде».

— Неплохая мысль, — согласилась она. — Поедешь со мной.

Я заметил рядом телефонную будку.

— У тебя есть монета в пятьдесят грошей? — спросил я. — Я позвоню своей малышке и спрошу, все ли в порядке.

— Позвонишь от меня.

— Я предпочитаю отсюда. Там могут уже меня ожидать, понимаешь? Лучше из автомата.

Кивнула. Порывшись в сумочке, дала мне пятьдесят грошей. Я закрылся в будке. Когда я вышел из нее, мотор уже работал. Она снова села за руль.

— Ну как? — спросила меня.

— Все в порядке, — ответил я. — Никто меня не спрашивал.

Вдруг она выключила мотор.

— Я тоже позвоню отсюда, — сказала она.

Ждать мне пришлось довольно долго. Наконец она вышла из будки, энергичным шагом подошла к машине, села, резко тронула с места.

— Ты говорила с инженером? — спросил я. — Ты сказала ему о Кречете?

— Инженер через час будет у меня. Он хочет с тобой увидеться.

Она извинилась передо мной: ей надо принять ванну, она плохо себя чувствует, день был неприятным. Я остался один, подошел к книжному шкафу, открыл стеклянные дверцы. Штук пятнадцать книг, переплетенных в кожу. Я достал одну из них: старинная книга, шестнадцатый век, стоит целого состояния. Иоланта знала, во что вкладывать деньги.

Бар был открыт, и я налил себе коньяку. Сумочка Иоланты лежала на столе, элегантная, из зеленой крокодиловой кожи. Я взял ее, открыл, потом закрыл и положил на диван.

На Крупском надето кожаное гражданское пальто — ночью бывает холодно. Поручик тоже в штатском.

— Окружить дом, — говорит Крупский. — Ты будешь вести наблюдение за окном на втором этаже. Сорванная штора — сигнал к началу действий. — Он вынимает из кармана огромный ключ и подает его Дрвеню: — От входной двери. Постарайтесь действовать быстро и без шума.

— Они могут быть вооружены? — спрашивает поручик.

— Не исключено, — отвечает майор. — Однако я предпочел бы, чтобы обошлось без стрельбы.

— Кто из них наш человек? — спрашивает Дрвень. — Теперь товарищ майор может мне, наверное, сказать.

— Я не знаю,— говорит Крупский с извиняющейся улыбкой.— Я правда не знаю, Болек. Мы с ним разговаривали только по телефону, и он звонил всегда с простуженных автоматов.

— Центральное управление? — спрашивает поручик.

— Мой старый друг, полковник Дорош. Я просил у него помощи в этом деле. Он обещал мне послать одного из самых способных офицеров.

Я не услышал, как они вошли: стоял лицом к бару и наливал себе коньяк, когда кто-то коснулся моего плеча.

— Добрый вечер, пан Томаш,— сказал инженер.— Как удалась поездка?

— Так себе,— буркнул я, глядя исподлобья на Кречета, который садился на диван рядом с крокодиловой сумочкой.

— Все прошло гладко? — спросил инженер.

Я выпил коньяк. Терпкий жар прокатился волной до желудка. Инженер разглядывал меня своими огромными, серыми, женскими глазами, в которых на этот раз не было ничего сального, а только какое-то нездоровое любопытство.

— Не будем изображать Версальский двор,— сказал я и повернулся к Кречету.— Зачем вы ехали за нами?

— Зачем ты ехал за ними? — спросил инженер, тоже поворачиваясь к Кречету.— Кто тебе приказал следить за ними?

Кречет не отвечал. Взял с дивана крокодиловую сумочку и начал водить пальцем по блестящей коже.

В комнату вошла Иоланта. Волосы ее были перехвачены шифоновым платочком, лицо розовело после купания.

— Молчи,— тихо сказал инженер.— Я его выручу. Базиль сопроводит вас по моему распоряжению.

— Что это должно значить? — резко бросила Иоланта.

— Не злись,— сказал инженер, глядя только на меня, и этот взгляд мне нравился все меньше и меньше.— Сейчас я все объясню. Томаш...— он приблизился ко мне.— Правда ли, что с Черным все прошло гладко?

— В чем дело?! — закричал я.

— В том, что двое пьяниц перед домом Трепкевича вошли потом в подъезд,— мягко сказал инженер.— А через четверть часа после вашего отъезда вывели Черного из квартиры. Потихоньку. И Панкратий Трепкевич, которого вы застрелили, был жив и здоров.

— Ерунда,— пожал я плечами.

— Черный был жив и здоров потому, что вы стреляли в воздух, чтобы Иоланта услышала выстрел,— продолжал инженер тем же своим мягким тоном.— А я догадываюсь, почему вы так поступили.

— Интересная история,— я иронически усмехнулся.— Что еще выдумал пан Кречет, чтобы спасти свою шкуру?

— Базиль Кречет — это настоящий волшебник,— с усмешкой сказал инженер.— Благодаря его чарам я знаю, кто забрался на мою виллу и что он искал в кабинете.

— История становится все более интересной,— буркнул я.— Кто же злодей?

— Его зовут Томаш Бур,— сказал инженер.— И сейчас он имеет при себе то, чего не нашел у меня в кабинете. Иоланта была удивлена, но на мою категорическую просьбу согласилась оставить вас наедине с сумочкой. Базиль! Загляни в сумочку.

Кречет открыл сумочку, осмотрел ее содержимое.

— Нет,— коротко заявил он.

— Я был в этом уверен,— сказал инженер.— Ёла, у тебя в сумочке была записная книжка? — Иоланта медленно кивнула головой, ее взгляд брошенный на меня, становился все более холодным.— Отдай книжку, Бур.

Я незаметно переместился направо. До окна оставалось не более двух метров. Я увидел направленное на меня дуло парабеллума.

— Ни шагу,— сказал инженер, и я знал, что он не шутит: выстрелит, если я пошевелюсь.— Отдай записную книжку!

— Вы с ума сошли?! — закричал я.— Это провокация! Я не знаю ни о какой...

— Молчи,— прервал меня инженер.— Не устраивай фарса.

— Пора кончать,— сказала Иоланта и сделала шаг в мою сторону.— Если ты взял книжку из сумочки, то все ясно. Я бы предпочла, чтобы ее у тебя не было, Томаш.

— Я тоже,— добавил инженер.— Но у меня нет ни малейшего сомнения. Ты сам отдашь ее, или нам придется тебя обыскать?

Палец инженера спокойно касается курка. Я чувствую в горле холодноватый клубочек.

— Сам отдашь, или тебя обыскать? — повторил инженер.

До окна было не более двух метров. Может быть, даже меньше. Но мне не хотелось ускорять собственный конец. Дуло парабеллума смотрело мне прямо в лицо своим равнодушным черным глазом.

Инженер что-то узнал. Что? Не знаю. Следовательно, у меня нет шансов на спасение, на то, чтобы выпутаться из сетей.

И незачем тянуть с этим.

— Меня не надо обыскивать,— сказал я.— Книжка у меня.

Глаза Иоланты потемнели, сузились. Я ей нравился, видимо, и ей не хотелось, чтобы это оказалось правдой.

— Отдай,— сказал инженер.

— Нет,— ответил я.— Дом окружен. Отсюда никто не выйдет. Спрячьте оружие.

Инженер усмехнулся одними губами. Я заметил, что его палец сильнее давит на спусковой крючок.

— В этом доме есть подвал,— сказал он.— Очень глубокий. Дюжина людей присягнет, что ты сейчас пьешь свой коньяк в «Джииконде».

— Милиция знает, что я здесь,— сказал я, заставляя себя безразлично, издевательски усмехнуться.

— Но тебя она не найдет,— тихо отозвалась Иоланта, и я понял, что приговор бесповоротен.— Ты должен погибнуть, Том. Мы все не можем из-за тебя пойти на дно.

Я закрыл глаза. В голове было пусто, в горле — морозящий клубок.

— Что делать,— шепнул я.— Хочется мне только кое о чем спросить. Я совершил ошибку. Какую?

— Ты не совершил ошибки,— сказал инженер.— Через четверть часа после вашего отъезда в Краков мне передали записку из тюрьмы от одного заключенного, который разговаривал с Люлеком на прогулке. Люлек сообщает, что писал твою рекомендацию под диктовку следователя.

Я вздохнул. Идиотская случайность. Невнимательность тюремного стражника. Моя первая и последняя неудача.

— Пощадите!..— простонал я.— Не убивайте меня!..

Я упал на колени. Падая, задел рукой за штору, сильно дернул ее. Иоланта скривилась и отвернулась.

— Кончить! — прошептала она.

Инженер дал знак Кречету. Я хотел уклониться, но не успел...

— Жив...— бросает инженер.— Еще раз...

Дрвень слышит это, уже стоя на пороге с пистолетом в руке.

— Не двигаться,— говорит он спокойно.— Руки вверх!..

Кречет замирает, держа над головой окровавленный многогранник. Инженер медленно поднимает руки, дуло парабеллума целится в потолок. Только Иоланта не двигается. Презрительно усмехается.

Веснушчатый рыжий парень вынимает из кисти инженера оружие. Дрвень склоняется над распластанным на ковре телом. Тотчас же он узнает гиганта, которого недавно допрашивал. Гигант лежит без сознания, дышит хрипло, со свистом. Один из милиционеров уже вращает диск телефона, вызывает «скорую помощь».

— Неплохо вы с ним разделались,— говорит Дрвень инженеру, которому в этот момент один из милиционеров надевает наручники.

— Я?! — протестует инженер.— Это он! — указывает он на Кречета.— А шеф она! — указывает на Иоланту.— Она, гражданин поручик, я только выполнял приказы, я не знал...

— Молчать! — прерывает его Дрвень.— Показания дадите в управлении.

— Ах ты, тряпка...— цедит сквозь зубы Иоланта и отворачивается от инженера. Ей тоже надевают наручники, замок сухо щелкает.

В салон поспешно входит врач в пальто, наброшенном на белый халат. Склоняется над лежащим, осматривает рану, щупает пульс.

— В каком он состоянии? — нервно спрашивает поручик.

— Пожалуй, не самом худшем,— отвечает врач и дает указание санитарам, чтобы они осторожно отнесли раненого в машину.

Сначала был адский звон, а потом мелодия, однообразный повторяющийся ритм, из которого я выловил отдельные звуки: Ом... ек... Том... ек... Я хотел открыть глаза, но не мог.

Когда же я их, наконец, открыл, то увидел медицинскую сестру. «В раю,— подумал я,— наверное, нет медицинских сестер, в аду тоже». И заснул.

— К вам посетители, — сказала на следующий день сестра. — Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — ответил я. — Девушка? Со шрамом на правой щеке?

— Нет. Двое мужчин.

Лена не обманули белые халаты: этот, с сединами, плотный, — майор, а другой, курносый — поручик Дрвень.

— Мое почтеньеце, гражданин начальник, — я подмигнул Дрвению. — Невиновен я...

Оба рассмеялись.

— Ваши шутки, капитан, — сказал майор Крупский, — свидетельствуют о том, что вы выздоравливаете. Головка побаливает?

— Ее право, — я улыбнулся. — Как пошло в финале?

— Дверь была уже открыта, — сказал поручик, — мы ждали только сигнала. Почему они хотели вас прикончить, товарищ капитан?

Я объяснил им, почему.

— Когда отсюда выйду, — сказал я, — то отправлюсь в тюрьму, где сидит Люлек, и побеседую со стражником, ответственным за прогулки. С Трепкевичем не было трудностей?

— Никаких, — ответил майор. — В управлении он сразу все рассказал. А знал он многое, знал даже подробности убийства доктора Сторда, у него были свои люди в банде Иоланты Угрот. Его показаний да еще красной записной книжки для суда было бы вполне достаточно. Но разговаривать с нами не желает только пани Иоланта, остальные поют, как по нотам. Мы уже собрали ансамбль в полном составе.

— Я надеюсь, что из меня получилась неплохая ширма, — сказал язвительно Дрвень. — Мне в этой операции была предназначена далеко не лучшая роль.

— Факт, — согласился я. — Мы не очень-то вас боялись...

— Это выглядело бы иначе, будь у меня развязаны руки! — взвился поручик, обиженный, видимо, моей улыбкой. — Если бы товарищ майор не откладывал операции, не торпедировал бы все...

— Ты все еще сердисься на меня? — мягко спросил Крупский.

— Уже нет, — буркнул поручик. — Но...

Мы все рассмеялись. В палату заглянул доктор, предложил закончить визит.

— В коридоре сидит одна женщина, — сказал майор, наклонясь ко мне. — Ее зовут Марта.

— Почему она не входит?! — я даже приподнялся с постели, но в голове зашумело, и я откинулся на подушку.

— Я разговаривал с ней вчера, — вполголоса ответил Крупский. — Она все знает. И она не уверена в том, что капитан Тобиаш Бурко — это тот же самый человек, что и Томаш Бур. Захочет ли он ее видеть...

— Потому что она глупая, — сказал я. — Она глупа, как старый ботинок с левой ноги. Товарищи, для загса нужны два свидетеля. Не смогли бы вы принять участие в торжестве по случаю моего вступления в брак с этой маленькой дурочкой?

Они разом кивнули с такой важностью, словно я их приглашал быть секундантами на дуэли.

— Когда вы были без сознания, она сидела около вас две ночи, —

сказал поручик.— А теперь — ни за какие коврижки. Торчит в коридоре с распухшими глазами и мнет платочек.

— Не говорил ли я вам, что она дурочка? Нашел же я себе объект для женитьбы, нечего сказать...

Майор с сочувствием покивал головой.

— Я понимаю вас, капитан,— сказал он.— Мужчина никогда не знает, почему он это делает. Если знает, то чаще всего не женится. Болек,— обратился он к поручику,— проводи сюда будущую пани Бурко. Скажи ей, что товарищ капитан ее очень просит.

Дрвень вышел. Я с нетерпением ждал.

Перевод с польского Николая Пащенко.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

ФЕЛЬЕТОН

Этот вопрос, дорогой читатель, никакого отношения к делам алкогольным не имеет. Речь пойдет совсем о другом. Именно этот вопрос мне всегда хочется задать тому, кто, будучи абсолютно трезвым, пытается в той или иной форме утвердить свое «Я» за счет унижения другого (или других) — безразлично кого: старого сослуживца или нового соседа по квартире, кровной родни или случайно подвернувшегося под руку прохожего.

Есть, например, хамство громогласное, когда от мощного гласа дрожат в унисон люди и стены, а есть и абсолютно безмолвное (вы обращаетесь к продавцу, а он вас упорно «не замечает»), есть письменное и устное, открытое и исподтишка, минутное и растянутое на годы, утонченное и безо всяких там затей...

Но каким бы оно ни было по форме, суть всегда одна и та же: желание унижить человека при сознании полной личной безнаказанности.

Товарищеский суд одного из челябинских жэков призвал к порядку и оштрафовал сканда-

ИМЕНЕМ САТИРЫ

лящих соседок. Домовая общественность высказала на суде свое суждение — прямо и резко. В жэковской стенгазете опубликовали заметку. Стороны задумались. Но кому-то это показалось недостаточным. И вот уже находится волонтер-художник, который на большом листе ватмана рисует человекоподобных обезьян со скалками в руках. «Сарж» этот вывешивается в центре двора. И ходит стар и млад мимо. Кто равнодушно скользнет взглядом, кто бросит злую шутку, а кто и постоит, похихикает, позубоскалит! И никто не задумается над тем, что топчется человеческое достоинство, наносится тяжкая моральная травма не только объектам сатиры, но и тем, кто вовсе ни в чем не виновен. Во всяком случае, детям «человекоподобных» худо. Они стараются прошмыгнуть незаметно через двор, в темноте. И их можно понять. Одно дело, если твои отдаленные предки произошли от обезьян, а другое, если твои собственные родители еще не слезли с дерева.

Недавно на одном из стендов в вестибюле метро я увидел фотоснимок лежащей на земле пьяной женщины. Все было указано — адрес, место работы, даже возраст. Не хватало только номера телефона. А действительно, почему бы заодно не сообщить широкой публике и его, номерок. Кому-то для знакомства, а кому-то для производства моральной экзекуции на расстоянии! Не ехать же в самом деле по адресу, чтобы мазнуть дегтем дверные косяки? По телефону и современнее и сподручнее.

А любители макать свои кисти в деготь еще, увы, не перевелись.

В большом селе Ипатово — райцентре Ставропольского края — несколько месяцев кряду к позорному столбу, вкопанному на самом людном месте, были прикованы двое. Под палящими лучами солнца, в дождь и снег стояли они тут. Разумеется, не в натуре. Роль позорного столба выполнял фотостенд, а самих злоумышленников — фотографии одиннадцатилетних мальчишек, пятиклассников.

Что и толковать — игрой веселых и находчивых проделки ребят не назовешь. Они угнали четыре чужих велосипеда, употребляя их детали для своего «технического творчества». Воровство есть воровство, и оправдания им нет. Ипатовскими похитителями велосипедов занимались районная комиссия по делам несовершеннолетних, детская комната милиции, они теперь находятся под особым наблюдением педагогов, пионервожатых.

Но кому-то в райцентре этого показалось мало. Как бы похлеще стегануть мальчишек, чтобы звон на весь район! Со стены снимается — нет, не ремень, а фотоаппарат... И вот уже ребята высечены при народе. Секут их день за днем, месяц за месяцем...

Может, есть хоть от этой порки какая-то польза?

— Нет.— твердо отвечает Лариса Михайловна Колесникова, директор шестой ипатовской средней школы, в которой учатся высеченные. Опираясь на свой почти четвертьвековой педагогический опыт, она считает, что кроме огромного морального вреда такая экзекуция ничего принести не может. Ремень — он всегда ремень, хлещет ли он по телу или по душе ребенка.

— Это еще счастье,— говорит Лариса Михайловна,— что ребята малы и не осознают всего значения «позорного столба»...

А если это уже не дети? Если это вполне взрослые?

«Обратиться к вам меня заставляет мое оскорбленное, совершенно раздавленное состояние, до которого меня довели работники магазина самообслуживания по улице Декабристов, 180...» — так начинается свое письмо в редакцию жительница Казани Антимоновна.

Что же произошло в универсаме?

Женщина зашла в магазин, как писал классик, «посмотреть кой-какого товару». Кое-какой товар наличествовал, но того, который она искала, не было. Нет так нет — и женщина направилась к выходу. И тут все началось.

— Эй, ты! — услышала она за спиной. — Вернись!

Окликнула Антимонову не шутница — загадочная товарка по заводу (только ближайший друг может позволить себе обратиться «эй, ты!», да и то не всегда) и не грубиян — несмышленный племяшка. Окликали ее вполне должностные лица — контролеры магазина в белых халатах.

После такого динамичного вступления последовал не менее темпераментный спектакль. Три контролера в три зычных голоса, собрав большую аудиторию покупателей, стали высказывать свои соображения по поводу целей визита женщины во вверенный им магазин. Слова «воровка», «шляешься», «тащишь» относились к категории наиболее часто повторяемых.

Когда же по требованию Антимоновой контролеры наконец удосужились осмотреть ее сумку, то ничего в ней, за исключением, извините, белья (женщина шла из бани, и от этой детали в данном случае не уйти), не оказалось.

Теперь, дорогой читатель, вы, вероятно, ждете, что лента закрутится в обратную сторону — перед Антимоновой извинятся и предложат почаще заходить, ничего и никого не боясь...

Увы, вы ошиблись, читатель. Ни один из белых халатов и не подумал извиниться. Не пожелал даже назваться, хотя женщина настоятельно требовала этого. Не смогла женщина ни добыть жалобную книгу, ни проникнуть в кабинет директора. Вот так.

Мой знакомый врач, работающий на станции «скорой помощи»,

каждый раз, когда его вызывают по поводу сердечных приступов или гипертонических кризов, интересуется — не было ли у больного перед этим серьезных моральных столкновений.

И часто, слишком часто врач получает утвердительный ответ: публично оскорбили, нахамил посетитель, довел издевательствами сосед, в присутствии коллег унизил начальник. Именно так: не наказал, а унизил.

Не будем закрывать глаза, у нас еще встречаются нерадивые работники. Кое-кто вполсилы, а иные просто плохо исполняют свои обязанности — то ли за станком, то ли за письменным столом, то ли за кульманом, то ли за баранкой...

Естественно, что на все эти недостатки прежде всего остро реагирует общественность. Форм и средств воздействия у нас много. И сатира занимает здесь не последнее место. От цеховой «Колючки» до пятимиллионного «Крокодила», от заводского «Комсомольского прожектора» до всесоюзного «Фитиля». И главная движущая сила нашей сатиры — не зубоскальство, а прежде всего страстное желание исправить недостатки, выправить положение.

Эта же мысль лежит и в основе той части нашего законодательства, которая предусматривает наказания как морального, так и материального порядка. Нет среди всех пунктов и подпунктов ни одного, который бы затрагивал человеческое достоинство.

Но иной администратор, смутно представляя свои права и обязанности, не верит ни в силу общественного воздействия, ни в букву и дух закона. Ему тесно в четко очерченных рамках КЗоТа, и он пытается утвердить на вверенном ему участке свой безразмерный кодекс моральных оплеух.

И что самое любопытное. Когда такого «инициатора» призывают к порядку, он пытается оправдаться: я же в интересах дела, это же форма критики. Нет и нет!

Одна из самых суровых форм критики — суд. Но никогда ни судья, ни прокурор не бросят подсудимому пренебрежительное «ты», не унижат и не оскорбят его. Даже тогда, когда подсудимому грозит самое тяжкое наказание. И от этого каждое слово суда, государственного обвинителя становится еще более весомым. И для того, кому оно прямо адресовано, и для тех, кто это слово слышит.

Унижая другого — унижаешься сам. Истина эта была известна еще в древние времена. Право, неплохо было бы помнить ее и сегодня. Всем вместе и каждому в отдельности.

Рисунок В. ОЛЕФИРЕНКО.

МИХ. ВЛАДИМОВ

Несунов,
Из дома выйдя,
К проходной
Шагал вприпрыжку.
В сорок лет своих
По виду
Был похож он на парнишку,
Но иного
Несунова
Все видали после смены:
Старше был своих годов он —
Тучный,
Грузный
И согбенный.
И охранник видел...
Впрочем —
У него своя забота:
Был бы пропуск не просрочен
Да лицо «сходилось» с фото...

Вдруг испортилась погода:

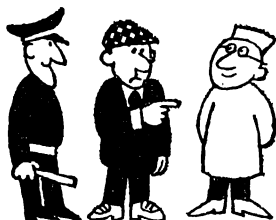
Дождь размыл сугробы-горы.
В гололед идя с завода,
На коньках кататься впору!
Несунов шагнул —
Поехал!..
На глазах у всей охраны
И общественности цеха
Рухнул он
Со звоном странным
И лежит — не шевелится...
«Скорой помощи» машину
Вызывают —
И в больницу...

Врач велит:
— Раздеть мужчину!
Расстегнули,
Развернули...
Вот она, причина звона,
Градом —
Шайбы, гайки, шпули,

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

«ДЕНЬГИ ИЛИ КРОВЬ»

«Тридцать долларов или тридцать дней тюрьмы — такой приговор с давних пор выносятся американскими судами за мелкие правонарушения. В городе Лексингтоне (штат Кентукки) судьи решили «смягчить» кару и модифицировали стандартную формулу приговора. Водителям, нарушившим правила безопасности движения, теперь предлагается иной выбор: «деньги или кровь». Представшие перед судом невнимательные или неосторожные водители вместо уплаты штрафа и судебных издержек вправе сдать пинту крови. Многие из них так и поступают — закатав рукав, отправля-

ются на донорский пункт. Однако если кровь правонарушителя по тем или иным причинам врачам не понравится, он вынужден вернуться в суд и выложить штраф наличными.

ИСПОРЧЕННЫЙ «ОТДЫХ»

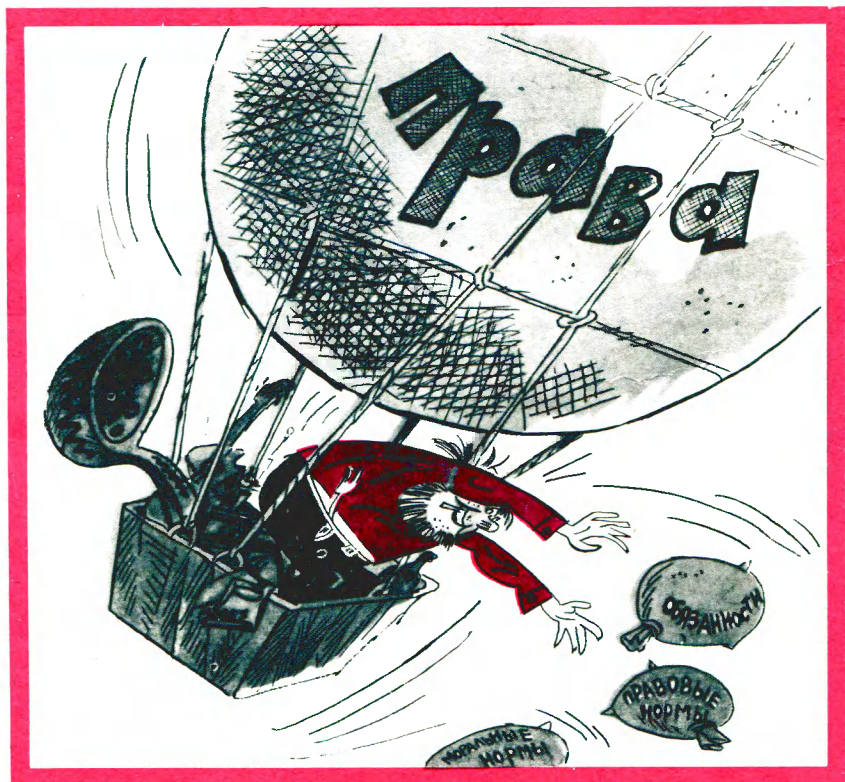

Англичанин Герберт Торп оригинал. Он предпочитает про-

водить рождественские праздники... в тюрьме. Для этого он расклеивает оскорбительные для своих сограждан объявления, а потом отказывается платить наложенный на него судом штраф, который заменяется несколькими днями ареста. Но однажды некий сердобольный гражданин города Мэлтхэм (Англия) уплатил за Герберта штраф. Теперь Торп угрожает проучить того, кто нарушил установленную традицию, «чтобы не вмешивался в дела, которые его не касаются».

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

Ю М О Р

«БАЛЛАСТ» ДАРМОЕДА

Рис. С. ГЕРАСИМЧУНА.
(Из журнала «Перец»)

Цена 25 коп.
Индекс 71075

